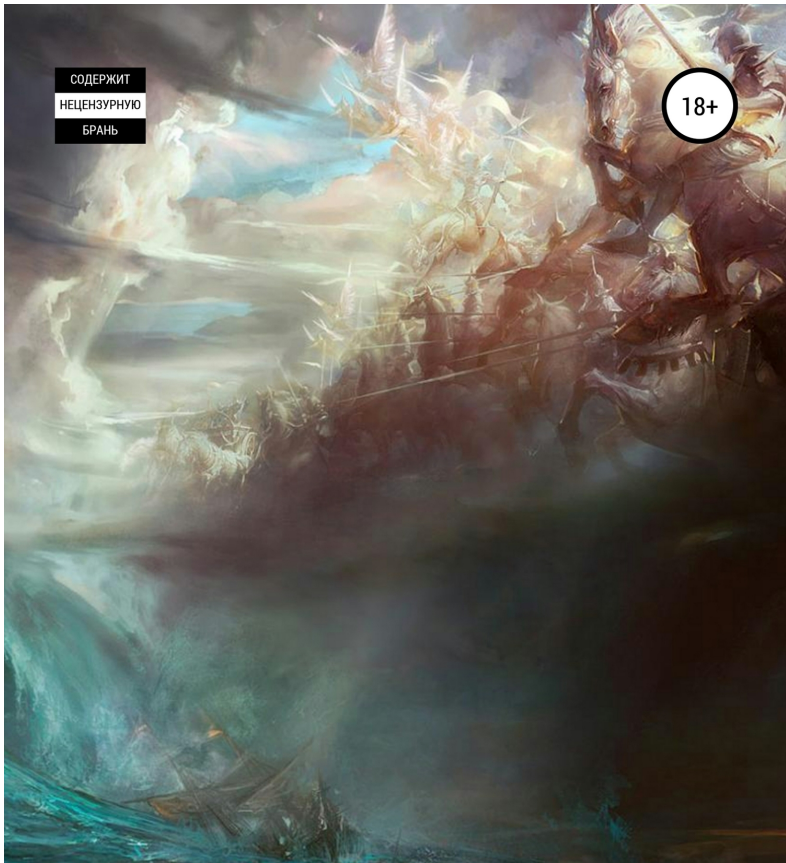

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мурич В.Б.

Спящие карты

Виктор Борисович Мурич

Спящие карты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24186161

SelfPub; 2020

Аннотация

Иногда судьба превращает нас в беспомощных калек. Война. Авария. Несчастный случай. Лишенные конечностей, зрения, прикованные к постели, мы теряем смысл жизни... И приходят сны. Такие реальные, что хочется в них остаться навсегда. Сны, в которых ты делаешь то, что умеешь лучше всего – воевать. Сны – в которых ты снова полноценный. Но за все нужно платить. Даже за сны. Однажды я попал в военный госпиталь. Зашел в палату и столкнулся с ними. Ребята доблестно служили своей Родине. Они отдали ей часть себя, в прямом смысле. Меня окружали инвалиды. Я не буду вдаваться в подробности. Скажу одно – это страшно. Содержит нецензурную брань.

Виктор Мурич

Спящие карты

За чертой – все не так,
Хоть и жизнь в продолженьи.
Леденящая жуть, одиночества путь.
Или сладостна блажь, веселящая ложь.
Нескончаемый путь, неизведанный – пусть.
Или может он полон новых страстей,
Жизни вечный покой и отчаянный бой,
Мы сейчас за стеной, где и мир, и покой,
Пусть немного другой и сейчас он – со мной.
Неизвестно, что ждет нас за той все чертой.
В.В. Козаков

Глава 1.

– Вся безмозглая отара в сборе? – холодно с прищуром
оглядела нас Дама.

Сегодня она выглядит даже более экстравагантно чем
обычно. Местами рваный комбинезон из грубой серой тка-
ни обтягивает стройную мускулистую фигуру. Пластинча-
тый бронежилет из черной керамики, украшенный чекан-
ным изображением радостно скалящегося черепа на гру-

ди изрядно потрепан. Судя по паре небольших отверстий с оплавленными краями, наверняка от кумулятивных пуль, в районе сердца, он не особо-то помог предыдущему владельцу. На плечи наброшена вылинявшая волчья шкура с ушастой головой закрепленной на шлеме. Руки, затянутые в шипастые перчатки небрежно поигрывают двуствольным автоматом свирепой наружности.

– А куда ж мы денемся? – насмешливо хмыкнул красавчик Десятка, оторвавшись от изучения своей снайперской винтовки с большим многочастотным прицелом, способной поражать цели даже сквозь кирпичные стены. – Вместо того, чтобы баб по ночам тискать мы опять не пойми с кем в войнушки играем. Жить нужно под девизом «Быстрее, глубже, нежнее», чтобы и людям было хорошо и тебе приятно и в то же время безопасно. А мы? Шляемся по помойкам всяким. Ты только посмотри на лохмотья, которые нам на этот раз пожаловали. Рвань от кутюр. Срам позорный а не шмотки. – Он браво сплюнул на грязный, мощеный узорчатой плиткой пол, сквозь щели в котором рвется к тусклому солнцу чахлая трава, и продолжил изучение оружия. Не смотря на поведение он точно также как и все остальные рад появлению здесь, но пытается скрыть это под маской презрения и недовольства.

– Несерьезный ты человек Десятка! – уже в который раз упрекнул его стоящий в стороне Восьмерка, прервав изучение надписей на некогда зеркальной стене. – Ты о чем-ни-

будь кроме женщин вообще думаешь? Хоть иногда?

– Конечно, думаю! – искренне возмущился Десятка. – О своей внешности думаю! Если бы не она, то и баб не было бы. Они, как и рыбы на голый крючок не клюют. Яркая прищипаночка нужна... ну и само собой крючок побольше, чтобы не соскользнула в самый интересный момент.

Он стянул с головы черную замусоленную повязку и безразлично взглянул на нее. Повязка выглядит действительно не ахти. Больше похожа на носовой платок, принадлежащий сильно страдающему гайморитом шахтеру. Уже замахнувшись, чтобы отбросить кусок ткани в сторону он нарвался на суровый взгляд Дамы. Тяжело вздохнув, Десятка с недовольным лицом снова упрятал свои пышные русые локоны под повязку и начал в подробностях и красках рассказывать Восьмерке об одном из своих бесчисленных похождений. Рассказ он сопровождает красноречивыми жестами и невероятными движениями, наверняка отражающими ход событий. С таким энтузиазмом, неумной сексуальной энергией и весьма развитой фантазией он и небезызвестного персонажа пошленьких анекдотов – поручика Ржевского перецеголяет, если только раньше от триппера или еще какой гадости кони не двинет. Если верить всем его басням, то, он как минимум секс-машина с встроенным «перпетум мобиле». Восьмерка безразлично морщится, но из вежливости не перебивает рассказчика. Хотя, это может быть совсем никакая не вежливость, а желание поднабраться опыта в амурных

дела. Если так, то зря старается. С его то фасадом...

Я все еще никак не могу прийти в себя от столь резкой перемены окружающей среды. Вроде уже и далеко не первая миссия, а каждый раз испытываю легкий шок при входе в сон.

Радуется, что хоть не в зиму попали. Бродить по пояс в снегу удовольствием не назовешь, а лыжи с детства не люблю. Два раза пытался научиться и оба раза трагически. Первый раз для меня – вывихнул руку и расквасил нос. Второй для меня и дяди милиционера неосторожно оказавшегося у меня на пути. Тормоза на лыжах не предусмотрены. А зря. Остановился бы вовремя и не сбросил бы человека в реку. А он еще и плавать, оказалось не умел. Спасательного круга не было, пришлось бросать то, что есть – лыжи. Он тоже странный, вместо того, чтобы их руками ловить все голову подставлял и почему-то совсем не радостно кричал чтобы я хоть палки не бросал. Но ничего, дядька отходчивый оказался. У меня потом три дня уши отходили.

В нашу яму, заполненную обломками проваленных перекрытий и разнообразным мусором, как бы нехотя заглядывает ласковое солнышко. Оно словно побаивается невесть зачем собравшихся здесь людей, не имеющих никакого отношения ни к этому миру, ни к его обитателям. Выныривает из сумрака, ранее не замеченный эскалатор. Железная лента скрывается в толще обрушенных бетонных конструкций, оставляя мне только догадки о своей истинной протя-

женности. Справа, частым лесом застыли погнутые турникеты, а рядом с ними покосившийся под весом обвалившегося потолка книжный ларек. Дующий из невидимого в темноте вентиляционного тоннеля теплый ветер ворошит кипы макулатуры, наполняя яму шелестом. На самом деле никакая это не яма, а разрушенная станция метро. Мощный взрыв когда-то давно разворотил верхние перекрытия и обрушил платформы. Сейчас от бывшего великолепия остался лишь небольшой клочок не засыпанного пространства с турникетами, киоском и вершиной эскалатора.

Меня окружают давно знакомые люди. Точнее не люди, а карты...

У нас нет имен... По крайней мере здесь. В реальности мы все Васи, Пети, Маши, но не здесь.

Все вместе взятые мы именуемся колода Пик. Кроме этого каждый имеет личный номер. Я – пиковая Шестерка... Это мое имя и постоянный повод для шуток. Шестера – именно так меня называет большинство.

В колоде пять мужчин – рядовые карты от Шестерки до Десятки и одна женщина – наш лидер Дама пик. Редкостная стерва, профессионал и бесстрашная до безрассудства. Неделю назад, спасая запутавшегося в колючей проволоке великана Семерку она бросилась наперерез пятерке Храмовников... Даже острые как бритва серпы не помогли святошам... В руках Дамы любой предмет становится смертоносным оружием.

Осматриваю присутствующих. Все затянуты в такие же как у Дамы серые комбинезоны из грубой ткани. Торсы защищены либо керамическими бронежилетами, тускло поблескивающими в лучах заходящего солнца, либо короткими толстыми кольчугами, украшенными какими-то кожаными висюльками.

Рука натывается на висящий на боку короткий автомат. На широком поясе цепочка кожаных подсумков набитых обоймами. К правому бедру прижался короткий клинок с широким лезвием и чуть изогнутой деревянной рукоятью. Оружие подобрано в самый раз под меня, как будто сам выбирал. Я обычно предпочитаю легкое вооружение. Не люблю тяжести таскать... Лениво. Совершенно не обязательно переть с собой кучу разномастного оружия невероятного калибра и дикой убойной силы, если конечно война идет не со слонами в кевларовых панцирях. Обычно противника необходимо всего лишь ликвидировать, а не превратить в контуженного звуком выстрела зайку. Главное, чтобы оружие было безотказным и легким. Малый вес добавляет маневренности и соответственно делает владельца менее уязвимым. Забавно было бы увидеть на реальном поле боя какого-нибудь персонажа боевиков раскорячившегося под непосильным грузом пулеметов и базук. Замечательная мишень из него получилась бы. Большая и заторможенная.

Быстренько провожу ревизию многочисленных карманов и облегченно вздыхаю – как всегда все на месте. Хозяева

хорошо заботятся, никаких претензий. И пищевой рацион и боевая аптечка находятся на своих местах. Оттягиваю затвор автомата – и тут порядок – механизм поблескивает свежей смазкой. Автомат далеко не новый, в изобилии следы эксплуатации, но находится в хорошем состоянии. На широком лезвии бритвенно острого ножа ни единого пятнышка ржавчины – сталь отлиывает полуночной синевой морской глади. Необычное сравнение, но мне нравится... Нравиться смотреть на гладкую сталь и вспоминать море, лунную дорожку подрагивающую на волнах, вереницы туч наперегонки стремящихся прикрыть желтый лик ночной красавицы. Почему-то обо всех этих красотах я начинаю думать лишь на миссиях, дома же это обыденное, повседневное окружение, достаиваемое разве что беглого взгляда из окна квартиры.

– Чего сегодня тут творить будем? – пробасил великан Семерка, вырвав меня из ностальгической пелены воспоминаний.

Невежественное существо этот Семерка. Не человек, а бульдозер. Сходство как в отношении силы так и ума. Нехватка извилин с избытком компенсирована мышцами. В жизни не встречал более сильного человека. Как-то он безоружный оказался в толпе повстанцев из свежеслепленной армии с непроизносимым названием на крыше небоскреба. Роковой ошибкой стало то, что они решили взять противника живьем... Понадеялись на численное преимущество, так сказать. В общем ошибочка у ребят вышла... Когда мы, на-

конец, таки поспели к нему на подмогу, от толпы остался одинокий узкоглазый парень, испуганно забившийся в угол парапета. Бедняга повстанец от страха обмочил штаны и за такое постыдное поведение был отправлен Семеркой в затяжной полет с крыши небоскреба вслед за уже успевшими приасфальтятся однополчанами.

– Мы находимся в городе, – начала Дама, затянувшись сигарой.

– Ой, а я и не заметил! – хохотнул Десятка, озорно взглянув на нее. – Спасибо, что сказала, а то так и остался бы в неведении сидя в этой ямке.

Восьмерка как-то на перекуре рассказал, что еще в самом начале его работы в группе Пик Десятка, как всегда идя на поводу у своего детоштамповочного органа, попытался подъехать к Даме. Что у них там было Восьмерка не видел, но Десятка почти всю миссию бегал с широко расставленными ногами и страдальческим выражением лица, а в ответ на вопросы «что произошло?» лишь хмурил брови и что-то неразборчиво бормотал о женской не гуманности по отношению к сильному полу.

– Мы находимся в городе. Идет война банд, – не обратив внимание на слова Десятки, продолжает Дама. – Банд здесь великое множество, но нас интересует только одна – стая Свирепые Волки. – Мы дружно взглянули на скалящуюся на ее шлеме волчью пасть. – Наша задача – ликвидировать ее лидера.

– Как мы его узнаем? – поинтересовался Восьмерка.

Он всегда выделяется дотошностью и скрупулезностью. Скорее всего, он бухгалтер. Его внешний вид играет на пользу моей догадке. Такой себе сорокалетний плешивенький мужичок с маленьким личиком, носом-прыщиком и вечной сутулостью. На окраинах плечи сиротливо кучкуется редкая растительность. Восьмерка совершенно не вписывается по внешним параметрам в нашу колоду. Он даже Даме достает лишь до плеча. Но его ценность не физические данные, для таких дел у нас народа хватает, а думалка. У Восьмерки уникальная способность анализировать данные и просчитывать ситуации. Таящиеся под жалкой лысиной мозги не раз помогали колоде выйти из затруднительной ситуации.

– Узнать лидера Свирепых Волков достаточно легко, – отбросила окурок сигары Дама. – На гладко выбритой голове ярко-оранжевый гребень волос. На груди золотой волчий череп. Правая сторона лица прикрыта стальной полумаской. Под ней он прячет уродливый шрам.

– Происхождение шрама? – задумчиво интересуется Восьмерка.

– В данный момент это роли не играет, – как-то неожиданно резко ответила Дама, словно ей вопрос неприятен.

Восьмерка с нескрываемым любопытством посмотрел на Даму:

– Телохранители? Количество? Уровень? Оружие?

– Да. Двое. Средний. Обычное. Основная опасность не

телохранители, а он сам. Свободно владеет любым оружием, отличное физическое состояние, не смотря на возраст в пятьдесят лет. В его стае царят железные законы. Любое нарушение карается, вплоть до смерти. Дисциплина строже армейской. Но, не смотря на такую жестокость, он пользуется сверхвысокой популярностью и уважением. Волки готовы умереть ради него.

– Какую территорию контролирует? – продолжает выкачку информации Восьмерка.

– Шестнадцать кварталов. Больше чем кто-либо другой. На его территории находится чистый источник воды – скважина с насосом и работающий белковый завод-автомат. В здешних условиях эти две вещи являются большой ценностью. Ресурсы – постоянный источник конфликтов.

– А что здесь произошло? – напряглось от любопытства прыщавое лицо Девятки. Среди нас он самый молодой – не больше двадцати. Совсем пацан еще. Наивная и романтическая натура. Как-то из-за его романтизма колода чуть не провалила миссию. Тогда мы охотились на Дикий Цветок Растущий На Вершине Горы – профессиональную киллершу с обалденно длинным послужным списком. Охота длилась почти неделю. Раз за разом она юрким обмылком выскользала из наших рук. Казалось, что удача так никогда и не повернется к нам положенным местом. Но на седьмой день фортуна все же сжалилась. Повезло именно Девятке. Он столкнулся с киллершей в крохотном тупичке мусульманского городка.

Вместо того, чтобы пристрелить Девятка встал перед ней на одно колено и начал нести какую-то романтическую чушь. Если бы я тогда не подоспел вовремя, то он так и остался бы лежать в том тупичке со стилетом в горле, а так отделался всего лишь царапиной на шее, увесистой пощечиной от меня и жуткой вздрючкой от Дамы. В общем-то Девятку понять можно. Когда я оттаскивал его причитающего с рожей в слезах и соплях от трупа, то бросил мимолетный взгляд на мертвое лицо. Никогда я еще не видел и думаю, что не увижу такой обезоруживающей улыбки. Даже смерть оказалась бессильной перед красотой... До сих пор это сказочно красивое лицо приходит ко мне в ночных кошмарах, как бы спрашивая «Зачем?». А я лишь молчу, опустив глаза, так как мне нечего ответить. Я и сам бы с огромной радостью получил ответ на этот вопрос.

– Тебе какая разница? – насмешливо глянул на него Девятка и бережно поправил выпавший из под повязки локон волос. – Пришел, увидел, поимел, то есть я хотел сказать победил. Вот и все дела. Чего голову глупостями забивать.

– Интересно-о-о, – протянул Девятка, не прекращая с любопытством вертеть головой на тонкой немытой шее, нелепо торчащей из воротника бронежилета. – Здесь ведь тоже люди, наверняка такие же как и мы. Они ведь жили себе не тужили, а тут трах-бах, война или еще чего.

– Не напрягайся Девятка, – холодно произнесла Дама. – Это не твоя забота. Лучше думай о том, как выполнить по-

ставленную задачу.

Парнишка тяжело вздохнул, и опустил голову, осознав неуместность своих вопросов, но мне хорошо видно, что в карих глазах по прежнему поблескивает негасимый огонек подросткового любопытства. Ох, не доведет его до добра неугомонный характер. Ведь обязательно рано или поздно сунет голову в ... и ... в общем, на войне как на войне.

– Теперь краткое напутствие, – пристально оглядела присутствующих Дама. Под прицелом ее бесцветных глаз я всегда чувствую себя неуютно. Вот и сейчас, мне показалось, что они заглянули во внутрь меня, покопались в мыслях и воспоминаниях, и не найдя там ничего заслуживающего внимания перешли к следующей карте нашей жиденькой колоды. – Солирует сегодня, – она сделала паузу, как будто раздумывая над продолжением, хотя (я уверен в этом на сто процентов) все уже давно решено, – Шестерка.

– Я? – автомат в руках немного дернулся от волнения. Солировать миссию это одновременно почетно и рискованно. Даже не знаю чего больше.

– Ну, это, Шестера, ты того, не подведи! – подымает над головой ладонь величиной со средних размеров сковородку Семерка.

Быстро смещаюсь в сторону, подальше от него. Знаю я эти похлопывания по плечу. Уже проходили. Производственная травма перед боем мне совсем ни к чему.

– Не забывай думать, – тихонько наставляет бухгал-

тер-Восьмерка.

Он всегда так тих. Кажется, что он боится собственного голоса и от этого разговаривает почти шепотом.

Часто киваю, принимая напутствия. Сердце непроизвольно переходит на учащенный ритм под первыми, пока еще хилыми волнами адреналинового шторма. Это возбуждает. Эти несколько минут перед боем самые приятные. Потом, когда начнется бешеный танец со смертью, в окружении ров пуль и пламени, я уже ничего не буду чувствовать. Не до чувств будет. В бою я машина... Не всегда даже удастся думать – палец нажимает на курок еще задолго до того, как возникает мысль об опасности. И это правильно. Иначе нельзя. Иначе не выжить. В эти минуты дом – место, откуда я пришел, кажется нереальностью, иллюзией, не более чем кошмарным сном. Но в то же время я всегда помню, что рано или поздно миссия закончится и мне придется вернуться... Вернуться в серость и беспросветность... Вернуться в тоску и ожидание...

– Наша цель находится вон в том фигваме. – Дама тыкает пальцем в десятиэтажное строение украшенное веером больших дыр неизвестного происхождения. – Скорее всего, последний этаж. Еще раз напоминаю о профессионализме противника, это вам не суматошные мятежники, это сплоченная железной рукой банда, имеющая богатый опыт уличных боев. Дублем к Шестерке пойдет Девятка. Все должно пройти очень быстро и аккуратно. И без самодеятельности

умники, знаю я вас!

– Надеюсь, что хоть перед пятидесятилетней образиной с оранжевым хаером и железным намордником ты на колени падать не будешь, – хохотнул Десятка и насмешливо глянул на щуплого паренька, бережно прижимающего к груди тупорылый автомат с под ствольным гранатометом.

Девятка краснеет, отрицательно качает головой так и не найдя что сказать в ответ.

– Вопросы? – не глядя ни на кого, поинтересовалась Дама, и демонстративно постучала пальцем по стеклышку наручных часов. – Тогда вперед, дохляки. Шевелите мослами, – прозвучала команда в ответ на наше дружное молчание.

Закинув автомат за спину, начинаю выбираться из глубокой ямы служившей нам укрытием. Ноги скользят по обломкам кафельной плитки некогда покрывавшей стены, а пальцам все никак не удается зацепиться. Первая попытка неудачная. Соскальзываю по стене обратно вниз.

За спиной раздается язвительный смешок. Ну естественно Десятка, кто же еще.

– Может тебя подсадить? – любезно предлагает он.

– Изыди. Я твои похотливые руки к своему заду ближе чем на метр не подпущу. Кто знает, что у тебя на уме? – отвечаю ему в том же духе.

– Заткнитесь! – прервала Дама начавшееся веселье в народных массах.

Сплетающиеся в черную паутину высоковольтные кабеля

оказываются очень кстати. Используя их как канаты, царапаюсь наверх, и прячусь за баррикадой из вздыбившегося асфальта. До сих пор из ямы мы наблюдали всего лишь кусок неба и несколько домов, теперь же моему взгляду открылся полуразрушенный город, переживший войну. Именно войну, а не природный катаклизм. Никакое природное бедствие не в состоянии оставлять на кирпичных стенах такие до боли знакомые ряды оспин – результат работы крупнокалиберного пулемета.

Мы находимся почти в центре перекрестка широких дорог, вдоль которых толпятся высотные жилые дома с магазинами на первых этажах. Стеклянные витрины разбиты, в сумрачных утробах неизгладимые следы погромов и мародерства. Никаких признаков жизни, лишь несколько покосившихся манекенов в диковинных нарядах тупо пялятся дырками глаз на усеянный медленно дефилирующим под порывами зловонного ветра мусором асфальт и застывшие как памятники суровой эпохе обгоревшие остовы машин.

Раньше здесь наверняка бурлила жизнь – струились потоки автомобилей, неторопливо гуляли по тротуарам влюбленные пары, кто-то торопился на работу, кто-то домой, но с тех пор, как этот город стал резиденцией костлявой старухи с косой и на редкость мерзкой мордашкой все изменилось...

Сегодня мы в ее владениях – на ее пастбище.

Метрах в двадцати лежит несколько старых, уже подвергшихся нашествию ворон трупов – пожилой мужчина и трое

детей. Он похож на учителя в окружении своих учеников. Судя по положениям тел, они пытались перебежать через улицу, но попали под чью-то чертовски прицельную очередь.

– Вот ведь сволочи! – тихо шепчу, глядя на детские трупики.

– Что там? – шелестит в ухе горошина наушника голосом Девятки. Он только-только начал подъем на поверхность.

– Трупы детей, – отвечаю в прилепившийся у левого уголка рта микрофон.

– Ты что трупов никогда не видел? – рывкнула в ухе Дама. – А ну вперед сучий потрох! Нашел чем любоваться! Вперед помесь гуманиста с некрофилом!

С трудом отрываю взгляд от детей, успев в последний миг заметить, что там еще одна девочка, наверное, лет восьми. Она лежит за крупным телом мужчины, поэтому я ее сразу не заметил. Четвертая... При падении с детской головы слетела широкополая шляпа, и теперь ветер небрежно поигрывает парой жиденьких хвостиков льняного цвета. За истоптанный башмак зацепился полиэтиленовый пакет. Почему-то хочется подойти и убрать его, а еще прикрыть шляпой обезображенное клювами лицо с пустыми как у манекенов глазами.

Короткими перебежками устремляюсь к разбитому окну необходимого мне здания, слыша за спиной тихие шаги Девятки. От него зависит безопасность моего тыла. В случае чего он должен оттянуть огонь на себя, давая возможность

мне выполнить миссию.

Не останавливаясь, рыбкой проскальзываю сквозь перекошенную раму, и мягко приземлившись, сразу же делаю кувырок в сторону. Если вдруг меня засекали во время прыжка, этот нехитрый трюк позволит избежать нескольких лишних дырок в моем теле и даст время на ответный огонь.

– Чисто, – сдерживая волнение, шепчу в микрофон. Вроде уже и не новичок, а все равно волнуюсь как в первый раз.

– Поняла. Подтягиваемся. Шевелитесь уроды! Давай-давай, ковыляй мослами великий сеятель жизни!

– Я лучше ножками, – хихикает Десятка в ответ Даме.

Через окно шумно, с остатками ветхой рамы, вваливается Девятка, и замирает возле меня, с опаской поглядывая на входную дверь.

– Ты специально головой в раму целился? – Вид щуплого паренька озадаченно почесывающего уши бленную макушку не может не вызвать улыбки.

Он нервно облизывает пересохшие губы и пренебрежительно отмахивается. Глаза радостно поблескивают огнем охоты. Похоже, что не я один испытываю радость от работы. Интересно кто он там... дома?.. и общий ли у нас дом?.. Неужели и у него столько серости и мрака в душе? Но об этом не принято спрашивать. Все что касается жизни вне миссий закрытая тема. Своего рода табу.

Похоже, что эта комната в свое время была каким-то складом. Тянущиеся вдоль стен, высокие до потолка, стеллажи

заставлены картонными коробками. Справа в углу небольшая платформа на колесах с закрепленной раздвижной лестницей, чтобы добираться до самых высоких полок. Десятка делает шаг к ближайшей коробке, намереваясь познакомиться с ее содержимым. Вот уж неугомонный! Показываю ему кулак. Он обречено вздыхает и отступает назад, жадно ощупывая взглядом стеллажи. Я уверен, что стоит мне отвернуться, и парень повторит свою попытку вновь.

Под окном возникают силуэты Дамы и Восьмерки. Бухгалтер задумчив, как всегда погружен в размышления. То ли он действительно такой умный, то ли это естественное выражение лица.

– Десятка – на двадцать метров вправо, Семерка – за трансформаторной будкой слева у окна, – командует Дама и одним движением перебрасывает тренированное тело через подоконник. – Сидеть тихо, как в шкафу у чужой бабы.

И где мы только не сидели...

Кого мы только не имели

Мужья за нами бегали

Гремя рогами прыгали

Довольно мелодично припевает Десятка пересекая улицу со снайперской

винтовкой наперевес и скрывается внутри помятого лимузина с выбитыми стеклами и простреленными крышками. Из водительского окна высовывается длинный ствол и начинает стеклянным глазом прицела хищно заглядывать в

лица домов как бы в поисках съестного.

Трансформаторная будка оказалась мелковатым укрытием для великана Семерки, и теперь из-за нее выглядывают широкие плечи и приклад тяжеленного пулемета с навеской из пары управляемых ракет. Я бы загнулся под весом такой махины, а ему хоть бы хны.

Хочется верить, что тяжелое оружие нам сегодня не понадобится, и миссия пройдет как по нотам – пришли, убрали и ушли.

– Вы тут долго топтаться будете? – свирепо прошипела мне в лицо Дама. – Вперед пара паралитиков!

– Уже идем, – дергаю за рукав Девятку, и мы быстро покидаем комнату.

На удивление спокойно добираемся до седьмого этажа. Сквозь узкое окно на лестничной площадке открывается замечательный вид на маслянисто поблескивающую речушку, зажатую в бетонные берега, тянущийся вдоль нее большой парк с детскими качелями и горкой в виде ракеты. Лучи стремящегося на покой солнца пронизывают летнюю зелень листвы. Карусель с лошадками покосилась на бок, примяв теремок-кафе с цветастым навесом и пеньками-столиками. Вдоль тропинок паутиной покрывающих парк гвардейским караулом выстроились скамейки с гнутыми спинками.

За все время я не увидел ни одного живого человека.

Несколько трупов и Девятка не в счет. Тихо как в могиле. Может Дама ошиблась... как тогда с шахтерами?

Интересно, каким образом Хозяева получают сведения о местонахождении целей? Свое разведуправление? И вообще, зачем нужна ликвидация, спасение, похищение этих целей, поднятие или подавление восстаний? В чем смысл нашей работы? Как всегда некстати завертелся привычный круг вопросов не имеющих ответов.

Непохоже, чтобы в этом продуваемом всеми ветрами доме кто-то жил кроме сквозняков. Идеальное место насморк заработать.

Как бы в подтверждение в носу закрутило, и я не сдержавшись, оглушительно чихнул. От души. Звук отразился от голых стен и гулким эхом покатился по лестнице.

– Сдурел? – перепугано дернулся Девятка.

–

Извини, случайно вышло.

Зажимаю рукой нос, чтобы удержать рвущийся на свободу очередной чих.

– Что у вас там за шум? – недовольно любопытствует Дама по рации. Она с Восьмеркой движется вслед за нами со значительным отрывом. Сейчас они должны находиться где-то этаже на третьем.

– У Шестеры насморк, – радостно докладывает Девятка и тут же прикрывает рукой

рот, виновато взглянув на меня.

– Стукач, – недовольно констатирую под тихое хихиканье в наушниках. – Дятел телеграфный.

Для колоды нашелся повод поскалить зубы.

– Шестера, ты зря козюльки то не трать, – очень серьезно советует Десятка. – В случае если патроны закончатся, за-сморкаешь врага до смерти своими токсичными отходами.

Не в силах больше держаться он заржал чуть ли не в полный голос.

– Специально для тебя поберегу, – сердито огрызаюсь.

Вот так всегда. Из-за какого-то жалкого, совсем даже ничемного чиха, на который в обычных условиях никто бы даже внимания не обратил, превратился во всеобщее посмешище. И это только начало. А все из-за чрезмерно длинного языка Девятки. Трепло!

– Девятка, передай этой Шестере, что если он еще раз выпустит свои сопли на свободу, я ему сморкальники до самой жопы растяну.

– Тогда еще и уши, чтобы полноценный слон получился, – прыскает Десятка. – Слыш, Дама?

– Всем заткнуться! – пресекает Дама веселье.

– Я нечаянно, – шепчет Девятка, с видом побитой собаки прикрыв рукой микрофон. – Вырвалось... Шестера ну чего ты обижаешься?

– Да пошел ты... – презрительно бросаю в ответ и продол-

жаю подъем по лестнице.— Мегафон ходячий

Восьмой этаж.

Откуда-то из глубин коридора идет запах приготавливаемой пищи. Где пища там и люди. Нам сюда.

Беззвучно, как два призрака перетекаем из комнаты в комнату. Работаем по отлаженной схеме – напарник держит под прицелом дверь, я, пригнувшись, проскальзываю в комнату с резким уходом влево, он спустя секунду появляется вслед за мной, но уже с уходом вправо. Схема простая как двери, но надежная и проверенная временем.

Под ногами осколки посуды и оконных стекол, книги, какое-то тряпье. Стены изобилуют нецензурными надписями и довольно откровенными иллюстрациями к ним. Энциклопедия русского мата в картинках.

В одной из комнат натыкаюсь на ворох детских рисунков разбросанных по полу. Осматриваю помещение – обычная детская. Деревянная двухъярусная кровать с лесенкой на второй этаж, стеллаж, забитый игрушками, на столе в окружении засохших цветов в глиняных горшках игрушечная лейка с остатками воды на дне. Похоже, что маленькие хозяева собирались заняться поливкой, но что-то им помешало. Глаза бегают по комнате, ошупывая предмет за предметом, пытаюсь понять, что здесь произошло... стараясь заглянуть в прошлое. Поднимаю с пола альбомный лист. На нем неумелой детской рукой нарисована семья: два одинако-

вых мальчика держаться за руки, за их спинами стоят мужчина и женщина с длинными желтыми волосами, а у ног лежит непропорционально большой кот, густо покрытый почему-то зелеными полосами. Акварель местами расплылась и вообще рисунок довольно схематический. Наверняка понимая отдаленное сходство с оригиналами, маленький автор добавил кривыми буквами пояснение: «МАМА ПАПА Я С БРАТОМ И КЭШ». Где же они все? Неужели город мертв? Банды не в счет...

В двери появляется Девятка. Бросив взгляд через мое плечо на рисунок, он непонимающе пожимает плечами. Я ничуть не удивляюсь его реакции. Даже ему, самому человечному из Пик, не понять моих чувств. Он единственный, кто проявляет интерес к окружающей нас реальности, но это не более чем любопытство. Для остальных есть миссия – задача, которую необходимо выполнить. Все окружающее лишь сцена, на которой идет наше представление. Они хорошие ребята, но никто, голову даю на отсечение, никто из них даже на мгновение не задержался бы в этой комнате, не говоря уже о том, чтобы рассматривать какие-то нелепые детские рисунки или размышлять о судьбе их автора. Есть лишь миссия и ничего более.

Бережно ложу рисунок на стол и вслед за Девяткой покидаю комнату.

И снова бесконечные коридоры и комнаты, скромные офисы и хорошо обставленные квартиры, маленькие бассей-

ны и кафе. Не дом, а коктейль. В одном стакане смешаны обычно не совместимые ингредиенты.

Молодой парень, в кожаной куртке сшитой из неровных кусков неожиданно появился из двери слева и неторопливо прошествовал на балкон. Я вжался в стену и затаил дыхание. Вжикнула расстегиваемая молния на кожаных утыканных множеством заклепок штанах и парень начал мочиться вниз одновременно мурлыкая какой-то попсовый мотивчик.

Медленно, стараясь не выдать своего присутствия, передвигаю автомат на спину и вытаскиваю нож. Условный знак – сжатый кулак, поднятый над головой, заставляет идущего позади Девятку остановиться.

Меня и потенциальную жертву разделяет всего несколько метров. Главное, чтобы парень не успел крикнуть. Очень уж хочется подобраться к главарю банды поближе прежде, чем начнется стрельба.

Парень протяжно зевнул и сплюнул, пытаясь попасть в струю.

Пользуясь его занятостью чрезвычайно важным делом, делаю шаг вперед и заносу нож для удара под сердце.

– Су-у-ука! – раздается откуда-то снизу утробный рев Семерки и передо мной вспухает огненное облако, в мгновение превращающее парня в кожанке, а заодно и балкон в кашу из окровавленного бетона и летящих во все стороны обрывков арматуры. Взрыв бросает меня как щепку на стену, об-

ломок бетонной плиты молотом бьет в грудь так, что темнеет в глазах, а на губах появляется кровь. Волна пыли и мелких каменных осколков напрочь лишает зрения. Кровь лупит в виски так, что кажется еще удар, и она вырвется на свободу. Наваливается тошнота, и я со стоном падаю на пол.

– Не стой под струей, – звучит в наушниках насмешливый голос Десятки. – Шампунь дать?

– Шестерка! Шестерка, что там у тебя? Отвечай! – орет Дама. – Девятка, что с Шестеркой?

– Су-у-ка! Волчара позорный! – повторный рев Семерки, слышимый безо всякого передатчика. – Убью-ю-ю шавку!

– Оживленное движение в окнах десятого этажа, – извещает Десятка. – Шестера, Девятка готовьтесь, Волки двинулись вниз. Вероятно вы у них на пути. Их много!

– Рекомендую временно укрыться и переждать ротацию сил противника. Вероятно, что вожак не будет принимать участия в бою. – Монотонным спокойствием звучит Восемерка. – Мы оттянем силы на себя вниз. У вас будет шанс попасть на верхний этаж. Учитывая какой шорох здесь навел Семерка, – он помедлил как бы собираясь сказать что-то в его адрес но передумал, – рядом с вожаком никого кроме телохранителей быть не должно. Шестерка ты меня слышишь?

Я пытаюсь что-то ответить, но из губ вырывается лишь хрип, а вслед за ним на панцирь выплескивается фонтан крови. Ничего этого я не вижу, вполне достаточно одних ощущений.

Эфир заполняется криками и отборной руганью. Что-то невнятно орет Семерка, перекрикивая гул собственного пулемета. Шепот Восьмерки наполняет уши, создает фон для этой какофонии, а голос Десятки вслух отсчитывающего количество жертв своей снайперской винтовки выступает в нем первой скрипкой.

Похоже на этот раз мы крупно влипли. Судя по звукам, бой идет не шуточный – со стороны противника стволов двадцать, как минимум.

Глухо ахнул близкий взрыв, и по стенке частой россыпью застучали осколки. Что-то упало мне прямо в ладонь, как мелкая монетка нищему, просящему подаяния.

Сильное жжение заставляет вздрогнуть и отбросить непрощеную милостыню, судя по всему оказавшейся свежерожденным осколком ручной гранаты взорвавшейся поблизости.

Осторожно открываю глаза, закрываю и вытираю их рукой. Открываю.

Вроде целы.

Это радует.

Картинка окружающего мира присутствует, но носит довольно размытый характер. Держась за стену, медленно поднимаюсь, борясь с головокружением и тошнотой. Меня качает как в девяти бальный шторм или после основательной попойки паленой водкой.

– Шестерка жив, – сиплю в микрофон, попутно забрызги-

вая его слюной перемешанной с кровью.

– Шестерка, что там у вас твориться? – пробивается сквозь шум боя голос Дама. – Мы застряли на пятом этаже. Тут этих козлов немерянно. Цель обнаружили?

– Пока нет, – с трудом выдавливаю из себя слова. Никогда не думал, что каждое слово может приносить такую боль. – Я контужен... – Взгляд пробегает по длинному коридору в поисках Девятки, который должен был прикрывать мою спину. – Девятка мертв, – глухо бормочу, наткнувшись глазами на тело напарника с кривым куском арматуры, торчащим из шеи.

– Ср-рань! – в сердцах орет Дама. – Ты должен найти цель. Понял? Шестерка? Ты должен его убить во что бы то не стало! Мне плевать на твою никчемную жизнь! Меня интересует лишь одно! И ты это сделаешь! Слышишь? Сделаешь, иначе я тебя наизнанку через жопу выверну. Я прошу тебя! Слыш? Шестера? Я Дама, умоляю тебя. Все что угодно лишь бы эта гнида сдохла! – В ее голосе появляются нотки страха. – Ты сам знаешь, что будет, если мы провалим задание.

На ответ не хватает сил. Как сломанная кукла обрушиваюсь на грязный пол лицом вниз. Ее последние слова жарким факелом полыхают в сознании, побуждая к действиям. Да, я знаю, что будет в случае провала миссии... Ничего не будет... ни для кого из нас. Те кто останутся в живых позавидуют мертвым окунувшись в привычную серость. Возможно я и не прав... Возможно дома у них все расчудесно... в от-

личие от меня.

Звуки боя и лепет передатчика становятся все тише и тише, словно отдаваясь. Остается лишь боль, терзающая тело раскаленными щипцами. Неужели это все? Я представлял финиш несколько иначе... А где же свет спускающийся с небес, где врата, через которые я должен войти и избавиться от страданий? Страданий? Страданий... Какое неприятное и болючее слово. В детстве оно у меня всегда ассоциировалось с больницей, а особенно со стоматологическим кабинетом, в котором был частым гостем.

– Больница? – пытаюсь вспомнить что-то важное, сосредотачиваю внимание на этом слове. – Ну конечно же... Как мог забыть...

Рука тянется к боевой аптечке на левом предплечье. Со щелчком отскакивает крышка, и пальцы ложатся на выступающие кнопки пневмошприцов.

– Так, нужно вспомнить... Вспомнить...

Глаза никак не хотят открываться, чтобы помочь рукам в трудном выборе.

– Первый и третий... Нет. Первый и четвертый, – бормочут окровавленные губы.

Желательно не перепутать, иначе результат может оказаться совершенно противоположным ожидаемому.

Две тонкие иглы втыкаются в тело, впрыскивая реаниматор и стимулятор.

Над моей головой раздаются незнакомые голоса. Чья-то

нога в высоком ботинке с ребристой подошвой отшвыривает мой автомат в сторону. Сильные руки переворачивают на спину.

– У меня потери! Восьмерка мертв! Шестерка отзовись, – мрачной реальностью врывается в уши голос Дама. – Вынуждена отступить. С верхних этажей Волки как тараканы лезут. Семерка прикрой меня.

– Понял! – наполняет голову болью ревущий бас. – После твоего появления две ракеты в точку выхода и отходим.

– Принято.

– Десять, – спокойно отсчитывает Десятка. – Возьму на себя окна. Сколько смогу. Кстати, в доме напротив кто-то шастает. Шестера ты еще жив?

– Шестера, это Дама, ответь!

Надо мной на фоне облупленного потолка с разбитым светильником нависло испещренное глубокими морщинами лицо на половину прикрытое чеканной стальной пластиной-маской. Оранжевый слипшийся от пыли гребень волос свисает набок. Кажется, что этот человек только что покинул костюмированный карнавал. Этакий петушок оранжевый гребешок, лысая головушка, железная мордушка.

Уже чувствуется результат работы аптечки. Еще немного, и смогу действовать. Такой удачи я даже не ожидал – вот так запросто оказаться рядом с целью. Теперь успех миссии полностью в моих руках. Скорей бы стимулятор начал действовать в полную силу.

Рядом с вожакom стаи появилась пара телохранителей с лицами сплошь покрытыми густыми разводами татуировок. Один из них поднес пахнущее гарью дуло карабина к моему виску и хищно оскалился. Страх, мелькнувший на моем лице, заставил захохотать его во весь голос. Вожак презрительно сплюнул мне на грудь, и небрежно махнул рукой, отходя в сторону. Это послужило командой для телохранителей. Покрытое мелкими точками ржавчины лезвие двинулось к моему горлу. Интересная альтернатива получается – если не застрелят, то зарежут как овцу.

– Шестерка, мы пока держимся. Если жив, отзовись, – настойчивость Дамы становится утомительной. – Ты сделал это? Ты достал его?

– Уже делаю! – откликаюсь и одновременно начинаю действовать.

Каким-то шестым чувством вожак почувствовал опасность, и юлой крутнулся на месте, разворачиваясь лицом ко мне. Он как раз успел к финалу – на пол тихо опускается уже второй телохранитель, пытаюсь вытащить из горла собственный нож. Покачав головой вожак насмешливо взглянул на меня и ... Я даже не успел заметить, откуда в его руке появился древний револьвер с длинным дулом как прозвучал выстрел. Тело среагировало само, уклоняясь от пули, в результате я отделался лишь глубокой царапиной на доспехах и мигом вспотевшей от страха спиной.

Кто ты? – полюбопытствовал человек в маске.

– Шестерка. Колода Пик, – отвечаю, не отрывая взгляда от ствола древнего оружия.

– Ну-ну. Извини, но я не очень гостеприимный хозяин. Ты уж не обессудь.

– Ничего, – выдавливаю из себя некоторое подобие улыбки, – я сам за собой поухаживаю.

Он широко улыбается в ответ и кивает в сторону пролома в стене:

– Ну, сам так сам. Сэкономись мне пулю. Прыгай.

Отрицательно мотаю головой.

Скорость движений и реакция этого человека вызывают невольное уважение и опасение одновременно. Пожалуй, я встретил равноценного, а может быть даже и превосходящего по мастерству противника. Не смотря на возраст и крупное телосложение, чуть ниже меня ростом, наверное где-то метр восемьдесят, и весом килограмм этак сто тридцать если не больше, он легко двигается и обладает незаурядной грацией. Честно говоря, я даже не уверен, что смог бы в подобной ситуации так быстро достать оружие.

– Я рад, что ты жив, – весело кричит в наушниках Десятка. – Мы сейчас расчистим тебе дорогу, а то количество фанатов, жаждущих получить наш автограф, становится просто неприличным. Главное чтобы чернил в ручке на всех хватило. Координаты?

– Восьмой. Фронтал. Шагов тридцать влево от лифтовой

шахты, – тихо отвечаю, сориентировавшись на местности.

– Ну, это совсем никуда не годится, – укоризненно покачал головой вожак. – Отключай прямую трансляцию с места событий.

Подчиняясь взмаху ствола, вытаскиваю из уха горошину наушника, отклеиваю от щеки липучку микрофона и отбрасываю в сторону.

– Вот это другое дело. Значит говоришь колода Пик и добровольно прыгать не хочешь. Ну-ну. – Глубокий голос пропитан иронией. – И какая же у Пик была задача? Хотя нет, можешь не отвечать. Тут и так все ясно...

Этот человек мне начинает нравиться, не смотря на то, что в мои планы входит его смерть. Он уверен в себе, прекрасный солдат и держится так, что приятно посмотреть. Это тебе не перепуганные до смерти шахтеры, прущие напролом со стеклянными глазами и тупо палящие во все, что шевелится. Это профессионал... Такой же как и мы. Что-то подсказывает мне, что он не просто похож на нас... Слишком уж знакомый стиль... А появление пистолета в руке это безукоризненная в исполнении «невидимка» – прием которым мы часто пользуемся.

– Ты?.. – начал я, теряясь в догадках.

Рука невидимого великана вырвала с мясом кусок стены здания. Дом содрогнулся от взрывной волны. Коридор наполнился плотными клубами пыли. Следующая ракета, выпущенная Семеркой, рванула на этаж выше. Сквозь пролом

в стене вижу куски строительных конструкций парящих в воздухе. Нас подбросило вверх и смачно приложило о пол. Не успевшее отойти от предыдущей порции тело заныло, не смотря на обильную дозу стимуляторов.

Мне удалось вскочить на ноги первым. На ходу выхватывая нож я бросаюсь сквозь непроницаемую пелену пыли к тому месту, где должен находиться вожак.

Вот и он. Обломок стены упал вожаку на ноги, не позволяя подняться. Человек со стоном ворочается, пытаясь дотянуться до отлетевшего в сторону пистолета. Властное лицо с крупными чертами перекошено болью, полные губы изрыгают проклятия.

– Не тяни резину. Пощады просить не буду, не дождешься! Делай то, за чем пришел! – проскрежетал он, увидев меня.

– Может, сам себя обслужишь? – скалюсь в ответ и вскидываю нож.

– А не пошел бы ты! – зверем глянул вожак, чуть ли не воя от боли.

Похоже, у него серьезно задеты ноги.

Нож, занесенный для удара, застыл в руке. От выполнения миссии меня отделяет одно движение. Стоит лезвию пронзить сердце главаря, и все кончено, но что-то во мне борется с никогда ранее неоспоримым приказом. Возможно симпатия и уважение к достойному противнику? Нет, это чушь полнейшая. Что же тогда?

– Урод! Что творишь? – заорал главарь, когда я полоснул его ножом по бедру. – Ты что, одурел от неожиданного счастья до такой степени, что куда нужно попасть не можешь? Тебе не в Пиках ходить, а жаб на болоте из рогатки глушить!

Молча прячу окровавленный нож в ножны и отстегиваю от пояса гарпун. Хлопок и зубчатый штырь ввинчивается в бетон оставшейся стены. Выудив из пыли автомат устремляюсь к месту где еще минуту назад была наружная стена.

Оставшиеся в живых Пики медленно отходят к месту высадки, огрызаясь из всех стволов. Улица усыпана трупами вперемешку с кучами битого кирпича и несколькими расколотыми лестничными пролетами. Славно Семерка поработал, теперь этому домику даже капитальный ремонт не поможет.

Из окон шестого этажа дома напротив звонко застрекотал реактивный пулемет. Первая очередь с шипением стегнула по измученному асфальту в паре метров от Пик. Короткой очередью срезаю стрелка, и он безмолвно выпадает из окна. Меня заметили. Десятка радостно замахал рукой, а Дама укрылась за газетным киоском на углу, явно намереваясь меня дожидаться.

– Думаю, ты с этим знаком, – отстегнув боевую аптечку, бросаю ее вожаку.

Прыжок и бегу вниз по вертикальной наружной стене дома не прекращая огня из автомата по окнам дома напротив. За спиной разматывается тонкий трос, удерживая меня в го-

горизонтальном положении.

Голова разламывается от непонимания собственного поступка. Зачем? Почему я нарушил приказ, отлично зная, что это грозит наказанием гораздо более суровым чем смерть – потерей снов? Своим поступком я поставил крест на существовании колоды.

Подошвы ботинок глухо бьются об асфальт улицы.

Пики прикрывают меня густым огнем, одновременно отходя к разрушенной станции метро. С шелестом проносится над головой пара ракет и с тяжелым уханьем взрывается где-то за спиной.

– Живой чертяка! – приветливо хлопает меня по плечу Десятка и искренне улыбается, как только я с разбега спрыгиваю в яму разрушенной станции метро.

С нее начался наш путь в этом мире, ней и закончится. Это не правило, просто в данном случае так удобнее.

– Привет Шестера, – приветственно поднимает над головой руку Семерка. Второй он удерживает раскрасневшийся от частой стрельбы пулемет с опустошенной ракетной подвеской. Великан сегодня хорошо потрудился. Даже чересчур! Именно его несдержанность поставила нас в тяжелое положение. Вообще это большая удача, что при сложившихся обстоятельствах из шести карт осталось четыре. Могло быть намного хуже.

Я тоже рад их всех видеть. Не смотря на то, что мы часто вздорим, а временами и подтруниваем друг над другом, на

время боя мы сплоченная команда.

– Ты выполнил поставленную задачу? – резко дергает меня за доспехи Дама и поворачивает лицом к себе.

Ее бесцветные глаза выворачивают меня наизнанку в поисках правды. Волчья шкура на спине обгорела и теперь издает мерзкий запах. Сейчас Дама похожа на потрепанную, но от этого ничуть не менее опасную волчицу.

– Ну-у-у-у.

Колблюсь между желанием сказать правду и остаться живым.

– Он мертв? – жгут сталью холодные глаза.

– Вот, – протягиваю нож, выдержав взгляд. – Зарезал как барана.

Кровь на лезвии должна подтвердить мою правоту. Можно конечно было испачкать своей кровью, спереди весь панцирь забрызган, или в труп какой воткнуть, но все это приходит в голову лишь сейчас.

– Молодец, – теплеет она взглядом. – Хороший мальчик. Ты прости, я сегодня нагрубила тебе немножко...

Надо же, Дама извиняется вместо того, чтобы привычно орать, обогащая нас знаниями военного лексикона глубоко уходящего корнями в мат! Это что-то новенькое. На моей памяти такого еще не было. Может ее того... контузило?

У Десятки удивленно поднялась бровь, а Семерка просто тупо отвешивает челюсть.

– Ничего. Я понимаю. Так надо было, – по джентельмен-

ски принимаю извинения.

– Умничка, – меня как выслужившуюся собаку треплют по щеке.

Загадочная она все-таки эта Дама.

Делаю благодарное лицо, хотя из головы никак не выходит вожак стаи. Что-то здесь не то... Нескладушка какая-то получается. Надо будет попробовать разобраться в ситуации, а заодно придумать, как буду оправдываться за только что сказанную ложь, если конечно она выплывет наружу. Интересно, почему все же я его не убил? Впервые не выполнил приказ... А если это обнаружится? Что тогда? Ради чего я рисковал самым ценным, что у меня есть?

– Уходим отсюда. – Дама достала из поясной сумки транспортный модуль, небольшую плоскую коробочку с клавиатурой и крохотным дисплеем, отслеживающим местонахождение медальонов а соответственно и их владельцев, и приготовилась нажать кнопку.

– Давно пора, – обрадовался Десятка приказу. – Лично мне здесь не нравится. Шумно, грязно, народ всякий с автоматами бегают и все норовит в меня попасть.

– Никто медальон не потерял? – задает ритуальный вопрос Дама.

Рефлекторно хватаюсь за висящий на груди под панцирем кругляшок. Без транспортного модуля и личных медальонов домой не вернуться.

– Подожди, – в последний момент перехватываю руку го-

товую нажать кнопку. – Есть одно дело.

Дама недоуменно подняла на меня глаза, а Десятка сделал возмущенное лицо.

– Это тебе за Девятку! – выдыхаю, и изо всех сил бью Семерку в челюсть.

Он падает навзничь, но тут же вскакивает на ноги, наводя на меня пулемет. Маленькие, поросычьи глазки на широком лице горят ненавистью. Бык поцарапанный самоуверенным тореро.

– Ты че, сдурел Шестера? – Семерка одновременно взбешен и растерян. – Совсем страх потерял, оборзевший тип?

– Если бы ты не выстрелил ракетой в парня, который помочился на тебя, Девятка был бы жив, и миссия прошла бы намного легче. Из-за тебя мы потеряли двоих, – тянусь и я за автоматом. – Мог бы и потерпеть! Не сахарный!

Дама ловким движением выбила из рук увальня пулемет и повалила его на землю.

– Нашли время и место! – рассержено произнес Десятка, настороженно поглядывая на края ямы и вслушиваясь в приближающуюся стрельбу. – В любой момент к нам поклонники на голову могут свалиться, а если поумнее будут, то просто накидают в эту яму цветочков осколочных... и с концами... даже аплодисментов не услышим.

– Никто, вы поняли, никто, ни одна сука не смеет мне ссать на голову, – отбросил Даму на стену Семерка и с дикими глазами потянулся за пистолетом, висящем на боку.

Выстрел. Посыпались куски кафеля со стены.

– Примитив. Никогда его не любил, – равнодушно произнес Десятка, опуская еще дымящуюся винтовку.

Великанское тело Семерки рухнуло на пол, а кровь из простреленной навывлет груди хлынула мне на ботинки.

Я подал руку Даме, помогая подняться. Она тяжело охнула, ухватившись за бок:

– Кажется, этот гоблин с волосатой задницей на плечах вместо головы мне несколько ребер сломал. – Она подняла с земли оброненный при падении транспортный модуль. – На сегодня приключений хватит?

– Да жми уже скорее...

Глава 2.

Утро. За окном серая промозглая осень, наполняющая душу беспросветной тоской и унынием. Мелкий дождик частой россыпью стучит в зашторенное окно, создавая аккомпанемент к визгливому скрежету веток по оконному стеклу. Как похоронный марш...

Кому-то, может, такая погода и нравится. Говорят, что она настраивает мысли на философский лад, подталкивает поразмышлять о сути жизни, глядя на серое унылое покрывало туч, нависших над головой. Как на меня, в такую погоду только умирать хорошо... Минорные аккорды дождя и уже полностью лишившиеся листьев ветви исполинского тополя

под окном, наклонившегося к самому дому под грузом прожитых лет, составят замечательное музыкальное сопровождение для тех, кто решил раньше времени уйти из жизни...

Интересно, кто-нибудь проводил анализ влияния погоды на рост суицида? Когда людям больше нравится безвозвратно уходить? В жаркий летний день; под убаюкивающий шепот первого снега, лениво лежащего на промерзлую землю; глядя на просыпающуюся после зимней спячки природу; или вот в такой серый и унылый день? Почему-то мне кажется, что именно такая вот серость и становится той самой последней каплей переполняющей чашу терпения отчаявшегося человека... Человека, которому больше нечего терять и чей уход будет практически незаметен для окружающих. Поахают, денек другой посплетничают соседи выдумывая самые фантастические версии навеянные детективными сериалами, ляжет на свежий холмик земли дешевый бумажный венок с надписью на ленте «От сослуживцев», брызнут гранчаки наполненные свежеприготовленной водкой в подсобке цеха... и все... Через несколько недель мир забудет, что еще недавно жил и надеялся на счастливое будущее хороший парень Дима.

Взгляд упирается в лежащую на кухонном столе, застеленном дешевой, в порезах клеенкой, опасной бритве. Трофейная. С белой костяной ручкой и не потускневшим за долгие годы лезвием. Отец рассказывал, что ему эта бритва досталась от моего деда, прошедшего вторую мировую от начала

и до победного конца.

– Эх, папа-папа, – еле слышно произношу, глядя на выцветший рисунок обои над столом. – Знал бы ты, что собирается сотворить твой единственный сын...

Ты бы просто положил крепкую руку на мое плечо, заглянул в глаза и, я сразу бы все понял. Понял, что жизнь это борьба, в которой ничего не дается просто так. Что по дороге жизни нужно идти с гордо поднятой головой, "не прогибаясь под изменчивый мир", независимо от положения в обществе и того, сколько в кармане шуршащих купюр. Ты всегда именно так и делал. Ты боролся, не смотря на частокол преград, и почти всегда побеждал. Тебя не подкосила даже смерть любимой женщины и оставшийся на руках, более привыкшим к баранке грузовика, младенец. Но тебя нет... А я... Я устал бороться... потерял веру в будущее. Мне просто надоело жить в пустой реальности лишь в ожидании сна. Того самого сна, в котором я становлюсь действительно кем-то значимым, имеющим цель и задачу, кого окружают пусть даже и не друзья, а просто боевые товарищи, всегда готовые прикрыть мою спину.

Не отрывая глаз от бритвы, одним глотком допиваю остывший чай и, морщась потираю лоб. Голова раскалывается от боли. Как всегда после таких снов. Своего рода плата за... Даже не знаю как назвать то, что дают мне эти сны... Наверное чувство значимости, особенности и что самое главное полноценности.

Вначале хотел было обратиться к врачу. Ну, не может, по крайней мере, не должен нормальный человек видеть такие сны. Они слишком реалистичны и взаимосвязаны, чтобы быть всего лишь сновидениями. Уже взявшись за ручку двери с надписью «Психиатр» я передумал и чуть ли не бегом, насколько это ко мне применимо, устремился домой. Тогда я испугался. Испугался того, что действительно болен и меня все таки вылечат. Потеря мира снов казалась чем-то ужасным. Легче было смириться с мыслью, что я психопат, чем потерять свою колоду карт и перестать быть Шестерой.

Эти сны я начал видеть около полугода назад. Поначалу это были всего лишь красочные сновидения, в которых я в окружении группы сотоварищей мотался по иногда совершенно невероятным местам, выполняя некие миссии. Потом сны стали чудом, которого я ждал с нетерпением юноши ожидающего прихода любимой девушки и последующих за этим сладостных событий, с нервной дрожью наркомана грезящего о заветном шприце, наполненном кайфом. Каждый раз усыпал с надеждой, что сегодня, да-да именно сегодня опять окунусь в водоворот событий, буду сражаться неизвестно ради чего или кого, выполняя поставленную задачу. Но надежда чаще всего сменялась разочарованием – я просыпался утром имея в голове лишь сумбурные обрывки каких-то малозначащих и пустых снов или просто ничего не помнил... И тогда реальный мир становился еще мрачнее и безрадостнее. Но иногда мне везло, и тогда я просыпался

со счастливой улыбкой на губах, не смотря на сумасшедшую головную боль, служившей платой за сказку позволяющую существовать в реальном мире, где ты никому не нужен.

Последний сон был самым необычным из всех. Пики и до сих пор теряли людей. При мне двоих, да и сам я пришел на смену Шестерке погибшему где-то в горах под грузным телом оползня, по крайней мере, именно так мне рассказал покойный Восьмерка. Непроизвольно улыбаюсь ходу мыслей. Я думаю о персонажах своих снов порожденных, скорее всего больным воображением и неудовлетворенностью окружающим миром как о живых людях. Я тоскую за погибшими... переживаю случившееся, как будто это все взаправду. А этот вожак стаи Свирепых Волков... И почему я его не убил, впервые нарушив приказ? Его волевое лицо до сих пор стоит у меня перед глазами. И он знал кто мы...

– Все хватит! – резко хлопаю ладонью по столу так, что чашка подпрыгивает и падает набок. – Хватит.

Я должен выполнить намеченное. Должен закончить это бессмысленное существование, слабо тлеющее лишь за счет параноидальных снов. Ванна полная горячей воды и острое лезвие ждут меня. Я должен освободиться...

Сдерживая дрожь в руке, тянусь за бритвой. Холодная косяная рукоятка удобно ложится в ладонь, а лезвие мягко выскользывает наружу, освобождаясь от долгого плена.

От резкого дребезжания дверного звонка я вздрагиваю едва не обронив бритву.

– Кого это принесло? – озадаченно бормочу и, перебросив бритву в левую руку правой тянусь за костылем.

Вытертая рукоятка, вырезанная из дерева в виде бараньей головы с закрученными рогами, принимает вес моего тела, и я с шипящим стоном встаю на ноги. Два года назад, сразу после операции маститый хирург, стоящий в окружении стайки молоденьких медсестричек внимающих каждое слово, заметил, что мне через год танцевать можно будет, а боль останется в далеком прошлом. Но оказалось, что маститые тоже ошибаются – боль осталась, как и не сгибающееся колено – плата за тягу к романтике. И вот теперь, каждый раз, как только правая нога принимает на себя часть веса, я шиплю от боли, пронизывающей раскаленной иглой колено как рассерженная змея, которой незадачливый путник наступил на хвост.

Дверной звонок еще раз напоминает о своем существовании длинным дребезжанием. Сжимаю крепче зубы и медленно ковыляю по кажущемуся бесконечным коридору.

– Утро доброе, Димочка, – заглянула в приоткрывшуюся дверь соседка тетя Гала, наряженная в пестрый махровый халат с попугаями.

При каждом движении ее полное тело перекачивается под тканью и кажется, что попугаи шевелят крыльями и щелкают клювами. Так и ждешь услышать – «Попка дурак».

– Наверное.

– Ты чего это так вот запросто дверь открываешь? А вдруг

чужой кто? Ты бы хоть в глазок сперва выглядывал или цепочку набрасывал. Сам знаешь, какое сейчас время.

– Угу, – неопределенно киваю в ответ.

– А невеселый чего? – тревожно взглянула она, как будто угадав от какого занятия меня оторвала. – Весь такой в тоске-печали. Может, случилось что?

– Да погода такая, – отмахиваюсь левой рукой с все еще зажатой бритвой. – Хмурая.

Соседка от вида блеснувшего перед глазами лезвия вздрогнула, но тут же улыбнулась.

– Вот это правильно. А я еще тебя в беспечности упрекаю, – указала она пухлым пальцем на бритву. – А ты вишь, перестраховываешься. И правильно. Правильно, – зачестила тетя Гала. – Жизнь сейчас такая... Не приведи Господи. Вон в соседнем доме квартиру на прошлой неделе обчистили. Так не поверишь – хозяин дома был. В туалете сидел. А они, бандюки эти, входную дверь тихонечко отмычкой вскрыли, да и начали не спеша вещички выносить. Хозяин-то просек, что дело неладно, но побоялся из туалета-то высунуться. Так и сидел бедолашный пока те не ушли.

– А что ж грабители в туалет не сунулись?

Широко улыбаюсь, представив человека сидящего на унитазе и дрожащего от страха. Можно сказать, что в чем-то ему даже повезло – по крайней мере, унитаз рядом был.

– А чего там искать? – расплылось в удивлении круглое лицо соседки все еще хранящее следы былой красоты.

– Мало ли где народ заначки делает.

– И то верно Димочка. Спасибо тебе за совет. Сама бы во век не догадалась.

– Вы проходите тетя Гала, – приоткрываю дверь и делаю шаг в сторону.

– Я Димочка, на минуточку, – засуетилась она, отчего по-пугай еще активнее замахали крыльями и защелкали клювами. – Мне позвонить надо. Можно? Мне телефон уже пятый год обещают установить, да все никак очередь не доходит. Да чего я тебе рассказываю? Сам все знаешь.

– Что за вопрос? Конечно можно. Только у меня тут не прибрано.

– Жениться тебе надо, – назидательно прозвучал голос тети Галы уже из комнаты. – Вот тогда и порядок будет и всухомятку питаться перестанешь.

– Хватит с меня и одного раза, – отвечаю скорее для себя, чем для нее. – Наженился по самое нехочу.

– Зря ты так категорично. Женщины разные бывают. Ну не повезло в первый раз, ну и что?

– Женщины то разные, но я один и тот же.

Не желая слушать женскую трескотню, закрываю дверь на кухню. Сейчас начнется привычное перемывание косточек неизвестной мне невестки Люды, ее неумения готовить и басни о том, какой ее сыночек Славочка хороший и добрый мальчик. А то, что он, накачанный дебил, купивший школь-

ный аттестат, а теперь косящий от армии, старику-ветерану из тридцать второй квартиры нос разбил за напоминание о том, что окурки не стоит по подъезду разбрасывать, так это ничего, это мелочи, нечего было сыночком командовать.

От вынужденного задержки взял старую газетенку с холодильника. Даже не помню, как она там оказалась. Газета оказалась желтой, местами до неприличия. Взглянул на дату выпуска – «10 марта».

«Комары гораздо гуманнее некоторых женщин. Уж если комар пьет твою кровь, он, по крайней мере, перестает жужжать.» – прочитал я на последней странице в разделе «Потешные фразы» и улыбнулся, невольно вспомнив о своей жене... Бывшей жене. На редкость удачная формулировка.

Соседка давно уже ушла, плотно прикрыв за собой дверь и напомнив о том, что необходимо закрыться на замок, а я все еще стою у окна, и смотрю сквозь дождь на плотный, не смотря на воскресенье, поток машин, гудящий по проспекту. Где-то вдалеке свистнул одинокий поезд. Снова скрежетнула по стеклу ветка тополя. Я стараюсь не смотреть на хмурое небо. Кажется, что стоит лишь коснуться его взглядом и эта клубящаяся серость тут же наполнит душу, вытесняя из нее остатки ярких красок – наших светлых чувств и эмоций. Любовь, преданность, доброта, сострадание, радость – все исчезает, лишь прикоснувшись к серой тоске.

Я ненавижу это небо... этот город... этот мир... эту

жизнь.

Засвистел закипевший чайник.

Струйка кипятка уже готова ринуться в чашку с отбитой ручкой, на доньшке которой притаился бархан дешевого чая, в котором больше мусора чем чайных листьев. Я замер как изваяние с булькающим чайником в руке.

Хочу в люди!

Эта мысль всплыла из ниоткуда, но сразу же стала самой важной. Суперприоритет!

Меня охватило непривычное ощущение... Непреодолимое желание оказаться в утробе бурлящей толпы, почувствовать себя ее частицей, жить ее сумбурной жизнью, попадать в течения, тонуть в водоворотах. Главное забыть обо всем и стать крохотным кусочком чего-то большого. Хотя бы на время почувствовать себя таким же как все...

Я не хочу быть один!

Позабыв о ранее намеченных планах, начинаю хаотично метаться по квартире, собирая разбросанные вещи. Бритва заняла привычное место на полочке в ванной комнате. Надеюсь, что в ближайшее время я буду использовать ее исключительно по назначению.

Я еще не знаю куда пойду... Главное чтобы там были люди. Много людей.

Глава 3.

Из приоткрытой двери, над которой висит помпезная вывеска, гласящая о том, что это заведение никак не меньше чем бар «Кардинал» льется тихая музыка. Изрядно промокший я застыл у входа, не решаясь войти.

«Кардинал» – ближайшее питейное заведение, именно поэтому я его и выбрал. Честно говоря, на большее у меня просто фантазии не хватило. Сколько я не напрягался, но так и не смог придумать, куда еще можно пойти в воскресенье в середине дня. Культурные мероприятия я не уважаю, поэтому кино, театры и выставки отбросил сразу. Бар это конечно не толпа, но никаких митингов или других массовых собраний народа сегодня не предвидится. Эпоха бесконечных очередей уже прошла, а жалкие ручейки, выющиеся у касс супермаркетов и супершопов для меня интереса не представляют. Можно конечно было выбраться на футбол, сегодня кто-то с кем-то играет, но я не люблю подобные зрелища. Меня начинает душить зависть от вида такого количества молодых парней гоняющих по полю мяч. Невольно напрашиваются вопросы «а чем я хуже?» или хотя бы «чем заслужил то, что имею?».

Не было ни малейшего желания трястись в общественном транспорте, поэтому одну остановку, разделяющую мой пятиэтажный дом и увеселительное заведение, решил пройти пешком, не смотря на боль в ноге. Пожалеть пришлось уже через несколько минут, когда вначале приутихший дождь предательски обрушился на непокрытую голову. Зонтик я

естественно забыл дома, а легкая куртка из плащевки наброшенная поверх свитера грубой вязки с высоким воротником оказалась слабой защитой от непогоды. С промокших волос за шиворот потекли холодные ручейки.

На всякий случай засовываю руку в карман и проверяю наличие. Несколько помятых и сырых купюр, кое-какая мелочевка.

Не густо.

Наконец решившись, открываю дверь и вхожу в бар.

Над дверью звякает китайский колокольчик, и взгляды немногочисленных посетителей устремляются в мою сторону. Вот этого не люблю! Терпеть не могу, когда пристальные взгляды с любопытством ощупывают сперва костыль, а потом упираются в нелепо выставленную ногу. Не люблю жалость, мелькающую в глазах невольных зрителей.

Сделав каменное лицо и стараясь идти как можно естественней, не взирая на пульсирующую боль в колене, направляюсь к столику в темном углу. Надеюсь, что там меня не так будут беспокоить любопытные взоры.

Устраиваюсь в неглубоком, но удобном креслице, а мокрую куртку вешаю на спинку соседнего. Теперь главное найти удобное положение для ноги, чтобы беспокоила поменьше.

– Что будем заказывать? – возникает из ниоткуда официантка.

Симпатичная. Одета скромно, но со вкусом: синяя блузка

и короткая черная юбка. Мальчишеские, немного озорные черты лица, короткий ежик светлых волос и грустные серые глаза. Кажется, что она слишком долго смотрела на укрытое угрюмыми тучами небо и в ее душе поселилась осень. Улыбаюсь собственным мыслям.

– Что будем заказывать? – повторяет она с подозрением взглянув на сияющую на моем лице улыбку.

Официантку вполне можно понять – со стороны я выгляжу не очень. Высокий мужчина неопределенного (одни дают двадцать пять другие на десяток больше) возраста в помятых джинсах и уродливом свитере. Давно нестриженные темные волосы неопрятной челкой спадают на худое скуластое лицо с острым носом и глубоко посаженными темными глазами. Насквозь промокшая дешевая китайская курточка, костыль, а в придачу еще и дурацкая улыбка. Могу себе представить, что сейчас творится в голове у девушки...

– М-меню м-можно, – неловко прошу почему-то заикаясь.

– Пожалуйста.

Как по мановению волшебной палочки передо мной появляется книжица в изящном переплете со страницами усеянными названием разномастных блюд и напитков. В первую очередь меня интересует крайняя правая колонка с заголовком «Цена».

Да-а-а! Однако!

За последние несколько лет, с момента моего последнего посещения бара цены существенно возросли. Морщу лоб,

пытаясь вспомнить, сколько же у меня наличности в кармане, чтобы не попасть впросак. Вот склеротик! Не помню... Ведь только несколько минут назад подсчитывал стоя у входа.

– Вам что-то подсказать? – вежливо интересуется официантка.

– У вас пиво свежее? – не придумав ничего умнее, брякаю в ответ.

На ее лице ни тени удивления. Похоже, она привыкла и не к таким клиентам.

– Конечно.

– Тогда «Балтику» номер раз и... – я на мгновение снова погряз в математические расчеты.

– И? – деликатно напомнила девушка о своем существовании.

– И пепельницу, – обрадовано выпалил я, радуясь, что так умело выпутался из затруднительного положения.

– Хорошо, – кивнула официантка и направилась к барной стойке, за которой крепыш бармен виртуозно размахивает шейкером.

Опустив глаза, обнаруживаю стоящую в центре стола здоровенную пепельницу и тяжело вздыхаю.

Укутавшись облаком табачного дыма, пью мелкими глотками пиво и рассматриваю бар. Желание быть среди людей как-то развеялось само по себе, уступив место привычной

серой тоске. Теперь я даже не знаю, на кой черт сюда приперся, но точно уж не для того, чтобы выпить пива. Это можно было сделать и дома, благо в холодильнике заначка осталась. Но зачем-то же я сюда пришел...

Заведение производит приятное впечатление. Не смотря на отсутствие явной стилизации, так модной несколько лет назад, обстановка выглядит гармонично и уравновешенно. Стойка из дерева утыкана, как и положено, пивными кранами и батареей толстостенных стеклянных бокалов поглядывающих в матовый потолок жерлами гаубиц. Полтора десятка столиков. Не турецкая пластиковая дешевка а из такого же как и стойка дерева, покрытого прозрачным лаком. Мягкие удобные креслица. Ненавязчивая, хорошая музыка. Что-то очень знакомое, но пока никак не удается вспомнить что. Вроде Квины, но на сто процентов не уверен. Приятная атмосфера.

За столиком у входа расположилась стайка студенток что-то приглушенно щебечущих о завтрашней лабе по сопромату и тяге престарелого профессора к младому телу. Как раз в этот момент возле них появилась официантка с подносом уставленным стаканами, среди которых гордо возвышается бутылка клюквенной «Финляндии».

Эта группа невольно напомнила мне собственное студенческое прошлое. Как хорошо тогда было. Минимум забот, максимум свободы и почти никаких обязов за исключением сдачи сессии. Интересно было бы сейчас встретиться со сво-

ими одноклассниками. Хотя нет. Ничего хорошего из этого не получилось бы. С момента получения диплома прошло почти четыре года. У каждого теперь своя жизнь, свои заботы. Былая дружба прошла, не выдержав испытание временем. Осталась лишь ее тень, которая висела бы над нами при встрече, заставляя задавать глупые вопросы, и натянуто улыбаться.

За столиком справа сидит пожилая пара, неторопливо поглощая содержимое тарелок. За все время они не произвели ни слова. Двигаются как запрограммированные автоматы. Вилку опустить – грибочек наколоть – в рот положить – разжевать – проглотить – вилку опустить. Эта пара пробуждает в глубине души непонятный страх. Страх, что они – типичные представители современного человеческого рода, а процесс их питания это образ типичной жизни. Проснуться – пойти на работу – работа – прийти с работы – сон – проснуться. Название разные, но ведь алгоритм действий один и тот же. Цель? Ради чего это все делается? Процесс ради процесса?.. продолжения рода и создания точно таких же замкнутых существ? В начале они еще обладают определенной свободой мысли, долей самостоятельности, но затем отлично отлаженный механизм «школа-армия или вуз – работа» все равно превращает людей в подобия их породивших. Есть конечно индивидуумы, которые думают сами, принимают неординарные решения, идут против течения... Но где они? Почему я их не вижу? Может потому, что такие люди

это миф, сказка придуманная специально... Но тогда в свою очередь возникает вопрос зачем? Кому это нужно?

– Ну и что в этой рыгаловке-забегаловке наливают? – заглушил музыку надменный бас, прервав мои размышления.

В бар шумно ввалилась тройца хорошо одетых молодых парней уже находящихся навеселе. Поблескивающие глаза, развязанное поведение, слишком громкая речь выдают, что ребята уже успели сегодня подзаправиться и не прочь продолжить гудеж. Они мне с первого взгляда не понравились. Иногда бывает такое – видишь человека всего одно мгновение и сразу же понимаешь, что перед тобой редкостных козел и хам. Манера поведения и громкие голоса диссонируют с окружающим умиротворением и спокойствием.

– Эй, девка, – призывно махнул один из парней официантке после того, как тройца устроилась невдалеке от меня. – Сооруди нам по быстрому полянку. Главное водочки не забудь. Ну и всего остального... чтоб все как у людей...

Парень очень удачно выразился – «как у людей». Одной этой фразой он вычеркнул себя и своих друзей из густых рядов гомосапиенс и поместил в не менее густые ряды гомоидиотус.

– Пивка не забудь, – подгавкнул самый маленький из тройцы украшенный шейным платком и шмыгнул носом. – Водка без пива...

– Знаем, знаем, – недовольно буркнул третий. – Только не водка без пива, а пиво без водки.

Между ними завязался громкий спор о том, что без чего деньги на ветер. Окружающие начали бросать недовольные взгляды на вновь прибывших. Даже пожилая пара на миг оторвала глаза от тарелок и осудительно посмотрела на источник шума, перед тем как снова окунуться в кажущийся бесконечным процесс.

– Оглохла девка? – рявкнул полный наглости голос. – Тебе за что бабки платят? Сюда бегом!

Его собутыльники дружно заржали.

– Слыш ты, которая с подносом! Да-да я к тебе обращаюсь! Не притворяйся дохлой мухой, а лучше тащи сюда жратву и пойло. – Парень в шейном платке тоже решил показать какой он крутой мужик.

Крепыш за стойкой сделал недовольное лицо и двинулся в направлении тройцы, но едва заметный жест официантки заставил его остановиться и вернуться на свое место.

– Иду-иду, – предельно вежливым тоном произнесла девушка и, прихватив меню, устремила к клиентам. – Водочки, пива, что еще заказывать будем?

– Во! Эт другое дело, – довольно пробасил парень. – Значит так...

– Ай! – взвизгнула официантка и залепила от души пощечину парню с шейным платком, ущипнувшему ее за зад. – Дурак!

От души оказалось настолько увесистым, что парень потерял равновесие и выпал из кресла

– Леня! – плаксиво заверещал он с пола. – Эта курва на меня руку подняла! Леня, порви ее!

Владелец баса прервал заказ и удивленно посмотрел на лежащего на полу кореша. Несколько секунд ему потребовалось на переваривание информации. Сильные, покрытые мелким рыжим волосом руки уперлись в край стола, поднимая мускулистое тело на ноги.

– Ты знаешь, что я щас с тобой сделаю? – многообещающе поинтересовался Леня и растянулся в наглой ухмылке.

На лице девушки появился испуг, и она сделала шаг назад, пытаясь уклониться от тянущейся к ней руки. Похоже, она уже не рада, что так резко прореагировала на щипок.

– Молодой человек, – двинулся в сторону дебоширов бармен. – Пожалуйста, покиньте мое заведение.

– Отвали муило, – не поворачиваясь, буркнул Леня и красноречиво хрустнул пальцами.

Он как большая, покрытая курчавым рыжим волосом горилла надвигается на перепуганную девушку.

– Сдохни Машка, он Дубровский, – пропищал, поднимаясь с пола, парень в шейном платке в адрес бармена и растянулся в противной ухмылке. – Ленчик боксер. Сунешься – копи бабки на хорошего стоматолога. Лучше сразу менять всю челюсть.

Их третий кореш исподлобья осмотрел посетителей. Этого хватило, чтобы умолкли даже те, кто уже решился подать слабый писк протеста.

Посетители замерли, и, кажется, даже на время перестали дышать. И речи не может быть, о помощи официантке. Знаю я этих обывателей. Сейчас они сидят и тихонько трясутся, боясь стать эпицентром внимания трех придурков. Но зато потом, когда все закончится, они будут шумно обсуждать событие, давать друг другу советы и громко кричать, что если бы да кабы они не поленились и вмешались, то негодяи получили бы сполна. Естественно все эти слова будут звучать лишь после того, как за негодьями закроется дверь.

Такие людишки, не могу назвать их людьми, потому что боюсь оскорбить незначительную часть населения, которая еще вправе так называться, у меня вызывают отвращение. Они даже хуже таких вот придурков

Окружающий мир в одно мгновение перестал быть серым. Адреналин рванулся в кровь, и я ощутил сон наяву. Я снова почувствовал вкус жизни, увидел цель и самое главное – противника. Почти как на миссиях. Почти как во сне. Вот жаль, только нога осталась прежней.

Опираясь на костыль, я начал подниматься на ноги, точнее ногу. На меня никто не обращает внимания: ни посетители, ни официантка, ни дебоширы. Первые сидят, втянув голову в плечи и спрятав глаза – делают вид, что ничегошеньки тут и не происходит. Официантка медленно пятится под натиском рыжеволосой гориллы. Единственный, кто проявляет хоть какую-то активность – бармен. Он мелкими шажками, нет, не идет, приближается к троице. В его глазах плохо

скрытый страх, но все же он движется вперед. Единственный из всех.

Оценив ситуацию, делаю прыжок на одной ноге вперед, скидывая костыль вверх. Леня, уже ухвативший девушку за блузку, успел краем глаза заметить движение слева от себя, но уже поздно...

– Получай! – выдыхаю, и костыль опускается на голову боксера.

Рыжеволосая туша грузно осела на пол. Разворот на одной ноге и как в бильярде тычковый удар в шар, то есть лоб парня в шейном платке. Громко клацнув зубами, он рушится назад вместе с креслом, в которое только успел усесться.

Третьего противника костыль достал, когда тот вскочил на ноги и резко сунул руку в карман. Голова у парня оказалась намного крепче костыля, но удар возымел эффект.

Душа переполнена радостью хорошо выполненной работы. Удивительно, но я подарил себе несколько мгновений счастья. Это конечно не сон, но все равно хмельное вино победы покрыло дно моего кубка.

Официантка смотрит широко раскрытыми глазами на три бесчувственных тела лежащих вокруг стола, не понимая, что произошло.

Тишина. Даже мурлыкавший магнитофон подавился касетой и заткнулся от удивления.

Снова начинаю себя чувствовать не в своей тарелке.

Нахлынувшая эйфория медленно уходит, оставляя после

себя привычную серую тоску. Может, зря я это сделал? Может, не стоило встречать, в общем-то, это и не мое дело было?

Неожиданно одна из студенток делает восторженное лицо и начинает хлопать в ладоши. Через секунду к ней присоединяются подружки. Еще секунда и аплодисменты заполняют бар, отпугивая смазливого юношу сунувшегося в двери. Не знаю, что он подумал, увидев в центре зала три тела и стоящего над ними на одной ноге мужчину с переломанным пополам костылем, но больше не заглядывал.

– Ба! – только и сказал бармен – Пять баллов!

– Почему? – подняла на меня по-прежнему полные осени глаза официантка.

– Хамы, – лаконично отвечаю и присаживаюсь на край стола. Чертовски неудобно вот так, как цапля стоять на одной ноге.

– Спасибо, – улыбнулась девушка.

А она действительно симпатичная. Даже более чем... Особенно улыбка. Как будто солнышко заглянуло в полумрак бара и одарило меня теплом и ласковым светом.

Невольно улыбаюсь в ответ:

– За что?

– Ну как за что? Ведь если бы не ты, даже не знаю как бы все закончилось. – Она в пол голоса добавила: – От этих помощи никогда не дождешься. Уткнул носы в тарелки, и как будто ничего и нет.

– Скажу честно, в первую очередь я сделал это для себя.
В ответ удивленно поднятые брови.

На мгновение я почувствовал себя героем. Восторженные взгляды смазливых студенточек ни одного мужчину не оставят равнодушным. Общая атмосфера уважения и восхищения. Но вот в чьем-то, я даже не заметил в чьем, взгляде промелькнула жалость и тут же, как чума наполнила бар, заражая сознание за сознанием. Восхищение и уважение мгновенно атрофировались под ее натиском. Я даже знаю, о чем они все думают. Эти фразы я слышал десятки, нет сотни, тысячи раз, сказанные и просто во взглядах, и очень не хочу слышать сейчас. Противно и хочется уйти.

– Счет, пожалуйста.

– За счет заведения, – растягивая слова, сказал бармен. – Наоборот, с нас причитается.

– Швабра.

– Что швабра? – не понял он.

– С вас причитается швабра, – только сейчас я заметил, что все еще сжимаю обломок костыля побелевшими пальцами, и бросил его на пол, где уже начал ворочаться владелец баса и великолепной шишки на затылке в придачу.

– Зачем швабра? Какая швабра?

– Лениво на одной ноге домой скакать. Надо же чем-то костыль заменить.

Капли дождя дробинками из небесного ружья тарахтят по лобовому стеклу выдавшего виды Вольво. Мотор заглушен. Дворники прервали свой монотонный танец, и устало улеглись на места.

Мы так сидим уже минут пять. Просто сидим и курим. До подъезда каких-то десять шагов, но мне почему-то не хочется покидать уютный салон и виной этому не только то, что снаружи сырость и грязь.

Как это не удивительно, но бармен, оказалось, что его зовут Михей, по крайней мере, именно так он представился, не смог подыскать мне достойной замены покойному костылю. Тонкая дюралева швабра сложилась пополам при первом же нажиме. Это тебе не солдатская швабра с древком из молодой березы, которой я отдраил не один десяток километров казарм. Михей только развел руками, признавая свою беспомощность. Инициативу перехватила официантка и через несколько минут доковыляв с помощью Михея до ее Вольво я оказался на переднем сидении. Машина завелась с полоборота и взвизгнув шинами по мокрому асфальту рванулась вперед. Девушка оказалась лихим водителем. Как на меня даже чересчур.

– Я пойду? – почему-то спрашиваю, выкинув окурок наружу через приоткрытое окно.

– Да, наверное, – неуверенно взглянула она на меня.

И снова молчание.

Удивительно, но в ее глазах нет жалости. Ни капли. С того

момента как я ее впервые увидел, там было что угодно, от злости до радости, но вот жалости не было.

– Как тебя зовут? – отважился я нарушить тишину.

– Ди.

– Ди? – переспросил я.

– Дина.

– А-а-а. Меня Дима. До Ди попрошу не сокращать. Путаница будет.

– Очень приятно, – одновременно сказали мы и тут же вместе расхохотались.

Как-то даже дышать легче стало. Спал витающий в воздухе напряг, и разговор нашел нужное русло.

– Тебе помочь домой добраться? – как бы между прочим поинтересовалась Ди.

– Если нетрудно. Чертовски неудобно скакать на одной ноге.

Она кивнула и понимающе улыбнулась.

– Ты где так научился драться?

– Десант, – отвечаю с неохотой. Не особо люблю об этом вспоминать. И уже с улыбкой, – А костыль это импровизация. Такого даже в восточных единоборствах нет. По крайней мере о стиле костыля я никогда не слышал. А вообще-то даже удобно. Я всегда при оружии. Попробовал бы обычный человек прогуляться по улицам с такой дубиной, моментом бы ребята в погонах интерес проявили. А с меня взятки гладки, костыль это не оружие, а средство передвижения.

Ди звонко рассмеялась. Не могу оторвать глаз от нее. Каждая улыбка девушки весенним лучом разгоняет осеннюю сырость в душе.

– И часто применять приходится? – поинтересовалась она.

– К счастью нет. Не смотря на военное прошлое, я предпочитаю защищаться, а не нападать.

– Там тебя? Горячие точки? – и опять никакой жалости в глазах, лишь уважение и что-то еще такое... мужское... как у ребят из нашего взвода после первого боевого крещения. У тех, кто остался в живых и не обмочил штаны заглянув в глаза смерти...

– Нет, – отрицательно качаю головой. – Холодные. Очень холодные.

– На Северном Полюсе служил? – не поняла Ди.

– Нет. В значительно более жарких краях изобилующих горами и свободолюбивым народом.

– Тогда все же почему холодные точки?

– Хорошая у тебя машина, – неловко выворачиваюсь.

Ди кивнула принимая мою отговорку.

– Машина не очень. Старушка. Да и не моя она. Вожу по доверенности.

– Мужа? – я постарался сказать это слово как можно спокойнее.

Затаив дыхание, жду ответ, надеясь, что он будет отрицательным. Почему-то мне очень не хочется узнать, что пол-

ные осени глаза уже дарят кому-нибудь любовь и обожание. Мне кажется, что я высохну от зависти, если все же...

– Нет. Я не замужем.

Я настолько шумно выдохнул, и столько радости и облегчения было в этом вздохе, что Ди странно посмотрела на меня.

– А чья же тогда?

Существует еще несколько вариантов, которые мне могут не понравиться.

– Вольво принадлежит моему брату. С тех пор как он... – Ди потускнела, словно вспомнила о чем-то тяжелом и горьком. – В общем, какая разница.

– Согласен. Никакой. А ты не боишься так ездить?

– Как так?

– Ну-у-у, скажем, чересчур лихо.

– Лихо и быстро чересчур не бывает, – невесело улыбнулась Ди. – Брат так всегда говорит. Он меня и ездить научил. А ты машину водить умеешь?

– Здесь нет.

– Это как? Тут умею, а тут нет? Так не бывает.

– Конечно, не бывает. Шутка, – с запозданием опомнился я.

Мне хочется стукнуть себя за избыток глупости. Это ж надо такое сморозить. Что мне теперь, рассказывать девушке, с которой еще и часа не знаком, о том, что на одной из прошлых миссий я лихо колесил за рулем трофейного грузо-

вика? Может вообще все рассказать? И наша первая встреча сразу же станет последней. Мало того, что инвалид, так еще и сумасшедший. Хотя какая разница первая-последняя. Неужели я действительно серьезно верю в то, что она заинтересуется мной и...

– Ты всегда говоришь загадками? – спросила Ди.

– Нет, только когда волнуюсь.

– Волнуешься?

– Волнуюсь, глядя в полные осени глаза на сказочном лице, – вырвалось у меня.

Как известно слово не воробей и это здорово огорчает.

– Кгм, – неловко кашлянула Ди и покраснела.

– Ум-м-м, – глубокомысленно замычал я так и не найдя что сказать и полез в карман за сигаретами.

– Может пойдем? – несмело предложила Ди и как-то особенно посмотрела на меня

– Пойдем? Куда?

Я совсем забыл, что машина стоит недалеко от моего подъезда, и еще несколько минут назад я собирался идти домой.

– Дима, ты как будто одновременно пребываешь в нескольких местах. Разговариваешь со мной и в то же время возвращаешься в каких-то совершенно иных сферах.

– Все нормально Ди. Нет никаких сфер. Просто у меня сегодня был тяжелый день, и я чуть не наделал массу глупостей, которые потом никак невозможно было бы компенсировать.

ровать. Ты обещала помочь подняться на мой этаж. Потопали.

Удачно сказанул. Компенсировать собственную смерть, по наступлению оной наверняка еще никому не удавалось.

– На какой? – спросила девушка, выйдя из машины.

– Пятый.

– А выше забраться не мог? – улыбнулась Ди и тут же сморщилась когда моя рука впиалась в ее плече.

Неторопливо выволакиваю ногу из машины. Она как назло все время цепляется, за что ни попадя.

– Выше только крыша, а я не Карлсон, хотя идею с моторчиком можно было бы и перенять.

Ухватившись одной рукой за плечо Ди а второй за крышу автомобиля готовлюсь сделать первый шаг.

Первый шаг всегда самый тяжелый, но если его не сделать... тогда я просто перестану быть мужчиной. Жизнь это постоянная борьба, состоящая из множества таких вот первых шагов и шажков. Сейчас мне стыдно за свои утренние мысли... Хочется извиниться перед отцом за то, что я даже думал о смерти. Он бы такого никогда не понял и не простил, ибо самоубийство – трусость, попытка сбежать от трудностей реальной жизни, жалкая лазейка позволяющая прийти на финиш коротким, самым легким путем. Понятно, что все мы там будем, никто не вечен, но в данном вопросе более важен не результат а сам путь, пройденный с гордо поднятой головой, как и подобает мужчине. А любой путь начинается

с первого шага.

Сжав покрепче зубы, чтобы не вырвалось даже намека на стон, отпускаю автомобиль и оперевшись на Ди, неуклюже переставляю правую ногу. Боль! Какая боль! Хочется завывать во весь голос, чтобы задрожали стекла в бесконечном лесе пятиэтажек. Но я сильнее сжимаю зубы и двигаюсь дальше.

– Ты как? – спрашивает Ди, с беспокойством глядя на мое побледневшее лицо.

– Замечательно, – выдавливаю из себя улыбку. Надеюсь, что она выглядит как и подобает мимическому способу выражения радости. – Никогда с такой легкостью не ходил. Не хочешь какое-то время у меня костылем поработать? Бережное обращение гарантирую.

– Не торопи события, – насмешливо глянула на меня де-вушка.

Глава 4.

Внешнюю охрану Десятка снял, особо не напрягаясь.

– Лохи, – блеснули в темноте его зубы. – Не охрана, а детский сад. Спали как сурки. Откуда они таких отмороzków берут?

– В теплицах выращивают, – ухмыляюсь в ответ. – Рецепт простой – главное дерьма, пардон, удобрений побольше, и три раза в день поливать подогретым вином.

– Много текста, – недовольно буркнула Дама. – Пасть при-

крой Десятка! Пока медленно движемся вдоль стены. Вскоре должна показаться арка.

– А если им еще и сказки на ночь читать, то вместо отморозков могут получиться весьма интересные индивидуумы. Для примера назовем их...

– Шестерка, это тебя тоже касается!

– ...назовем их, элитой здешнего общества. Гегемонами полей, огородов и отморозков по ним шатающимся.

– Шестера? – вкрадчиво поинтересовалась Дама.

– Ась?

– В морду хочешь?

– Никак нет. Не хочу. Морда штука полезная, я на ней сверху не только шапку ношу, но еще и в нее ем. Морда, кстати, – визитная карточка человека. Что бы мы без нее делали? Опознавали друг друга по запаху? Но запах штука непостоянная, то одного поел, то другого...

– Закройся, и не твякай без надобности, – поставила точку Дама.

– Гав-гав. В смысле есть! – шутливо козыряю в ответ.

Сегодня она явно не в духе. Как-то странно на меня поглядывает. Нервничает. Раньше за ней такого не числилось. Обычно Дама спокойная как дохлый удав. Давно дохлый. Уже начавший нехорошо пахнуть.

– Шестера, ты чего сегодня такой веселый? – спросил Десятка.

– С девушкой хорошей познакомился, – мечтательно

вздыхаю.

– Уже трахнул? – оживился Десятка.

– Ты не исправим. А это обязательно?

– А что спрашивается тогда с ними делать? Солить? – удивился он.

Увесистая затрещина от Дамы заставила Десятку заткнуться.

Тихо крадемся вдоль высокой каменной стены. Где-то в стороне невидимая охрана обсуждает подробности недавнего пира. Гнусавый голос, перебивая рассказчиков, травит бородатый анекдот про жену, соседа и как всегда не вовремя пожаловавшего мужа. Забавно и анекдот из нашего репертуара и говорят опять же по-русски. Последнее одна из наибольших загадок. Совершенно чужой мир, загаженное до-нельзя средневековье а они премило общаются себе на современном русском как на родном. А может он и есть для них родной. А для нас?

– Где вход? – спрашиваю, повернувшись к Даме.

– Арку видишь?

Вглядевшись в темноту, отрицательно качаю головой:

– Нет. Нифига я тут не вижу. Ни тут, ни здесь. Темно как у негра в заднице и холодно, – поеживаюсь под порывами колючего осеннего ветра.

Легкие кольчужные доспехи натянутые поверх холщовой рубахи-подкольчужника не особо-то греют, скорее наоборот. Кажется, что я каждым квадратным сантиметром спи-

ны ощущаю холод идущий от стальных чешуек. И тут осень. Как она мне опостылела.

– Везде-то вы были, все-то вы знаете, – шепотом поддел Десятка и, судя по издаваемым звукам начал наводить маршфет в обмундировании. – Раз холодно, значит негрдохлый.

Вот уж выпендрожник и позер. Он и в реальной жизни такой? Интересно, обидится, если спрошу? Надо только будет выбрать момент, когда Дамы не будет рядом.

– За мной слепые котята, – рассержено прошипела Дама. – Лучше б вас в помоях утопили. И ни звука, если шкура дорога.

– Помои это вульгарно, – глубокомысленно изрекаю. – А топить котят как минимум не гуманно, хотя и оказывает положительное влияние на регуляцию популяции...

– Слышь ты, популяция регуляции? Еще раз мяукнешь, я окажу на твою популяцию такую регуляцию, что о положительном влиянии навек забудешь. Понял?

Объяснение вполне доходчивое даже для меня. Сути не понял, но звучит убедительно.

На всякий случай вытаскиваю из ножен короткий метальный нож и следую за ней. Справа мелькнула какая-то тень, и я сразу же заносу руку для броска.

– Да я это, я! – перепугано шепчет Десятка. – Смерти моей захотел?

– Вы еще дуэтом спойте! – шипит Дама. – Тут у вас слушателей будет вдоволь. Оценят. Молчать уроды!

Сапоги на мягкой кожаной подошве беззвучно ступают по камням мостовой. Все оружие увито тонкими войлочными лентами, чтобы не бряцало. Мы движемся сквозь спящий городок как три ночных призрака... Нет, вру, конечно все не так красиво. Сегодня мы работаем из рук вон плохо. Не-то настроение такое, не-то звезды в какую хитрую позу стали. Шума от нас как от цыганского табора. В общем, то, что нас еще не поймали заслуга исключительно местной охраны, больше любящей вино и анекдоты чем службу.

Бледная луна вылезла из туч, одарив мир под собой мертвенным светом. А вот это зря. Оно хоть и виднее, но в то же время и нас видно.

– Хоть бы оружие серьезное дали, – капризничает Десятка, с презрением взглянув на мой нож. – Такими цацками тушканчикам обрезание делать, а не войну воевать.

– Сколько раз повторять, – поворачивается Дама, – ваше снаряжение всегда точная копия изделий среды, в которой работаем. Мы ничем не должны выделяться.

– Даже после смерти, – угрюмо добавляю.

– После смерти нечему будет выделяться, – сказала Дама и тут же осеклась, как будто сболтнула лишнее.

На этот раз миссия несколько необычная. Мы должны похитить сына какого-то местного не то царька, не то королька и доставить его отшельникам Серебряных гор.

Как всегда мы знаем лишь свою задачу, не имея ни малейшего представления, зачем и кому это нужно. Подобные во-

просы Даме задавать бессмысленно – пошлет подальше вот и весь разговор.

Вот и арка – здоровенное отверстие в стене сложенной из нетесаного камня. За ней должна быть дверь, потом коридор с двумя охранниками, еще одна дверь и, наконец, спальня маленького принца. В общем, не охрана, а толпа вооруженных до зубов мухобоев. И как их царек-королек не поразгонял за бесполезность? Кому спрашивается, нужна стража, мирно дрыхнувшая пока ее режут?

– Напоминаю, – назидательно шепчет Дама, – ребенок должен остаться жив.

– Почему нас только трое? – не сдержавшись, спрашиваю у нее. – Раньше ведь замена всегда появлялась на следующей миссии.

– Не ваше собачье дело. Ваше дело выполнять мои приказы.

– А твое дело?

Дама задохнулась от злости, услышав мой вопрос, но так ничего и не ответила.

Из-за угла здания, громко бряцая железом доспехов, как тройка быков колокольчиками на шеях, появился ночной патруль.

Дальнейшие действия расписаны чуть ли не по секундам.

Одновременно с Десяткой бросаемся вперед. Охранники даже и не поняли, что произошло, как уже были мертвы.

– Как по маслу, – довольно шепчу, вытирая нож о плащ

поверженного врага.

– Рекомендую для этого дела специальные кремы, – заблестел улыбкой Десятка. – Я особенно клубничный ароматизированный люблю.

– Крем это хорошо, – мечтательно улыбаюсь и облизываюсь. Желудок, наполненный не пойми чем соглашается. – Малиновый люблю, со сливками. Главное, чтобы густой был. Воткнешь вот так в него палец, а потом медленно слизываешь. Благодать.

Из темноты дико глянули глаза Десятки:

– Ну Шестера ты прямо маньяк.

– Вкуснятина, – я все еще под впечатлением воспомина-
ний детства.

– Так ты про который едят? – разочарованно протянул Де-
сятка.

– Ладно, хватит трепаться, – выдергиваю себя из кулинар-
ного рая воспоминаний. – Пошел я стражу у дверей в спаль-
ню сниму.

Бесшумно отворилась тяжелая деревянная дверь усилен-
ная медными полосками.

– Кто? – раздался грубый голос из подсвеченного чадны-
ми факелами полумрака коридора.

Две высокие фигуры, закованные с головы до ног в доспе-
хи, замерли как железные изваяния у двери в противополож-
ном конце коридора.

– Что? – как бы не расслышав, переспрашиваю и широки-

ми шагами иду к ним.

– Кто?

Поднимаются на уровень груди, поблескивающие в свете факелов трезубцы. Сквозь прорези в шлемах на меня изучающе смотрят глаза стражников. Оттуда же струится тяжелый сивушный дух. Удивительно, что при таком выхлопе в коридоре еще воздух не горит. И вообще, у них тут что, типа замок или вытрезвитель? Хоть бы одного трезвого увидеть.

– Конь в пальто!

Резким движением руки отправляю метательный нож в прорезь шлема правого стража. Увернувшись от метнувшегося к голове трезубца, падаю на колени, одновременно выхватывая из ножен на спине короткий кривой меч. Широкое лезвие неприятно скрежещет по латам стражника, добираясь до плоти.

– О-о-хх, – простонал страж, опускаясь на колени рядом со мной. – О-о-о, – и дернувшись затих.

Стараюсь придержать тяжелое тело, чтобы стальные доспехи не загремели, ударившись об каменный пол.

– Чисто, – шепчу в сторону входной двери, и пара темных силуэтов сразу же оказывается в коридоре.

Железная шипастая перчатка Десятки хлопает меня по плечу:

– Ты что, стоя на коленях в любви им признавался? Прямо как Девятка... – он осекся под моим взглядом.

– Не надо так... Не надо, – твердо говорю ему глядя в гла-

за. – О мертвых...

– Хватит, – это уже Дама встряла. – Десятка действуй.

– Я бы действовал, так ты ведь против. Ты даже не знаешь от чего отказываешься. – Он многозначительно подмигивает, поправляет приплюснутый шлем и скрывается за дверью.

Дама сердито пробормотала что-то насчет того, что для многих мужчин ампутация определенной части тела пойдет на благо – больше крови в высыхающие мозги поступать будет.

Сейчас Десятке предстоит самая легкая часть работы – оглушить старушку-сиделку и забрать ребенка. Плевое дело...

– Тварь! – неожиданно взвыл приглушенный неплотно прикрытой дверью голос Десятки. – Стервозина! – а вслед за ним пронзительный детский плач.

Вот тебе и плевое дело.

Одновременно с Дамой врывается в комнату и застываем на пороге, готовясь принять схватку с противником, которого здесь не должно быть. В ее руках широкий двуручный меч с гардой в виде лап мифического зверя увитых виноградной лозой, по лезвию разлилась тонкая вязь непонятных рун. Тяжелое оружие, больше подошло бы мужчине. Хотел бы я увидеть того, кто скажет это Даме. Она бы его тут же, этим же мечом... А потом скажет что так и было.

Несколько вонючих ламп, стоящих на высоких железных треногах, наполняют большую комнату с резной колыбелью

в центре дрожащим желтым светом. Краснеют угли в большом камине украшенном несуразной лепкой. Стены задрапированы не то выцветшими гобеленами, не то просто покрытыми художественными разводами грязи прямоугольниками толстой ткани. При таком освещении не разобрать.

В колыбели, суча голенькими ножками, захлебывается в плаче ребенок, на половину придавленный телом костлявой старухи в черном сарафане. Рядом на полу лужа крови и судорожно дергающийся Десятка. Больше ни души.

Дама бросается к ребенку, я к Десятке.

– Десятка? – прижимаю к полу бьющееся в конвульсии тело красавца. – Куда ранили?

К сожалению, в этой миссии у нас нет боевых аптечек. Все лекарства сводятся к холщовому свертку с каким-то набором народных средств. Всякие там мази, травки-муравки, сушеное дерьмо летучей мыши пойманной девственницей над кладбищем в полнолуние и умерщвленной путем запугивания до смерти оной же девственницей, и прочие глупости. Я испытываю большие сомнения, что все это шаманское хозяйство хоть какой-то помощник даже при лечении банального насморка не говоря уже о ножевом ранении.

– Это ее. Ее, – хрипит он, выгибаясь дугой. – Стер... стерв... Ох-х-х. Как больно. Жжет!

– Что ее?

– Ее кровь, – на его губах появляется пузырящаяся пена. – Стервозина! Сдохнуть от руки бабы...

Он захлебывается кашлем, и на грудь выплескиваются ключья пены.

Стаскиваю с Десятки шлем и, придерживая голову на весу, чтобы случайно не ударился затылком о каменный пол, вытираю пену рукавом холщовой рубахи.

– Что она с тобой сделала?

– Шестерка уходит, – раздается из-за спины голос.

Дама с вопящим младенцем, завернутым в покрытое пестрой вышивкой покрывало уже у двери.

– Но Десятка?

– Ему не поможешь, – она безразлично пожимает плечами. – Скорее всего, у старухи был отравленный ноготь. Здесь это практикуется. Противоядия не существует. Он сгорит изнутри.

Пики гибли и до этого. Но раньше я воспринимал смерть всего лишь как издержку нашей работы, как неизбежность. Сейчас во мне как будто что-то сломалось. Передо мной на полу лежит не просто солдат Десятка, выполняющий свою работу, не просто карта пиковой масти из жиденькой колоды... передо мной человек... человек, который как и я умеет любить, страдать, ненавидеть... и хочет жить. Любить? А я знаю, что это такое? Что я ощущаю кроме ненависти и безысходности там, дома, в кажущейся беспросветной серости? Что у меня есть там кроме снов... Снов, в которых я полноценный человек... Снов в одном из которых умирает Десятка?.. Снов, которые кажутся иллюзией лишь там, здесь

же это реальность, суровая и жестокая. Я знаю, что стоит мне хоть раз оплошать, не выполнить приказ, сорвать миссию, и я буду лишен этой иллюзии навсегда. Я буду стоя на коленях умолять бездушные стены своей квартиры, буду биться о них головой лишь бы снова вернуться сюда, почувствовать себя полноценным воином, увидеть цель, ощутить жизнь и смерть. Но бросил бы я раненого друга там, в реальном мире? Бросил бы? Даже если приказал мой командир? Никогда! Тогда почему здесь я должен поступать иначе? Я один и тот же и там и здесь. Отличия лишь физические. Там – я инвалид, вызывающий жалость, здесь – превосходный солдат, одаренный Хозяевами необычными умениями и знаниями. Но ведь душа везде одна и та же. Человек – это не только телесная оболочка, человек это нечто большее.

– Я его не брошу! – во мне просыпается злость на Даму и ее безразличие. – Он же один из нас!

– Он всего лишь один из нас. И не более, – она перехватывает ребенка поудобнее. – Быстрее, а то через минуту здесь вся гвардия будет.

Для того, чтобы понять другого нужно всего лишь поставить себя на его место, увидеть мир его глазами, застилаемыми погребальным саваном, ощутить сжигающий изнутри огонь, почувствовать леденящее дыхание смерти на лице.

– Ничего Десятка, не дрейф. Я тебя вытащу.

– О-о-ох! Больно! Жжет внутри. Шестера ты точно меня не бросишь?

– Конечно, не брошу.

– Но Дама... О-о-й! Горю! Ты нарушаешь ее приказ... можешь потерять сны... мне все равно труба...

– Это не повод, чтобы бросать партнера в беде. Конечно, я боюсь их потерять. Они дороже собственной жизни.

Уже во второй раз за последнее время я совершаю непростительную с точки зрения карт глупость. Сперва пожалел врага – не пойми зачем оставил в живых вожака волков, теперь вот пытаюсь вытащить коллегу, ставя своим поступком под вопрос выполнение миссии.

Сцепив зубы, вскидываю тяжелого Десятку на спину. С таким грузом не повоюешь, но все равно я его не брошу. Оставлять своих на поле боя это подло. Я не знаю, как поступил бы он на моем месте, может, оставил бы меня подыхать в конвульсиях, но знаю точно, что я его вытащу. Во что бы то ни стало, вытащу.

– Брось, мразь! – острие стрелы небольшого самострела смотрит мне прямо в глаз. – Брось, кому сказала!

– Уйди с дороги! – хриплю под тяжелой ношей, которая не перестает дергаться и что-то бормотать. – Или стреляй или уйди.

– Дама, не трожь его. Он святой, – шепчет в горячке Десятка. – Он меняет свои сны на мою жизнь. Святой! Как все печет. Потушите огонь.

Я уверен, что она не выстрелит. В одиночку, да еще и с ребенком на руках из замка не вырваться и до Серебряных

гор не добраться. Дама никогда не поставит на кон успешное выполнение миссии.

– Держись, – шепчу лежащей на моем плече голове Десятки. – Не вздумай умирать.

– Жжет. Огонь в груди, – бормочет он. – Больно...

– Держись красавец! Тебя твои девки дожидаются. На кого же ты свой гарем оставишь? – неуклюже пытаюсь его утешить. Знаю, что несу чушь, но ничего более умного в голову не приходит.

– Какие девки? – хрипит Десятка.

– Они же без твоей смазливой мордочки и того, за что еще они тебя любят, не проживут, зачахнут как розы без садовника.

– Ты этого сам захотел! – блеснули холодной сталью бесцветные глаза под козырьком шлема, и палец нажал курок.

В последний миг я понял ее замысел и рванулся в сторону, но не успел. Короткая стрела с белым оперением вместо того, чтобы воткнуться в беззащитный затылок Десятки, глубоко вошла ему в основание шеи. Из его рта на мои доспехи хлынул фонтан крови. Не глядя на Даму, опускаю Десятку на пол.

– Десятка? – растерянно шепчу, глядя на ставшее красным оперение стрелы. – Как же так?

Он что-то шепчет захлебываясь кровью.

– Сер... се...

– Что? – склоняюсь к самому лицу, пытаюсь разобрать

невнятную речь.

– Сере... Серега меня зовут, – с бульканьем вырвалось из его груди. – И гарема у меня... нет. Совсем. Горел я Шестера, – он приоткрывает полные боли глаза. – В танке горел.

– Я не Шестера, – говорю в полный голос. – Меня зовут Дмитрий.

– Ты святой Димка.

Десятка улыбается сквозь боль и тянет ко мне руку, собираясь пожать. По телу прошла волна конвульсий и, обмякнув, рука упала на грудь.

Не знаю зачем,жимаю перепачканную в крови ладонь Десятки, нет не Десятки – Сергея и закрываю ему глаза.

Меня разрывают на части противоречивые чувства. С одной стороны – хочется положить Даму прямо здесь, рядом с Сережей, оплатив за него по счету. С другой – довести миссию до конца и вернуться домой, в ожидание нового сна. Хотя, не уверен, что после сегодняшних событий я чего-то дождусь. Втрое подряд нарушение, можно сказать, священных правил это чересчур.

Надо взять себя в руки и успокоиться. Смерть Сереги это всего лишь смерть во сне и не более. Наверняка он сейчас там, у себя дома вскочил на кровати, и ошалело вертит головой, пытаясь понять, что произошло. Конечно, ему не позавидуешь. Потеря снов это самый большой кошмар карты. Не будет больше ни миссий ни экстрима... Будет лишь обыденная серая жизнь. Если у него реальность подобна моей, то

он заслуживает жалости... Нет, не жалости. Жалость унижительна. Заслуживает обычного человеческого понимания.

– Шестерка!

– Меня зовут Дима и никак иначе! Запомни это! – рывком вскакиваю на ноги, ожидая увидеть нацеленный самострел. Времени на перезарядку у нее было более чем достаточно. Сейчас Дама уже раздумывать не будет – в моих глазах столько ненависти и жажды смерти. У нее не будет выбора... Либо она либо я. И плевал я на сны!

– Хорошо, Дима, – неожиданно устало звучит ее голос.

Двумя руками она прижимает к груди хнычущего ребенка. Сейчас Дама похожа на обычную усталую тетку. Бесцветные глаза полны тоски, а в том, как она удерживает мальчика, гладит его по головке, пытаюсь успокоить, замечаю невидимые ранее материнские черты.

Мои ладони ложатся на рукоятки мечей-близнецов крест накрест закрепленных на спине. Медленно, как бы раздумывая, руки движутся вверх, выпуская на свободу широкие кривые лезвия.

– Дима, мы должны довести дело до конца – доставить ребенка отшельникам Серебряных гор, – тихо говорит Дама, боясь испугать притихшего малыша, залюбовавшегося блеском моих мечей в желтом свете ламп.

– Я никому и ничего не должен.

Шаг навстречу.

Мальчик смотрит на меня любопытными черными глазами.

ками. Ему, наверное, около года, а может и меньше.

– Ты не понимаешь, – пытается образумить меня Дама.

Шаг.

– Я не хочу ничего понимать!

В коридоре раздается топот ног и бряцание оружия. Похоже наше присутствие здесь уже ни для кого не секрет. Дама захлопывает дверь и задвигает тяжелый засов. На какое-то время эта преграда задержит стражу. Хотя какая теперь разница.

Еще шаг.

Ребенок радостно улыбнулся и протянул ко мне руки, что-то радостно пропищав.

– Предлагаю сделку, – торопливо предложила Дама, воспользовавшись моим замешательством. – Мы выбираемся отсюда, и я рассказываю тебе все, что знаю о кухне снов. Наверняка у тебя накопился не один десяток вопросов.

Вот он шанс получить ответы на все вопросы, неоднократно задаваемые мысленно и вслух. Разобраться со снами, смыслом миссий, узнать о Хозяевах и о нас. Кто они были – бульдозер-Семерка, бухгалтер-Восьмерка, романтик-Девятка и бабник-Сергей? Но где гарантия, что меня не обманут? Как я смогу проверить достоверность информации? Дама лошадка темная...

– Клянусь! – очень серьезно говорит Дама, заметив тень недоверия на моем лице. – Снами клянусь.

Последняя фраза как бочка пороха разнесла в щепки

невидимую преграду, всегда разделявшую рядовые карты и Даму. Больше нет никакой субординации. Мы равны. У нас общий смысл жизни – сон. И ради этого смысла мы будем сражаться как звери в этом самом сне, чтобы снова в него вернуться, просыпаться и жить надеждой на скорое возвращение.

– Ребенка укутай. Снаружи холод собачий, – говорю Даме.

В дверь раздается тяжелый удар, с потолка сыплется пыль. Похоже, стража уже успела таран притащить. Оперативно, черт возьми! Второй удар пришелся по деревянным ставням окна, расположенного напротив двери. На голову упал кусок штукатурки и, расколовшись о гребень шлема, песчаным дождем посыпался за шиворот и на лицо.

– Дятлы! – комментирую, протерев глаза.

– Быстрее соображать надо было, Дима, – осудительно смотрит на меня Дама. – У нас был шанс тихо уйти, но ты все испортил. Теперь стража снаружи наготове.

– Ничего, что-нибудь обязательно придумаем.

Похоже, что, скорее эта домина, как они гордо ее называют – замок, развалится, чем сдадутся двери и ставни. Замок! Курам на смех! Двухэтажное неуклюжее здание из камня с покосившейся башенкой, на вершине которой гордо реет треугольный вымпел, окруженное крепостной стеной в виде косоугольного четырехугольника. Замок блин! Насмотрелся я на него за вечер сидения в кустах, полных грызучих комаров, на склоне близлежащего холма. Комары у них тут ди-

кие и морозоустойчивые. Даже дурно пахнувшая мазь, которой мы умазались с ног до головы, на них не подействовала. В результате к мукам кусания и чесания, как результата кусания, добавился еще и дискомфорт от мыслей по поводу ингредиентов входящих в состав мази.

Гуп – это в двери.

Гуп-гуп-гуп-гуп – это в окно.

Второго тарана видимо не нашлось, вот и лупят в форточку, чем попало. Хорошо все-таки, что они еще порох не изобрели.

– Ну, придумал? – поинтересовалась Дама, закончив укутывать малыша.

Видимо я стоял со столь глубокомысленным выражением на лице, что она решила, будто я занимаюсь разработкой стратегического плана побега из этого строения, у меня язык не поворачивается его замком назвать, скорее уж благоустроенный курятник. Хотя если писать и какать в серебряные горшки, а потом их содержимое выплескивать за крепостную стену, то это благоустроенностью тоже не назовешь. В общем обычное грязное и вонючее средневековье, полное болезней, войн и свирепых комаров.

– А еще клопы присутствуют, – мрачно изрекаю, почувствовав мерзкий укус где-то в районе правой подмышки, и начинаю свирепо чесаться.

Похоже, что мазь действует только на людей и по принципу – клин клином вышибают – находясь в такой вонище че-

ловек, будет больше озабочен добычей чистого воздуха, чем какими-то там укусами.

– При чем здесь клопы? – сердито хмурится Дама. – Какие могут быть клопы, если у нас миссия на грани провала?

– Обыкновенные. Кусучие и черта с два уловимые. Скачут по мне как кенгуру и жрут без разбору.

– Забудь о кенгуру, думай о деле. Мы можем попробовать сыграть роли подоспевших вовремя стражей. Десятку выставим вражеским шпионом. Если провернуть фарс быстро может получиться. Потом изображаем суматоху и спешим показать ребенка венценосному отцу. По пути ты отсекаешь хвосты. Прорываемся к конюшне и на свободу.

– Не пройдет, – скептически смотрю на нее.

– Причина? – нахмурилась недовольная критикой снизу Дама.

– Здесь не настолько много народа. Солдаты наверняка помнят друг друга в лицо. В общем-то план ничего, но вот если хоть где-нибудь произойдет заминка, нас в порошок сотрут. И как мы сможем объяснить, почему так долго не открывали дверь не смотря на настойчивые просьбы?

– Твои идеи? – поинтересовалась Дама после краткого раздумья. Мои доводы оказались для нее убедительными.

– Не так быстро. Я думаю.

– А быстрее это делать можно?

– Отвлекают всякие от мыслительного процесса, – недовольно киваю в сторону двери.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Ребята молотят, как по щелчкам метронома, хоть секундомер сверяй.

Неожиданно у меня на лице появляется озорная улыбка, столь неуместная в данной ситуации. И мыслишки соответствующие тоже по голове забегали.

Подхожу к одному из коптящих светильников и с натугой отрываю от пола. Из чугуна они их делают что ли? Задуть осветительный агрегат удается лишь с третьей попытки. В отместку он пустил мне в лицо струйку зловонного чада. Разгоняю ладонью дым и принохиваюсь. Похоже на нефть, или что-то очень близкое. Примитивы! Не удивительно, что у них в помещениях такая вонища стоит. Или это от мази? Наверное, по совместительству эти светильники работают еще и кумигаторами – распугивают насекомых. Теперь перелить темную маслянистую жидкость в светильник стоящий в центре комнаты у изголовья колыбели.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Судя по затяжным паузам, молотят с разгона. И снова шуршит штукатурка с потолка. Двери и ставни настолько серьезные, что я практически не различаю голосов снаружи, лишь монотонный гул.

Так, теперь второй светильник. Дама и ребенок с любопытством наблюдают за перестановкой мебели.

– Прости Сережа, – поднимаю с пола тело и ташу в угол к опустевшим светильникам. – Я знаю это кощунство но, к сожалению, ничего другого придумать не могу. Тебе уже все равно, а нам твой труп службу сослужит. Врага на пару мгновений отвлечет и нам шансов добавит.

Подпираю светильниками тело, пытаюсь придать ему более-менее естественную позу. Теперь привязать шнуровкой от кольчуги к одной кисти меч, а к другой самострел. Приплюснутый шлем надвинуть на лицо. Залитое кровью тело старухи положить к его ногам. Делаю несколько шагов назад и оцениваю свой труд. При наличии хорошего воображения повисший на светильниках труп можно с трудом принять за приготовившегося к атаке солдата, а лежащую у ног старуху за первую его жертву. Надеюсь, что сработает.

Гуп.

Пауза.

Гуп-гуп-гуп-гуп-гуп-гуп.

– Фальшивите. Нехорошо, – бурчу под нос, задувая последний светильник в комнате, если не считать центрального, он останется рабочим, и переливаю в него же всю горючку. Получилось под самый верх.

– Мультики любишь? – интересуюсь у Дамы.

– Да, – с недоумением смотрит она на меня.

– Том и Джери.

– Это мои любимые, – на ее лице появляется мечтательная улыбка.

Такое впечатление, что рядом со мной находится не привычная резкая и жесткая Дама. Изменилось все: жестикуляция, холодный прищур глаз, даже слова стали мягче.

– Помнишь, была такая серия... – начинаю изложение своей идеи.

– Это еще более рискованно чем предлагала я. В случае неудачи нас не выпустят из этой комнаты, – неуверенно говорит Дама.

План ей точно не нравится. Мне тоже. В случае неудачи нас не просто не выпустят из этой комнаты, нас по стенкам размажут вместе с анализами, противокмаринной мазью и клопами. Никакие способности и знания не помогут.

– Согласен. Но если на начальном этапе сбоев не будет, мы обеспечим себе более-менее спокойный отход.

– Главное чтобы отход состоялся за стену, а не на тот свет, – проявила Дама ранее незамеченное чувство юмора.

– В крайнем случае завалим миссию. Ну потерям сны... Жили ведь как-то раньше и без них. Тяжело конечно будет... – Я успокаиваю скорее себя чем ее. И совершенно не верю в свои слова. Даже при одной мысли о потере снов становится нехорошо и серый колпак, такой палачи надевают висельникам, опускается на голову, лишая мир красок и ощущений. – Смерть это конечно не приятно. Не думаю, что мне понравится без головы или еще чего. Но ведь это все временно. Помучаемся маленько, и проснемся дома в своих кроватках

живехонькие.

Дама насмешливо глянула на меня, покачала головой, но ничего не сказала.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Главное, чтобы я ни в чем не просчитался. Если вдруг что пойдет не так, то такую толпу народа, а я уверен, что их там табун и маленькое стадо, мы не раскидаем. Пусть мы и круче, но на их стороне банальный весовой перевес. И драться они будут по взрослому, за принца все-таки.

Гуп.

Гуп-гуп-гуп-гуп.

Отодвигаю засов на ставнях и одним движением распахиваю наружу, не выпуская половинок из рук. От увиденного, я аж присвистнул. Под окном тусуется по меньшей мере десятка три вооруженных до зубов солдат закованных в броню. Мое появление, как кукушки из часов оказалось для них полной неожиданностью.

– Эй, любители козьих экскрементов! – выкрикиваю в ошалелые лица и мгновенно захлопываю тяжеленные ставни.

Только после того, как лязгнул засов, я вздохнул свободно. Судя по реакции снаружи, с импровизированным оскорблением я угадал – туземцы конкретно обиделись. Не думаю, что местные интеллектуалы поняли, что такое экс-

кременты, но реакция правильная. Такое впечатление, что все три десятка солдат молотят по ставням, чем придется. Шум неимоверный.

Теперь второй этап. Дама с ребенком на руках занимает мое место у окна, настороженно вслушиваясь в неистовую работу мобилизованных барабанщиков исполняющих не то чунга-чангу не то козачок, а я перебираюсь к дверям.

Гуп.

Дверь вздрогнула от поцелуя тарана. Петли и засов потихоньку сдают свои позиции. Выглянули из своих ниш шляпки гвоздей, перекосилась одна из удерживающих засов скоб. Конструкция может выдержать еще довольно долго, но все же рано или поздно рухнет под натиском тяжелого тарана. Мы могли ждать до этого, последнего момента, но чего? Лучшая защита – нападение.

Поднимаю руку, готовясь дать сигнал. За дверью раздаётся шум, напоминающий гул выкатывающейся на берег штормовой волны. Он ближе. Ближе. Еще ближе. Пора!

– Давай! – кричу во весь голос и распахиваю дверь настежь.

Однажды в детстве я на спор до дрожи в коленях стоял на железнодорожной колее глядя на несущийся на встречу, истошно гудящий локомотив. Вот и сейчас то же самое. С подбадривающим ревом, бряцая доспехами и наполняя воздух запахом усилий на меня по узкому коридору мчится десяток

здоровенных мужиков со всех сторон облепивших толстенное бревно с уже основательно расплюснутым концом. Резво отскакиваю в сторону, и вошедшие во вкус мужики, похоже даже не заметив отсутствие двери на привычном месте, как тот локомотив из детства, проносятся мимо, на ходу сметая детскую колыбель, и переполненный горючкой светильник. И с этого момента начался запланированный мною ад. Воспламенившаяся жидкость, а ее там было не менее литров пяти, веером выплескивается на гостей. Теплые плащи, брошенные за спины, вспыхивают в сумраке комнаты гигантскими светлячками. Не ожидавшие такого горячего приема мужики попытались остановиться, но не тут то было. Физика! Инерцию еще пока никто не отменял. Тяжеленный таран и его эскорт, окутанные вихрем пламени не сбавляя скорости, продолжили свой путь прямо в предусмотрительно распахнутое Дамой окно. Все как по нотам, которые, между прочим, написаны именно мной. Каково же было удивление уличной толпы обрадовано сунувшейся в неожиданно открывшееся окно не маленьких размеров, когда оттуда как чертик из табакерки выпорхнул пылающий таран, тянущий за собой несколько людей-факелов орущих так, что любому черту завидно бы стало.

Теперь наступила наша очередь.

Выхватываю из заплечных ножен оба меча и, хорошенько разогнавшись, делаю кувырок в окно, пролетая над горящими неудачниками, умудрившимися в нем застрять. Бла-

го здесь окна высокие. Лицо щекочут язычки огня. Уши наполняют дикий рев обгоревших и тех, на кого обрушилось тяжелое бревно. Под окном невероятная суматоха, граничащая с паникой.

– Бей врагов! – вношу свою лепту в хор воплей и неразборчивых возгласов.

Огонь попадает на очень удачно расположенный стог сухого сена и сразу же на встречу блеклым звездам вздымается переливающийся протуберанец, отбрасывая причудливые тени от мельтешащих силуэтов.

Руки работают как крылья у ветровой мельницы расчищая путь Даме с ребенком. Она одной рукой прижимает малыша, а другой виртуозно орудует тяжелым мечом. На ее лице азарт и радость. Дама счастлива, упивается процессом и чувством собственного превосходства. Меч выписывает круги, раздавая смерть налево и направо. Скрежещут под разящей сталью доспехи, вываливая наружу содержимое. Дама как будто вскрывает банки бычков в томате большим консервным ножом.

– Кх-р-р-р, – скрежещет банка, и томатное содержимое забрызгивает кольчугу.

И так банка за банкой. Банка за банкой.

Противник деморализован и напуган. Обезумевшие лица полны суеверного страха. Кто-то заорал, что принца украли демоны Шандаля карающие огнем. Вопль внес еще большую сумятицу в хоровод тел и облегчил работу.

Большинство солдат даже не пытаются сопротивляться, они просто покорно принимают смерть и становятся новыми лоскутками кровавого ковра устилающего двор замка.

Мимо меня с жалобными стенаниями, разгоняя ночь огненным шлейфом, пробегает воин. Я могу одним движением кисти облегчить его страдания, но не делаю этого. Этот несчастный один из очагов паники, а она нам сейчас ох как необходима.

Дорогу заступает полный мужчина с окладистой бородой выглядывающей из-под шлема. В его руках занесенный для удара двухсторонний топор с щербатым лезвием. Он делает обманный жест и наносит удар снизу. Гудящее лезвие проносится на волосок от моего беззащитного подбородка. По спине пробегает легкий холодок миновавшей смерти. Если бы я не качнулся самую малость назад, вовремя разгадав его замысел... получил бы раздвоенный подбородок... до самых бровей. Нет уж спасибо. Пластическая хирургия лица в планы не входит. Мордочка у меня хоть и так себе, не Ален Делон конечно, но, по крайней мере, не шарахаюсь от собственного отражения. А с таким подбородком я лицо с другой частью тела путать буду.

– Вж-жик – говорят соприкоснувшиеся лезвия мечей как ножницы, отделяя бородатую голову от туловища.

– И нет пластического хирурга, – довольно констатирую кончину, покусившегося на мое лицо воина.

Оставляя за собой дорожку тел, добираемся до крепост-

ной стены.

– Конюшня, – перекрикивает Дама царящий во дворе гвалт. – Туда!

– Некогда, – ору в ответ и двойным ударом сношу седока с черного как ночь жеребца, заодно уклоняясь от просвистевшего над головой трезубца. – Залезай.

– А ты?

Дама попутно двумя взмахами делает себе ступеньку из зазевавшегося паренька с булавой и вскакивает в седло. Запах крови пугает коня, но как только властная рука перехватывает поводья, он сразу же успокаивается.

– Встретимся за воротами, – кричу, принимая на себя двух противников.

Первого пропустить мимо себя. Удар. Разворот. Удар.

Симфония боя наполняет душу радостью. Я чувствую себя чуть ли не поверенным костлявой старухи с косой, выполняющим особый заказ. Привычный наркотик наполняет кровь адреналином.

Я – зверь. Могучий и бесстрашный, рожденный убивать и служить Хозяевам. Я гильотина, управляемая ими. И это мне нравится. Ради этого я всегда с нетерпением жду сон, дающий силу и свободу дарить смерть и жизнь.

Уход с разворотом. Удар.

Левой блок, правой удар.

Кривое лезвие находит щелочку в прочных доспехах и на один лоскуток становится больше.

Как я люблю вот такой беснующийся вихрь смерти! Торжество и страх, паника и безудержная отвага смешиваются в нем, рождая гремучий коктейль под названием "война". Никогда и ничто не заменит эти ощущения. Все чувства и эмоции обыденной жизни это дорожная пыль по сравнению с тем, что получаю здесь.

Еще один противник. И слева приближается трое. Пора сматывать удочки, становится слишком горячо.

Обманный жест правой, и сразу же сильный с вытягом удар в горизонтальной плоскости. Лезвие рассекает кольчугу, погружаясь в тело. Несколько секунд использую конвульсивно дергающийся труп как щит. И очень кстати – неизвестно откуда взявшиеся две стрелы почти одновременно впиваются ему в спину.

Все. Пора.

Зигзагами бегу в сторону ворот, надеюсь, что когда лучники снова наложат стрелы на тетиву, я буду уже за стеной. А там кромешная тьма и непролазные заросли.

Навстречу из темноты выскочила пятерка воинов с трехзубцами наперевес. Новенькие. Еще не помятые, не перепачканные сажей и с лицами, не изуродованными страхом. Наверняка еще не в курсе что тут происходит, к тому же на мне стандартное облачение охранника.

– Туда! – ору изо всех сил и делаю страшное лицо.

– Что происходит? – глухо звучит голос из-под шлема. – Мы охраняли ворота, но у вас здесь что-то такое творится.

– Двадцать солдат похитили принца! – Перепугано кричу и тыкаю пальцем в суматоху у горящего стога. – Они напали внезапно! Я за помощью!

– Поспеши, а мы пока их придержим, – кивнул воин.

– Они одеты как замковая стража, – ору дурным голосом, изображая страх.

– Но как их отличить?

– Пароль.

– Какой еще пароль? – не понял воин. – Мы отродясь не пользуемся ними.

– Мы между собой договорились, там, у спальни принца. Чтобы отличать друзей от врагов, – говорю, с трудом сдерживая улыбку.

– Умно. Какой пароль?

– Пароль – «ты придурок?» а правильный отзыв «да». Враги не знают о нашей хитрости и естественно отвечают "нет". Тут то мы их и рубим. – Еще секунда и я рассмеюсь. Думаю, это будет не кстати.

– Хитро придумали, – восхитился воин. – Спасибо что предупредил! Ну мы им сейчас всыплем! Вперед!

Показав язык одураченным жестянкам спешу к воротам.

Луна решила на какое-то время стать моим союзником, спрятавшись в мутных облаках. Навалившаяся темнота дает шанс на успешное улепетывание из этого суматошного муравейника.

До ворот остаются считанные метры. На пути никого. У

замка по-прежнему огненная неразбериха. Если так и дальше будет продолжаться, то на организованную погоню можно не рассчитывать. Ребята наверняка какое-то время будут сами с собой развлекаться. Немалую роль сыграет пятерка клоунов с вопросом «ты придурок?». Представляю, что они там натворят. Жаль сам не увижу. Интересно, что произойдет раньше, некоторые начнут говорить «да» или же скопом завалят эту пятерку как чужаков.

Лошадиное ржание за спиной заставляет обернуться.

– Вот черт! – в сердцах выдыхаю и прибавляю ходу.

Пяток всадников, пригнувшись к покрытым кольчужными попонами шеям коней, мчатся вслед, низко опустив длинные трезубцы к земле. Не смотря на суматоху и темноту, нарушаемую лишь сполохами пожара, они точно выбрали цель, не помогло даже то, что я одет идентично замковой страже, совпадают даже знаки различия на груди.

Как же они меня вычислили?

В этом поединке у меня не будет ни малейших шансов. Даже если удастся уклониться от трезубцев, слишком высока вероятность оказаться под копытами на узкой дороге.

Вот я и в арке ворот. Над головой нависает непонятно почему поднятая в такое время решетка, не для меня же старались, а впереди длинная узкая дорога с густыми зарослями колючих кустов по обочинам. Пробегаю еще немного, прежде чем остановиться и интенсивно верчу головой по сторонам. Можно конечно попытаться нырнуть в эту расти-

тельную гадость, но стоит застрять, замешкаться хоть на секунду... в общем заколют меня барахтающегося в колючках, как пить дать заколют. Наделают дырок в заднем крыльце по самое нехочу.

Значить встретим опасность лицом, а не другим местом как ранее.

Всадники на ходу перестраиваются в клин, чтобы не снижая скорости пройти сквозь ворота.

Все-таки неприятное ощущение стоять вот так, посреди дороги и смотреть, как на тебя накатывается волна смертоносной стали.

Я как неудачник серфингист, застывший с любимой доской под мышкой на пути у цунами. Очень удачное сравнение, особенно по конечному результату. Сам виноват – раньше улепетывать надо было, а то вошел во вкус, заигрался.

– Ну и хрен с вами, – сплевываю на землю и, положив мечи на плечи не спеша иду на встречу всадникам сокращая и так тающую с каждой секундой дистанцию.

Они уже уверены в своей победе. Им меня насадить на трезубец, как пришпилить в консервной банке одинокую кильку. Старики говорят, что иногда и лопата стреляет, тогда почему бы в данной ситуации кильке не обзавестись острыми зубками и не оттяпать палец зазнавшемуся обжоре. По самые уши.

Мечи со звоном падают под ноги, уступая место метательным ножам.

Переступаю через лежащее в пыли оружие и иду дальше, не в силах оторвать взгляд от накатывающей волны. Одновременно красиво и страшно. Сила, мощь, скорость и как результат – моя смерть. Последний пункт мне нравится меньше всего.

Осталось шагов двадцать.

Еще мгновение и всадники пересекут линию ворот.

Бросок.

Мимо. Нож воткнулся в открытую створку ворот.

Бросок.

– Попал, – с удивлением изрекаю, глядя на опускающуюся с душераздирающим скрежетом и писком решетку.

Попасть в темноте с десяти метров в канат, удерживающий решетку на весу и при этом перерубить его пополам это большая удача, особенно учитывая обстоятельства.

Поворачиваюсь к воротам спиной не желая видеть, как всадники на полном ходу налетят на решетку. Ничего приятного в этом зрелище нет. Наверняка напоминает приготовление свежего томатного сока с помощью дуршлага. Жидкость сквозь дырочки вытекает, а вот гуща остается.

Удар. Скрежет металла об металл. Лошадиное ржание переплетается с человеческими криками. Сухой треск ломающихся костей и древков трезубцев.

Дикая ругань и жалобные вопли наполняют душу спокойствием и умиротворением. И снова этот раунд за мной. Надеюсь, что так будет пусть даже и не всегда, но хотя бы долго.

Очень долго.

– Смешались кони, люди... А были бы тормоза хорошие, ничего бы и не случилось. И вообще – не уверен, не обгоняй.

Я доволен собой и шумным финалом за спиной. Жаль, вот только то самое наркотическое состояние почти прошло. Облизываю пересохшие губы, смакуя последние капли уходящего кайфа.

– Ты чего тут посреди дороги торчишь? – раздался из темноты знакомый голос. – Ждешь пока жареный петух на горе раком три раза перекрестится?

– У одних оба полушария защищены шлемом, у других – кольчужными штанами, – парирую вопрос подъехавшей Дамы.

– Ты мне тут еще поразглагольствуй, – говорит она недобрым тоном. – Умник нашелся.

– Я не о тебе. Это все про них, – не оборачиваясь, тыкаю пальцем назад. – Я думал, ты меня бросила.

– Я тоже так думала, – хмуро замечает Дама. – Давай залезай. К завтрашнему вечеру надо быть у Серебряных гор.

Подбираю мечи и устраиваюсь у нее за спиной. Седло оказалось слишком тесным для двоих, поэтому я уже весь в предвкушении приятной поездки на костлявой лошадиной спине. Крепко обхватываю Даму за талию, и мы неторопливо трогаемся с места. От нее пахнет гарью, властью и ... женщиной. Да-да, именно женщиной. До сих пор я никогда не думал о ней как о представительнице слабого пола, ей даже

эта формулировка не подходит. Дама она и есть Дама. Выскомерная, властная, порой грубая и жестокая, в общем, типичный сержант из американских фильмов, только с коррекцией пола. Сейчас же, плотно прижавшись к мускулистой спине, чтобы не свалиться с лошади я неожиданно для себя ощутил Даму совершенно в другом ракурсе. Как довольно симпатичную женщину лет тридцати пяти с упругим, тренированным телом и неожиданно доброй улыбкой.

– А почему не бросила? – интересуюсь, когда подсвеченный полыхающим стогом сена замок скрывается за стеной деревьев. – Ты могла бы самостоятельно закончить миссию и ...

– Дура, потому что! – отрезала Дама и сердито прищипорила коня.

– От тебя воняет, – делаю ей замечание и демонстративно зажимаю нос. – Сильно.

– Мазь у нас одна и таже. Так что можешь принюхиваться сколько угодно к себе.

– Ну, да, конечно мазь.

Грустно вздыхаю и начинаю отслеживать круиз клопа под подкольчужником. Похоже, ему эта мазь даже нравится. Вот же гад кусучий. Или таксикоман или страдает хроническим насморком. Расправится с ним будет ни чуть не легче чем с недавним противником. Эх, дуста бы сейчас, вот тогда я показал бы ему как без спроса по чужому телу шастать, как у себя по квартире, и кровушку пить.

Мы мчимся быстрее ветра. Размытыми пятнами мелькают придорожные кусты. Дама, по-видимому, решила загнать жеребца, лишь бы успеть вовремя.

– Зачем ты Серегу убила? – спрашиваю у нее спустя некоторое время.

– Что значит зачем? – на мгновение повернулась она ко мне. – Он был для нас обузой. Его присутствие поставило бы под вопрос успешное выполнение...

– Да знаю, знаю! – перебиваю ее. – Ты вообще о чем-нибудь кроме успешного выполнения миссий думаешь? Например, что ты командир, у которого в подчинении люди и ты за них в ответе. Твои карты отнюдь не бездушные марионетки. Они, прежде всего люди, а потом уж солдаты. А люди, как известно, хотят жить. По крайней мере разумное большинство.

Подумав Дама ответила:

– Я слышала, Десятка называл тебя святым за то, что ты, рискуя собственным сном, решил его спасти. Подобное поведение среди карт, не смотря на богатый опыт, я вижу впервые. У меня было время, чтобы поразмыслить над твоим поступком и сделать для себя выводы.

– Со мной поделишься своими мыслительными изысканиями? Или они находятся под грифом «совершенно секретно», «не разглашать за пределы черепной коробки»?

– Поделюсь. Я считаю, что ты никакой не святой, а просто ненормальный. Твое поведение противоречит логике карт и

граничит с нарушением общеизвестных правил. Если ты будешь продолжать в том же духе, то вскоре останешься без снов. Ты все понял?

– Я уже давно все понял. И не только то о чем ты говоришь.

Дама хмуро оглянулась на меня, блеснули в лунном свете глаза, но так ничего и не сказала.

Глава 5.

Тихо потрескивает догорающий костер, упрятанный среди высоких камней, чтобы не вызвать нежелательное любопытство у случайных путников. Лишние контакты нам ни к чему. Ребенок, закутанный в покрывало давно мирно спит на импровизированном ложе из тонких ветвей и сухих листьев. Оказывается, в сумке моей спутницы нашлись не только полоски сильно перченого сушеного мяса и лепешки для нас, но и небольшая глиняная бутылочка с некоторым подобием соски из коровьей кишки, наполненная молоком.

Если бы лошадь не сломала ногу в середине пути, споткнувшись о притаившийся в высокой траве корень, мы бы уже давно были у отшельников, а так пришлось заночевать на закате у самого подножия Серебряных гор в неглубокой расщелине, опоясанной зарослями густых кустов с кистями поморщившихся красных ягод. Дама сказала, что наше опоздание не смертельно, по крайней мере, не до такой степени,

чтобы в крошечной темноте переться в горы. Переночуем здесь, а на рассвете двинемся вверх. Я с радостью согласился и облегченно вздохнул. Альпинистский ночной кошмар миновал. Ползание по горам на ощупь наверняка очень интересное занятие, но почему-то не вызывает у меня положительных чувств.

Как только я увидел горы, вопрос, почему их называют серебряными, отпал сам собой. Покрытые льдом вершины сверкали так ярко в лучах заходящего солнца, что я даже поначалу усомнился, а лед ли это. Острые шпильки частыми рядами пронзали невесомые тучи, неподвижно зависшие в небе. Прямо тебе не горы, а набор палочек со сладкой ватой – сладкое воспоминание детства.

За весь путь сквозь густой лес, простиравшийся от самого замка и до подножия гор, мы не встретили ни души. Поначалу шарахались от каждого звука издаваемого лесными обитателями, но со временем привыкли. Путешествие превратилось в приятную прогулку по зоопарку. По крайней мере до того как пришлось забить раненую лошадь а потом, чуть позже пятиться, глядя в хищные глаза крупной лесной кошки. Такой взгляд пробуждает первобытный страх, глубоко сидящий в наших генах. Это даже хуже, чем свирепый взгляд бесцветных глаз Дамы. К счастью кошка была не голодна и не рискнула нападать на двоих взрослых с ребенком на руках. Мы разошлись, как говориться со взаимным уважением. После того, как лесная "Мисс грация" скрылась за

деревьями, мы облегченно вздохнули и двинулись дальше.

Бледная луна наполняет холодный ночной воздух мутным светом, рождая странные тени. Костер почти погас, лишь яркими звездочками поблескивают тлеющие угли. Мы сидим друг напротив друга на земле прикрытой срубленными ветками с большими пожелтевшими от холода листьями. Я доедаю ужин, а спутница, оперевшись спиной на камень, устало прикрыла глаза.

– Ты готова отвечать на вопросы? – спрашиваю, дожевав последнюю полоску жилистого и как на меня чересчур перченого мяса. Вот лепешки оказались замечательными. Давно не пробовал такой простой и одновременно вкусной еды. Если не ошибаюсь, при приготовлении в тесто добавляли сыр, что придало им тот самый уникальный вкус.

– Спрашивай, – тяжело вздохнула Дама и открыла глаза.

Я понимаю, что она очень устала. Сперва ночной захват и резня в замке, потом несколько часов на лошади и еще большую часть дня пешком по лесной пересеченной местности. Но желание получить ответы на старые вопросы слишком велико, чтобы ждать до скорого уже утра.

Я открываю рот и застываю, не зная, какой вопрос задать первым.

– Кто ты?

Надеюсь, что этот вопрос станет началом ниточки, за которую я вытащу на свет правду, которую жаждал узнать по-

что пол года.

– Странно, – устало улыбнулась Дама. – Я ожидала вопроса – Что такое сон? Ну ладно, про меня так, про меня.

Она, не поднимаясь, бросила несколько сухих веток в костер.

– Когда мне исполнилось четырнадцать лет, отчим впервые изнасиловал меня... на следующий день после моего дня рождения, – она поморщилась и потерла ладонью высокий лоб, как бы разгоняя дурные воспоминания. – У меня было нелегкое детство – сильно пьющий отчим, мама... – осеклась, – Не будем о ней. Однажды отчим пришел домой с собутыльником. Они распили на кухне еще одну бутылку. Я слышала через стенку их пьяные голоса. Потом они вошли в мою комнату... Вдвоем...

– Кхм. Э-э-э, послушай.

Я хотел всего лишь получить ответы на вопросы, а услышал исповедь. Именно исповедь. Почему-то мне кажется, что такие вещи первому встречному не рассказывают.

– Я сопротивлялась, звала на помощь. Тщетно. Середина дня – все соседи на работе, да и привыкли они уже к крикам, доносящимся из нашей квартиры – отчим часто избивал маму, – продолжает Дама, даже не услышав мой слабый протест. – Потом, как будто бомба взорвалась в моей голове. Мир перестал существовать. Когда вернулось сознание, отчим лежал рядом со мной на кровати с ножницами в горле. Собутыльник, так и не придя в сознание, умер незадолго до

прихода мамы. Я распоролла ему теми же ножницами живот. Для меня до сих пор остается загадкой, как удалось справиться хрупкой девочке с двумя мужчинами. Наверное, это все ненависть, часто именно она дает нечеловеческую силу и управляет нашими поступками.

– Ты совсем ничего не помнишь... о том, как это произошло?

Дама отрицательно покачала головой:

– Нет. Помню только начало, а потом сразу кровь... лежащий рядом отчим с остекленевшими глазами. Мама, придя с работы, сразу же вызвала милицию и взяла всю вину на себя. Я не должна была позволять ей делать это. Страх оказался сильнее. Следователю я сказала то, что хотела услышать мама. Больше я ее не видела... Тогда мне было шестнадцать. До сих пор не могу простить себе трусость. Я предала единственного человека которого любила и ... – Дама на несколько секунд закрыла лицо руками. – Она единственная, кому я была нужна и для кого хоть что-то значила.

– Она спасала тебя. Материнский инстинкт. Большинство матерей поступило бы на ее месте так же. Возможно, со временем так поступишь и ты.

– Я сама по себе! Никто не отвечает за меня, и я не отвечаю ни за кого! – зазвучало в ее голосе холодное железо.

– Не надо так критично. Жизнь чертовски подлая тетка, и иногда строит такие козни...

– Дима, давай ты не будешь учить меня жизни, – с легким

нажимом сказала Дама и одарила меня ледяным взглядом. – Ты хотел получить ответы на вопросы? Хотел или нет?

– Ну-у-у-у. Понимаешь...

Я хочу сказать, что меня не интересует ее личная жизнь, но язык ворочается как кусок камня.

– Хотел или нет? – приподнимается Дама, сверля меня взглядом.

Ее глаза полны холодных льдин, готовых задавить меня всей массой своей злобы. Опускаю взгляд, не выдержав ледяного натиска. Она ненормальная! Психопатка! Это точно. Я и раньше замечал за ней странности, но сейчас... Старая детская психотравма оставила в ее душе глубокую борозду. Если Даму вывести из себя... Нет, я наверное несправедлив в отношении ее. У всех нас есть что-то, способное вывести из себя. У каждого свое уязвимое место, и именно его я задел у Дамы неуместными нравоучениями. Лучше просто не затрагивать эту тему и все будет нормально. Мы должны быть лояльными в отношении друг друга.

– Хотел, но понимаешь, дело в том, что...

– Значить сиди и слушай! – Она немного помедлила и, успокоившись, продолжила. – Знакомые помогли устроиться на хорошую работу. Скопила денег и через несколько лет поступила в школу телохранителей. Закончила с отличием, – в ее голосе зазвучала гордость. – Работала по профессии. Потом по контракту воевала в горных районах... – она осеклась и наступила неловкая пауза.

– Ничего-ничего, – успокаивающе замечаю, – я там тоже побывал. Так сказать боевое крещение получил. Навоевались по самое никуда...

– Только вот против кого...

Теперь наступила моя очередь смущенно замолчать.

– Ты хочешь сказать?... – спрашиваю после продолжительного молчания.

– Ты все правильно понял.

– Ну, знаешь! Это... Мы с такими...

– Знаю. Одна нога к дереву, другая к БТРу и поехали. Насмотрелась, – сплюнула она под ноги и презрительно процедила. – Герои, мать вашу!

– Что заслужили то и получили, – рука невольно легла на рукоятку метательного ножа. – Наемница! – Это слово в моих устах звучит как грязное ругательство.

– Это не оскорбление, а комплимент. Плохих солдат не нанимают!

Она гордо задрала подбородок.

– Мразь!

Мышцы напрягаются, готовясь к атаке. Пальцы крепко охватили рукоять ножа. Глаза ищут уязвимое место на теле старого, но от этого не менее ненавистного врага.

– А как же все профессии нужны, все профессии важны? – с улыбкой процитировала Дама, наткнувшись взглядом на мою руку, судорожно сжимающую рукоять ножа. – Да, не напрягайся ты так, это все дела минувших дней.

– Да такие как ты, наших ребят десятками на тот свет... – я чуть ли не шиплю от злобы. – Утром просыпаешься, а рядом с тобой в охраняемом лагере несколько пацанов с перерезанными глотками валяются!

– Ну и что ты хочешь этим сказать? То, что вы воевали дерьмово? Так это все знают. Большинство смертей из-за вашей безалаберности и непрофессионализма. Вот ты говоришь, просыпаюсь, а в охраняемом лагере пацаны с порезанными глотками... Да какой же он нахер охраняемый, если кто-то зашел и вышел незамеченный, попутно пару человек прирезав. Да кто так воюет? Позасылали орды пацанов туда, где место настоящим солдатам. Профессионалам! Таким как я!

– Ну и много у тебя наших на счету? Тоже уши резала, чтобы потом отчитаться и бабки получить?

– А не пошел бы ты, Дима, в задницу! – зло сплюнула Дама. – А если я начну тебя спрашивать о том, сколько вы местных девушек ради утехи оттрахали, или сколько детей и безоружных стариков застрелили не разобравшись... Ты сам знаешь, подобные вопросы не задают. Это была война. Понимаешь, Дима, война, а у нее свои правила, первое из которых гласит "забудь обо всяких правилах и условностях". То, что мы в свое время сражались на разных сторонах, сейчас не играет никакой роли. Главное, что сейчас мы по одну сторону баррикады.

– Ну-у, знаешь, – сердито качаю головой.

– Для тебя это сейчас так важно? Может принципы? Патриотизм? – заиграли насмешливые огоньки в глазах.

–

Ладно, проехали, – недовольно отмахиваюсь и выпускаю нож.

Сейчас спор на тему кто был прав, а кто виноват бессмысленен. Она, как и я была рядовой пешкой на той дурацкой войне и точно так же выполняла приказы. Отличие было лишь в том, что Дама воевала за деньги, а я... смешно сказать, даже не знаю, за что сражался, за что гибли наши ребята. Тогда мы были врагами, и если довелось бы встретиться, то и вели бы себя как подобает врагам. Сейчас же мы вроде как в одной лодке и глупо копать в грязном прошлом, пробуждая совершенно ненужную ненависть.

– Там же противопехотная мина подарила осколки. Ваша, между прочим, мина, – Дама взглянула на меня, словно ожидая ответной реакции, но к этому моменту я окончательно взял себя в руки, и погасил, вспыхнувшую было злость. – Гангрена и ампутация обеих ног. Это тебе Дима не раздробленная коленка. Ты даже представить себе не можешь, что такое существование в инвалидной коляске... для профессионального солдата привыкшего к определенному образу жизни.

– Так ты тоже?..

– Как и все мы, – криво ухмыльнулась Дама. – Колода инвалидов, живущих ради снов.

– Но зачем? Кому мы каличи нужны? Что с нас можно взять?

– Хороший солдат это не гора мышц умеющая стрелять и в редких случаях думать. Хороший солдат – это человек живущий боем, ожидающий его с нетерпением, как алкоголик очередной стопарь. Это не значит, что у нас отсутствует страх, наоборот, бесстрашные долго не живут и соответственно не могут накопить полезный опыт. Текучка кадров получается. Наши военные знания и умения обеспечиваются Хозяевами в зависимости от того, где, в каких условиях, с использованием какого оружия будет проходить миссия, но это ни в коей мере не умаляет ценность боевого опыта набранного, как в реальной жизни, так и в миссиях. Опыт нельзя вот так запросто как знания вписать в наши мозги. Он накапливается годами и имеет чрезвычайную ценность. Никакие знания и умения не в силах его компенсировать.

– Подожди, – перебиваю, осененный догадкой. – Выходит, что Хозяева отбирают инвалидов с военным стажем и, давая им, необходимые знания и умения используют в своих целях? Я правильно понял?

– Не просто инвалидов, – она задумалась, подбирая правильную формулировку, – а тех, у кого в душе война. Я затрудняюсь объяснить... Да и чего объяснять, просто загляни в себя и сразу все поймешь. У всех нас там одно и то же. Ты ведь готов сделать, что угодно лишь бы вернуться в свой сон, почувствовать силу здорового тела, встать нормально на

больную ногу, вкусить страх смерти и радость победы... Да ведь ты только ради этого живешь!

– И ты?

– Все! Все до единого! – она чуть ли не выкрикнула это, оторвав спину от камня.

Жалобно захныкал ребенок, и Дама тут же подскочила к нему.

– Замерз, – ответила, на мой взгляд, садясь на место. – Ну, какие еще вопросы будут?

– Много нас... – не могу найти подходящее слово, – таких?

– Я знаю о существовании четырех групп – Пики, Червы, Трефы и Бубны. Чем вызвана ассоциация с картами не знаю. Кстати, кто такие Хозяева можешь не спрашивать, сама не в курсе. Могу сказать с уверенностью, что наши сны это реальность – результат работы их технологий, что там мы уроды, а здесь физически нормальные люди с искореженными душами, что с нашей помощью они корректируют судьбу собственного мира.

Присвистываю от удивления. Ого! Мы управляем судьбой мира Хозяев! Пусть даже не мы, а с нашей помощью, но все же.

– Корректируем судьбу мира? – удивленно переспрашиваю ее, вслушиваясь в звучание слов. – Значит все наши миссии это не просто так, это коррекция будущего.

– Что-то вроде этого.

– Параллельные миры? – выдвигаю первую подвернувшуюся

юся под руку гипотезу.

– Возможно. Точно не знаю, и особо этим никогда не интересовалась. Хозяева не разговорчивы. Моя функция – контроль колоды и координация ее действий. Я знаю о вас все, даже то, что вы считаете величайшей тайной и о чем предпочитаете не говорить.

– Например? – интересуюсь с недовольной миной на лице. Не очень то приятно, когда о тебе знают все. У каждого человека есть что-то, что он хотел бы не афишировать, сугубо личное или позорное.

– Как ты думаешь, кем в той жизни был Восьмерка? – хитро прищурившись, спросила Дама.

– Бухгалтером, – отвечаю, не задумываясь, ведь именно так всегда его и воспринимал.

– Не совсем, – улыбнулась собеседница моему ответу. – Военная разведка. Превосходный специалист. Их разведгруппу обложили в ущелье у небольшого аула духи. Погибли все кроме Восьмерки. Пуля из калаша перебила позвоночник, и его приняли за мертвого. Потом военный госпиталь и полный паралич. Из нашей колоды он страдал больше всех.

– Разведчик? Духи?

Как-то не вяжется у меня этот тихий плешивенький мужичок со спецом из военной разведки. Может Дама всего лишь пускает пыль в глаза, преследуя свои цели? Но зачем это ей? Смысл?

– Если я расскажу, как ты получил травму, поверишь? –

заметив сомнение на моем лице, спрашивает Дама.

– Да.

– Вашу роту на втором году службы бросили на разгрузку железнодорожных вагонов. Вы тогда еще орали, что не пристало десанту грузчиками быть. Но приказ есть приказ. Во время разгрузки на тебя рухнул тяжелый промышленный холодильник, раздробив колено. Я знаю, что ты не любишь даже вспоминать об этом. – Она заглянула мне в глаза. – До армии закончил университет. Ты надеялся, что армия сделает из тебя настоящего мужчину, а еще хотелось чего-то такого... чтобы кровь в виски, страх в душу и ...

– Хватит, – не выдержав, отвожу глаза. – Хватит. Не хочу...

– Ты сам напросился, – пожимает плечами Дама.

Может, мне показалось, но на ее лице промелькнуло презрение. Нет, скорее всего, я ошибся.

Погрузившись в воспоминания давно минувших дней, разбуженные Дамой, я прикрываю глаза, и перед ними сразу же начинает вертеться калейдоскоп событий, о которых даже вспоминать не хочется.

– Все наши такие?

– Я уже говорила, все карты – военные инвалиды. Даже Девятка, не смотря на молодость успел поиграть в войнушки, получить инвалидность и орден в качестве утешительного приза.

– Я не о том, – говорю, открыв глаза.

– Тогда объясни по человечески, что ты хочешь узнать. Ты часто бываешь таким мутным, что без пол литра не разберешься.

– У всех карт в душе такая серость, тос?...

– тоска, ностальгия, апатия, ненависть и так далее, – перебила меня Дама. – Да, у всех, только по-своему. Никто из нас так и не смог вжиться в мирное окружение. Мы как имплантированные органы, которые отторг огромный организм под названием общество. Нам не дано стать его частицами.

– Никогда, – шепчу еле слышно.

– Никогда, – так же вторит Дама.

– А как они выглядят? – спрашиваю, нарушив затянувшееся молчание.

– Кто?

– Хозяева.

– Не знаю. Даже никогда и не задумывалась над этим вопросом, – ответила Дама.

– Как у тебя все началось?

– Обычно. Когда у меня был первый сон, думала, что с ума схожу.

– А как это было? – спросил я.

– Как и у всех. Сон. Зеленая лужайка, голубое небо, пушистые облака и властный голос с неба предлагающий поговорить...

– И здоровое сильное тело, – дополняю ее. – Я сам тогда думал, что чердак съехал.

– Да. Совершенно здоровое. После того, как я сделала несколько шагов по зеленой траве, ощутила землю под ногами... В общем через минуту сквозь слезы счастья я сказала «да». Сперва была рядовой картой, потом пришло повышение. Я хороший солдат.

– Выходит, что ты ничем не отличаешься от нас, рядовых карт? – протягиваю разочарованно.

– Что я тебе и пытаюсь втолковать. Я даже не знаю, как мы сюда попадаем, и откуда берутся эти замечательные тела, – она ласково проводит руками по бедрам, – вместе с экипировкой. – План действий и вводные данные у меня появляются в голове точно так же как и необходимые в данной миссии знания об оружии и приемах работы с ним. Без лишней скромности могу сказать – в том, что касается огнестрельного оружия – я ас. Пистолет, автомат, снайперская винтовка – это привычные для меня инструменты, в отличие от этого антиквариата, для работы с которым мне необходимы знания, которые дают Хозяева, – говорит Дама, с презрением кивая на лежащий рядом меч. – У меня на шее точно такой же медальон, как и у тебя.

Расшнуровав на горле кольчугу, она демонстрирует тусклый кругляшек размером в пол-ладони на металлической цепочке.

– А транспортный модуль?

Дама расстегивает сумку и вытаскивает закамуфлированный под булыжник прибор. Щелчок и камень раскрывается

на две половинки, демонстрируя дисплей, на котором рубиновыми огоньками светятся две прижавшиеся друг к другу точки.

– Нажимаешь кнопку по завершении миссии и все люди, имеющие при себе медальоны, и находящиеся в радиусе восьми метров от модуля возвращаются домой. В случае чего с его помощью можно отыскивать раненых по излучению медальона.

– Или ликвидировать их в случае невозможности вытащить, чтобы не попали в руки врагу, – само по себе выскакивает наружу предположение. Что-то подобное я не то читал, не то смотрел по телевизору.

Дама бросает на меня столь красноречивый взгляд, что сразу же понимаю, что попал в десятку. Ничего не скажешь, предусмотрительные ребята эти Хозяева – никаких следов по окончании работы. Вот разве что...

– Что-то подсказывает мне, что медальоны уничтожают владельцев не успевших вернуться домой. Наиболее вероятно, что как только транспортный модуль покидает этот мир, унося с собой карты, находившиеся в радиусе восьми метров от него, все остальные бойцы, не успевшие вовремя к месту отправки ликвидируются, – выдаю на гора еще одну версию. – А? Угадал?

– Догада, – хмыкнула Дама и озадаченно почесала затылок. – Как додумался?

– Думал-думал и додумал, – улыбаюсь довольный своей

правотой. – Хозяева не дураки и не могли пропустить такую брешь в схеме. Какой спрашивается смысл маскироваться под туземцев одеждой, манерами и оружием, если одна карта, попавшая живьем противнику в руки, разрушит все. Надо быть последним идиотом, чтобы в результате длительного и не совсем любезного общения не вытянуть из пленника все, что он знает и не понять, что он так же похож на аборигена как китаец на негра. Ведь, в конце концов, начинают говорить все, даже самые закоренелые герои. Это только в книжках бывают негибимые. В реальности существует масса способов повысить общительность человека и не только физических.

– Все именно так и обстоит. А ты умнее, чем кажешься.

– Стараюсь. Мои умственные способности естественно имеют границы, но они находятся далеко за пределами интеллекта среднестатистического большинства. И вообще, меня часто преследует мысль о собственной гениальности, к сожалению пока не признанной. – Навешиваю на лицо маску шутилой гордыни и надменности.

– Не зазнавайся, – улыбнулась Дама моим потугам.

– Кстати, ты никогда не задавала себе вопрос, почему в мире Хозяев все разговаривают на русском языке? Согласись, действительно необычно.

– Нет, как-то не доводилось. Возможно, между их и нашим миром существует некая связь. Это всего лишь предположение, к тому же не выдерживающее никакой критики.

– Почему же?

– На Земле помимо русского десятки языков, но ни с одним из них мы не сталкивались, – сказала Дама.

– Да, ты, несомненно, права.

– Не исключено, что мир Хозяев огромен, а мы побывали лишь в нескольких его уголках. Кто знает, какие языки доминируют на остальных территориях.

– Эмигранты, – неожиданно улыбаюсь я.

– Что эмигранты? – не поняла Дама.

– Может, в свое время их мир наполнили стада наших эмигрантов. Где только их сейчас нет. Наши ж как саранча. Как только прилетают на новое место, сразу же начинают заводить свои законы и грести все под себя. У меня один знакомый лет несколько назад уехал в штаты. Так вот он писал, что там государство в государстве. Большой русский район со своими правилами и законами в окружении гигантского англоговорящего города. Живя там даже не обязательно знать английский язык. Заходишь в магазин или бар, а там везде свои, и говорят исключительно по-русски.

– Ты комиком случайно не подрабатывал? – насмешливо хмыкнула Дама.

– Нет.

– А я уж было подумала, что какие-то кусочки твоей жизни мне неизвестны и забеспокоилась.

Не удержавшись перекривляю ее. Хотя, конечно Дама права, подобная версия больше к лицу комику, чем здраво-

мыслящему человеку. Пора наверное уже привыкать сперва думать, а потом уже говорить, а то все время получается наоборот.

– А если миссия провалена? – подумав, спрашиваю, с интересом взглянув на булыжник, напичканный чужими технологиями. Интересно было бы узнать принцип его действия. Эх! Какая жалость, что Дама такая же пешка, как и я. Честно говоря, я ожидал большего от этого разговора.

– Разве голос с неба тебе об этом ничего не сказал? – удивленно смотрит Дама.

– Я хочу это услышать от тебя.

– Колода распускается. Исчезают сны и гаснут надежды. Это своего рода дополнительный стимул...

– Кнут, – уточняю.

Она утвердительно кивает головой:

– А сон это пряник. Очень сладкий и желанный.

Невольно улыбаюсь удачному сравнению. Старый как мир способ управления. Кнут и пряник – страх потерять сон и сам сон.

– Значит это мир Хозяев?

– Они так говорят, – сказала Дама.

Еще одна порция веток летит в затухающий костер. Почувствовав пищу, пламя жадными языками облизывает ее, пробуя на вкус.

– Тогда почему они не решают собственные проблемы сами, а привлекают нас?

– Возможно, загребают жар чужими руками.

Судя по реакции, этот вопрос ее совершенно не заботит. Она вполне довольна тем, что имеет. Та же ситуация что и с остальными. Такое впечатление, что я единственный из ко-лоды задаю себе вопросы, не касающиеся миссии. Это непра-вильно, люди не должны себя так вести. Всегда есть место любопытству, состраданию, жалости... Может это профес-сиональная черствость? Вряд ли, я ведь тоже солдат. У них же есть только поставленная задача и все. Максимальные от-клонения: у Десятки потрепаться о бабах, у Девятки под-ростковое любопытство и однажды неординарное поведение по отношению к красивой киллерше. Все! Почему же тогда у меня все по-другому? Почему все время голова забита ко-мариной тучей вопросов?

– Неувязочка получается, – говорю поразмыслив. – Один и тот же мир, но в разных точках совершенно разный уро-вень технологий. Обкуренные в дым шахтеры с лазерными резаками, Волки с автоматами и, наконец, наши консервные банки с мечами. Так не бывает. А еще эти, как их, ну вспом-ни, ну которые лесные люди с интеллектуальными самонаво-дящимися осами. Ну, как они там обзывались?... Блин скле-роз замучил!

– Киреры, – подсказала Дама.

– Во, точно! Киреры. У них же вообще уникальные тех-нологии были хоть сами чуть ли не нагишом ходили и сы-рое мясо жрали. Комбинация биологического оружия и па-

ранормальных возможностей. Ты только вдумайся – туча ос управляемых мысленно и умеющих находить цель по запаху. Дал им какую-то тряпку понюхать, и все... хана человеку. От них ведь не убежишь и не спрячешься. Даже под землей найдут и до смерти ядом заширяют.

– Дима, ты не прав. У нас, я имею ввиду цивилизованную Европу, самолеты, ядерные технологи, вирусология, а у папуасов палка-копалка, фигвам, плановые дискотеки для вызывания дождя и решение продовольственной программы путем канибализма. Так что выходит, что бывает.

– Может быть, может быть, – неуверенно соглашаюсь с доводами собеседницы. Но все равно здесь дело не чисто... Скорее всего, все намного сложнее, чем говорит Дама. – Объясни мне в качестве примера смысл этой миссии. Зачем нам этот ребенок? – киваю в сторону мирно дремлющего малыша.

– Могу лишь предположить, – Дама на мгновение задумалась и продолжила. – Все будут считать, что ребенок мертв и в будущем, когда нынешний правитель состарится, не будет принимать участие в игре за власть. Лет через пятнадцать он, получив неплохое образование у отшельников, вернется домой, покажет родовое клеймо на груди, или какой другой знак отличия, и займет место отца. В любом другом случае он находился бы в большой опасности, выступая в роли живого конкурента на престол.

Презрительно фыркаю:

– Дешевые политические игры. Неужели Хозяева притаскивают нас сюда, тратят силы на создание тел и прочие аспекты лишь для того, чтобы посадить на трон через пятнадцать лет какого-то мальчишку? Да в этом курятнике, скорее всего даже трона нет, разве что ночной горшок по совместительству используют.

– Во первых, это всего лишь мое предположение построенное на сюжетах книг о полном коварства и заговоров средневековье, а во вторых ты не видишь очевидного, – глубокомысленно заметила Дама. – В зависимости от того, как и чему научат мальчика отшельники, будет зависеть направление развития и политика его крохотного государства. Воспитают воином, и еще через десяток лет возникнет могучая империя под его руководством, и так далее. Подобных примеров можно придумывать до бесконечности. Скорее всего, что Хозяева просчитывают далеко наперед, и строят какие-то, известные лишь им, схемы. И вообще не забивай голову глупостями. Какая тебе разница, зачем мы похитили мальчика? Главное, что мы практически выполнили миссию и заслужили следующий сон, – она мечтательно улыбнулась. – Ты ведь получил в этой миссии все о чем мечтаешь: хороший бой, здоровое тело и профессиональные знаний. Вкусил массу острых ощущений и, наконец, самое главное – мы победили. О чем еще можно мечтать?

– О чем мечтать? – переспрашиваю, ошарашенный ее словами. – А как же Десятка? Ты ведь убила его.

– Мелочи, – хмыкнула женщина. – На следующей миссии у нас будет новая колода.

Замолкаю, оглушенный таким безразличием к жизни собственного подчиненного.

– А что телохранители и убийцы тоже читают книги о коварном средневековье? – нарушаю неловкую тишину спустя некоторое время.

Дама недовольно скривилась:

– Во первых не убийца а солдат, между прочим такой же как и ты, а во вторых у меня два заочных образования. Фил-фак и история.

– Ну-у-у! – протягиваю с уважением.

– Вот тебе и ну, – уже с улыбкой передразнивает Дама. – Совмещала работу с учебой.

– Тогда зачем тебе понадобилась такая грязная и опасная специальность? При двух-то высших образованиях за плечами. Нашла бы себе тихое спокойное место и преподавала бы потихоньку.

– Я люблю свою работу, и никогда бы ее не променяла ни на что другое, если бы не та мина. А кроме любви, немалую роль играют деньги. Ты знаешь, сколько зарабатывает наемник или хороший телохранитель?

– Без понятия. Я далек от этих вопросов.

– Много Дима, много. – Устало зевнув, предложила, – Может хватит на сегодня вопросов? Устала и спать хочется. Вряд ли сюда кто забредет, так что можно подремать до рас-

света. Ты как?

– Я за, – с радостью принимаю предложение.

Жаль конечно, что не удалось получить ответы на все вопросы... Слишком уж много белых пятен... Мрачной дождевой тучей пришла в голову мысль, что завтра утром мы сдадим отшельникам ребенка, Дама нажмет кнопку на транспортном модуле и ... Нет, даже думать об этом не хочу. Возвращение в реальный мир хуже самого страшного кошмара. Опять уродливо торчащая нога, серость в душе и жалость окружающих, вызывающая у меня лишь злость и ощущение оплеванности. А еще ненужность... Хотя нет! Невольно вспомнились глаза полные осени и легкая, немного грустная улыбка Ди. Она обещала завтра прийти в гости... Да именно завтра, потому, что в реальном мире все еще длится ночь. Во сне могут пройти недели, но в реальности это будет всего лишь одна ночь. Никакой взаимосвязи времен.

В мыслях буравчиком вертится червь сомнений, прогрызая слои имеющейся информации. Что-то здесь не так. Что? Ах да! Понял! В случае невыполнения миссии колода распускается. А ведь на самом деле я завалил предыдущую миссию, иначе это не назовешь. Вместо того, чтобы грохнуть вожака Волков я отдал ему собственную аптечку. И что, спрашивается, на меня тогда нашло? Неужели Хозяева не проверяют результат нашей работы? На сто процентов уверен в обратном. Конечно, в какой-то степени я перестраховался и принес нож с кровью главаря. В крайнем случае, хоть будет

повод отмазаться – мол делал что мог. Выходит, что Хозяева в курсе, что миссия не была выполнена, но в то же время не реагируют как положено? Почему? Нынешней миссии уже не должно было быть... Так, попробуем мыслить логически. Что мы имеем? А имеем мы два возможных варианта развития событий. Или Хозяева еще не в курсе, что главарь жив, или же они затеяли какую-то хитрую игру. Какую, и зачем им играть с нами не имею ни малейшего представления.

С подозрением поглядываю на устраивающуюся на куче из веток и осенних листьев Даме. А вдруг она замешана в игру Хозяев? Может она мне слила дезу чистой воды, лишь для того... для того... А черт его знает для чего! Сплошные догадки.

– Дима, – тихо окликает меня Дама. Она уже легла, закутавшись в единственный имеющийся у нас плащ. Свой я оставил в комнате замка.

– Ну? – я все еще в паутине догадок и размышлений.

– Ложись рядом со мной. Теплее будет.

– Угу.

– Только посмотри сперва как малыш. Укутай его хорошенько и подбрось веток в костер.

Утвердительно машу головой и иду к нашему маленькому пленнику, лежащему с обратной стороны костра в глубокой нише между тремя смыкающимися верхушками валунами. Дама настояла на именно таком размещении – мы ближе к выходу из расщелины, а ребенок в наиболее безопасном ме-

сте. Закутанный в толстый кокон пестрого тряпья он мирно посапывает, засунув большой палец в рот. Опыта общения с детьми у меня никакого, своими-то к счастью не успел обзавестись, поэтому ограничиваюсь кормлением костра.

– Как он? – спрашивает Дама, когда я ложусь рядом.

– Горит.

– Что? У него температура? – взволнованно приподнимается на локти.

– Какая еще температура, – бормочу сквозь зев. – Веток подбросил, вот и горит.

– Фу-ты, напугал, – облегченно вздыхает и ложится обратно. – Двигайся ближе. И не бойся, я не кусаюсь. Плащом прикройся, ветки скоро прогорят, холодно будет.

– Испугала ежа голой задницей, – тихонько бормочу, закрывая глаза.

Дама тихонько приснула:

– Сам придумал?

– В книжке прочитал. Спать давай.

Легкий порыв ветра раздувает костер, и в нашу сторону летят снопы искр. Кашляя от дыма, укрываюсь краем плаща.

Отбрасываю клубящиеся мысли подальше и медленно погружаюсь в сон. Завтра будет день и к нему нужно быть готовым, а для этого требуется хорошо выспаться.

Дама лежит на боку, плотно прижавшись ко мне спиной. Пробормотав что-то несвязанное, она поворачивается

ко мне лицом и прижимается еще сильнее. Сон как рукой сняло. Сейчас, я, как тогда верхом на лошади за ее спиной, чувствую, что рядом со мной не суровая тетка лет тридцати пяти с резким командирским голосом, а симпатичная женщина с упирающейся в меня тугой, будоражащей воображение грудью и горячим дыханием. Не удержавшись, обнимаю ее рукой и еще сильнее прижимаю к себе, желая впитать давно забытое тепло женского тела. Дыхание Дамы по-прежнему ровное и глубокое. Моя рука скользит по ее коротко стриженным волосам, когда замечаю, что на меня пристально смотрят бесцветные глаза.

– Смелее солдат, – с манящей улыбкой шепчут близкие губы. – Я же говорила, что не кусаюсь.

– Про ежа я уже говорил? – пытаюсь скрыть неловкость.

Чувствую себя как ребенок, застуканный мамой за листанием журнала для взрослых.

– Говорил, – улыбается она.

– Послушай, Дама, я только...

– Этой ночью можешь звать меня Ларисой, – жарко шепчут губы у самого уха.

– Это настоящее имя?

– Какая тебя разница, – сильные привыкшие к оружию пальцы расшнуровывают завязки на кольчуге.

– Тогда...

Жаждающие ласки губы закрывают мне рот, не дав договорить. Не могу сказать, что я против.

Глава 6.

Мне снится сон.

Я точно знаю, что это сон и от этого становится весело. Сон во сне, забавно, не правда ли? Человек, мирно дрыхнувший в своей однокомнатной квартире на продавленном диване видит сон, что он видит сон, уснув в расщелине в неизвестно какой стране и черт его знает каком мире. Хохма, самая настоящая.

Снится, что я и Ди гуляем по лесу взявшись за руки как дети. Маленький принц что-то неразборчиво лопочет у нее на руках и радостно улыбается восходящему солнцу. Безобидные зверушки хитро поглядывают на нас умными глазами издалека, не желая познакомиться поближе. Неожиданно холодные как лед пальцы хватают меня за горло и начинают сжимать. Задыхаясь, неуклюже машу руками вокруг себя, пытаюсь поймать невидимку... И просыпаюсь.

Холод на шее присутствует и в этой реальности. Присутствует наравне с утренней сыростью, покрывшей кольчугу влажным налетом студеного осеннего утра и с серьезным лицом Дамы нависшим надо мной. Источником холода из сна в реальности оказался кривой нож, приникший сталью к моему горлу.

– Проснулся? – хмуро интересуется Дама. – Не дергайся Дима. Ты меня знаешь...

В том-то и беда, что знаю. Не знал, мигом приступил бы к активным действиям. Но с Дамой это не пройдет. Стоит мне шелохнуться, а профессионал это почувствует еще до того, как я начну двигаться, и аж бегом отправлюсь на тот свет с улыбкой от уха до уха.

– Зачем? – шепчу, чуть приоткрыв губы.

– Все дело в снах. Я не готова их потерять даже ради такого хорошего парня как ты.

– Не понимаю.

Держу ее взгляд, одновременно подбираясь пальцами правой руки к ножу на поясе.

Нет ни малейшего сомнения в том, что Дама решила пришить меня. Но зачем? Неужели из-за этой ночи? Может, я что-то сделал не так? Нет, за такое обычно не убивают, и к тому же она ведь ясно сказала, что не готова потерять сны. Думай Дима, думай, твоя шея стоит таких усилий... Почему или как она может потерять сны? Ответ: в случае смерти или если группа завалит миссию. Последнее более вероятно... Опять неувязка – эта миссия идет по плану, не смотря на гибель Десятки. Мы в нескольких часах от успешного завершения. Что еще? Может это связано с вожаком Свирых Волков?

– Все ты прекрасно знаешь, – хмурится приятное лицо спутницы.

Как бы почувствовав напряженность обстановки тихонько захныкал ребенок. Его жалобный голосок расстроенной

скрипкой вплетается в утреннюю музыку леса, придавая ей сказочную неповторимость. Кажется, что лес сперва даже притих, вслушиваясь в неуверенные аккорды нового, чуждого для дикой природы инструмента. Мгновение тишины и все вернулось на свои места: зашуршали желтым дождем падающие листья, затрещала, выглянув из дупла белка, шатнул разлапистые кусты какой-то невидимый зверь, защебетала крохотная птичка на ветке над моей головой.

– Вожак Волков? – на свой страх и риск, спрашиваю бесцветные глаза.

– Я же говорила, что знаешь, – самодовольно ухмыльнулась Дама.

Мои пальцы миллиметр за миллиметром приближаются к рукоятке ножа.

– Откуда?...

– Неужели ты думаешь, что Хозяева такие придурки? – насмешливо прищуриваются холодные глаза. – Для них наша работа имеет большую ценность и в связи с этим подлежит пристальному вниманию. Они видят каждый наш шаг. Ничто не может укрыться от их взора. Ты действительно счел, что никто не знает о твоём благородном поступке? Тьфу! – Дама презрительно сплевывает в ответ на чуть заметный кивок. – Наивный чукотский юноша! Я о тебе была лучшего мнения. Колоду должны были распустить из-за тебя, но вместо этого мы снова в деле! Так не бывает, это против правил! Не знаю, почему Хозяева сделали для нас

исключение... не знаю... и знать не хочу.

Нож становится ближе еще на один миллиметр.

– Он жив?

Я слишком широко открыл рот, укол и сразу же по шее побежала теплая струйка.

– Вожак? – удивленно взлетают вверх тонкие брови. – Нашел о ком беспокоиться. Его наверняка уже потрошат Трефы. В предыдущей миссии они понесли большие потери и сейчас выступают в полном обновленном составе. Между прочим, по статистике Хозяев мы наиболее успешно работающая группа. Передовики...

– Мир их праху, – скользит по моему лицу улыбка.

– Что?

– Он один из нас.

– Нет! – она одергивается как от пощечины. – Невозможно!

– В этом мире ты видела спецов работающих в нашем стиле?

Пользуюсь ее замешательством, чтобы немного продвинуть руку к ножу. Еще чуть-чуть и пальцы коснутся набалдашника.

– Нет, – отрицательно машет она головой. – Ни разу. Да и откуда они возьмутся, ведь боевые знания и навыки, что предоставляют нам Хозяева отличаются от стандартных, которые мы получили из реальной жизни и которыми пользуемся противник.

– Он меня сделал, – признаюсь, испытывая легкий стыд проигравшего. – Он провел "невидимку" настолько быстро, что я среагировал лишь в последний момент.

– Лжешь! – плетью хлестнул колючий тон недоверия.

– Зачем? – делаю невинное лицо. – Смысл?

– Не знаю, – отвечает Дама поразмыслив.

– Похоже, ты далеко не все знаешь. – Выдавливаю легкую насмешливую улыбку. – Что, Хозяева не обо всем тебе докладывают?

– Они говорят лишь то, что считают нужным. Остальное мне ни к чему. Я знаю, что ты отпустил вожака Свирепых Волков, хотя мог запросто его ликвидировать, потом дурацкая уловка с окровавленным ножом...

– И все-е-е? – пренебрежительно тяну я.

– Да! – сердито отрезала Дама.

Кажется, ее задело, что она знает так мало.

– Ты не хочешь убрать оружие? – предлагаю миролюбиво, коснувшись кончиками пальцев правой руки набалдашника ножа. – Тогда нам удобнее будет разговаривать.

– Нет. – Передо мной, привычная Дама – черствая и расчетливая. – Если ты думаешь, что события этой ночи как-то повлияют на мои действия, то глубоко ошибаешься. Признаю – ты мне симпатичен. Я на тебя положила глаз еще при первом появлении в колоде. Но ты стоишь между мной и сном.

– И ты выбираешь сон, – констатирую я. – Чем я тебе ме-

шаю? Объясни Лариса.

Нож сильнее прижался к незащитному горлу, рождая еще один ручеек крови.

– Никогда больше не называй меня так, Шестера! – Она произносит мое имя как ругательство. – Нынешнее поведение Хозяев для меня большая загадка... Правила существуют не для того, чтобы нарушаться из-за какой-то Шестеры. Мне будет намного спокойнее если тебя не станет.

– Ну, ошибся, с кем не бывает. Пожалел коллегу. К тому же Хозяева вроде простили. Иначе нас бы тут не было. Чего ты так нервничаешь? Расслабься. Через час другой сдадим ребенка отшельникам и по домам, в ожидание новых приключений.

– Хозяева никогда и ничего не прощают.

– Бывают же исключения... – возражаю я.

– Не бывает.

– Тогда как ты объяснишь наше присутствие здесь?

– Я не знаю. Все очень странно... и Хозяева и ты... – призадумалась Дама.

– Ну, Хозяева-то понятно. Они, вообще, сплошная большая загадка. А я-то чего?

– Карта не должна... не может вести себя подобным образом. Ты пожалел врага и, провалил миссию, пытался вытащить раненого Десятку, опять же, рискуя угробить наше задание. Так не должно быть! Ты ни в копейку не ставишь то, что для любой карты является святой святых – успешное вы-

полнение миссии. Для тебя, как будто, сон ничего не значит. Ты – чужак среди нас! Я не хочу остаться без будущего из-за твоих ненормальных странностей. Понимаешь? Я боюсь!

– Чего? Потерять сны? Я тоже.

– Это само собой, но, прежде всего я боюсь тебя. Ты слишком странный. Для тебя сон – ничто! Ничего не значащее ничто!

В глазах Дамы появилась тень страха. Кажется, что каждое мое слово делает эту тень все гуще и материальнее. Наверняка, так в средневековье смотрели на пылающих на кострах еретиков. Одновременно со страхом и непониманием. Неужели такой умной женщине, имеющей два высших образования, так тяжело понять простые вещи. Она как будто принудительно зациклена кем-то в своих навязчивых мыслях. У нее, в прочем, как и у всех остальных карт словно заблокирована часть мозга. Талдычит как святое писание – сон, миссия, Хозяева, как будто ничего другого в мире и не существует.

– Конечно значит! Сон это лучшее, что есть в моей жизни, но отнюдь не единственное. Есть еще дружба, профессиональная солидарность, сострадание, любовь – все то, благодаря чему мы называемся людьми.

– Карта не должна так думать! – перешла на крик Дама.

Ребенок залился плачем, и Дама на мгновение отвела взгляд в его сторону. Понимая, что другого шанса у меня не будет, левой рукой перехватываю упирающуюся в горло

сталь, а правой выхватываю нож из-за пояса. Тело толчком взвивается в воздух, и Дама получает сильнейший удар лбом в переносицу. Из ее ноздрей выплескивается кровь, заливая мне лицо. Она пытается достать меня ножом, но, похоже, удар не прошел для нее даром – движения медленные и неточные. Взмахиваю ножом, глядя на белеющую над воротником кольчуги беззащитную шею, и бью набалдашником в висок. Тихо охнув, Дама валится лицом в кучу ветвей служившей нам постелью.

На то, чтобы собраться уходит меньше минуты. Немного еды, оружие, позаимствованный у спутницы плащ, вот и все, что мне надо.

– Прощай, – наклонившись легонько целую начавшую приходиться в себя Даму в лоб. – О малыше тебе придется позаботиться самостоятельно. Надеюсь, ты не удержишь на меня зла.

Тихо звякнув, падает на маняще вздымающуюся под кольчугой женскую грудь медальон на цепочке. Нить, связывающая меня с реальностью, оборвана.

Я покидаю расщелину под нудное хныканье малолетнего принца. Голова полна тяжелых дум. Что будет дальше – не знаю. Одни догадки. Раз у меня нет на шее медальона, значит, транспортный модуль не окажет на меня никакого влияния. Оставить медальон на шее я не мог, иначе походил бы на козла со смертоносным колокольчиком на шее. Дзынь-дзынь, дзынь-дзынь. Я здесь. Нажмите кнопку и отправьте

меня к праотцам. Нет уж, лучше я безо всяких украшений похожу, спокойнее будет.

Как долго я смогу находиться во сне? Если Дама не соврала, то выходит, что меня отсюда иначе как ногами вперед вытащить невозможно. Но если было бы все так просто, то колоды разбегались бы на первой же миссии, ведь рядовые карты ничего не знают об убийственной функции медальона. Инвалидов с суровым прошлым ощутивших полноценную жизнь в здоровых телах тяготами жизни в чужом мире не напугать. Слишком уж велик соблазн остаться во сне навсегда. Должен быть какой-то защитный механизм на случай побега. Какой?

Забавно, но почему-то раньше мысль о побеге во сне мне даже и в голову не приходила, не смотря на всю свою очевидность. В общем-то, и времени предаваться размышлениям особо никогда не было. Здесь, во снах, на первом месте всегда стояла работа, а в реальности... честно говоря, просыпаясь утром на своем диване я относился ко сну как к пусть даже необычному, сказочному но все же сну.

Бегу, петляя между деревьями, уклоняясь от цепких рук ветвей. Желтый ковер под ногами заглушает шаги и прячет предательские кочки и корни. Необходимо убраться подальше, пока Дама не пришла в себя. Сомневаюсь, что она поставит на кон успешное выполнение миссии ради того, чтобы отомстить мне, но все же лучше перестраховаться. Очень уж

не хочется в случае чего ее убивать. Вспоминаю, как хладнокровно Десятка пристрелил великана Семерку. И Дама туда же... Пытаться порешить человека с которым всего несколько часов назад занималась любовью?... Я, конечно, понимаю, что все мы солдаты и за плечами имеем длинный послужной список, написанный чужой кровью вместо чернил, но все же существуют какие-то рамки, за которые нельзя выходить, если конечно не боишься перестать быть человеком. Сражаться с врагом – это одно, а убивать своих коллег по команде – это совершенно другое. Пусть даже и ради снов. Ведь мы все плечом к плечу встречали противника и всегда прикрывали спину партнера в случае опасности. Да что же, черт возьми, они за люди? Что с ними сделал сон?

Глава 7.

– Привал.

Со свистом втягиваю в легкие холодный воздух и устало опускаюсь на землю. Двухчасовой марафон по дремучему лесу со спринтерской скоростью и многочисленными препятствиями утомительная штука. Даже для меня.

Опираюсь спиной на шершавый ствол дерева. Сквозь порывевшие листья проглядывает хмурое небо. Хоть бы дождь не пошел.

Пока челюсти пережевывают жесткое мясо, мысли водят дружный хоровод вокруг моего последнего поступка. Из все-

го многообразия вопросов мучивших меня последнее время актуален лишь один – что делать дальше? Скорее всего, этому миру принадлежащему Хозяевам суждено стать моим домом. Даже не знаю радоваться этому или нет.

С одной стороны – здесь я здоровый мужик с далеко не среднестатистическими способностями. Можно наняться солдатом и сделать блестящую карьеру. Или в разбойники податься. Сколотить небольшую банду, людей недовольных существующим режимом всегда хватает, и начать подчищать толстосумов, а там гляди и в политику выберусь. Выбираются же как-то наши криминальные авторитеты в высшие эшелоны. В период появления кооперативов в моем районе верховодил Сашка по кличке Прыщ. Набрал себе команду из бывших спортсменов оказавшихся не у дел в связи с дурдомом царящим в стране и начал наводить порядки. Стандартный джентльменский набор: вымогательство, обложение непомерными налогами начинающих бизнесменов и прочий беспредел в том же духе. Сейчас он мэр города, уважаемый человек, куда-то там баллотируется. Все как будто забыли, что он обыкновенный бандит, поднявшийся на чужом поте и слезах. Чем я хуже?

С другой стороны – здесь я чужак. Человек вне закона. Не зная местных обычаев и устоев, я могу долго не прожить. Флора и фауна тоже под вопросом. Для того, чтобы выжить в природных условиях необходимо хотя бы малейшее представление о съедобности того или иного растения и степени

опасности диких животных. Не смотря на устойчивые аналогии природного окружения с земным, все равно вопросов тьма. Вон, в метре от меня из кучи листьев торчит очень даже симпатичная шляпка гриба. Может он даже и съедобный, но я все равно рисковать не буду, так как совершенно не смыслю в грибах, ни местных, ни земных. Обязательно будет тоска по дому, ностальгия. Никуда от нее не денешься. Мне будет снится родное море, тесная квартирка, папина могила на центральном кладбище, какие-то знакомые, жалость окружающих. Я буду просыпаться в слезах, тоскуя даже по тому, что в реальном мире ненавидел. А еще там есть Ди. Не скоро я забуду глаза, в которых живет осень. Но в любом случае выбора у меня нет. О доме придется забыть и чем быстрее, тем лучше. Мосты сожжены, и теперь нужно жить дальше.

Еще через час пути, на этот раз уже просто быстрым шагом, впереди в стене деревьев появляется просвет, и я выхожу на проселочную дорогу. А я уж было начал думать, что этот лес бесконечен.

Цокот копыт и громкая речь заставляет меня неподвижно застыть в кустах.

Из-за изгиба дороги показывается немногочисленный отряд всадников. Пробегаю взглядом по закованным в сталь фигурам, расслаблено качающимся в седлах. Десять солдат щедро украшенных металлоломом на различных частях тела. В руках неизменные трезубцы. И что у них за мания та-

кая на это оружие, классическое копьё ведь намного легче и удобнее, правда, трезубцем легче попасть в цель.

Солдаты громко обсуждают нападение полусотни переодетых стражей чужаков на замок лорда Авогинса и похищение его годовалого сына. Не сразу до меня доходит, что полусотня чужаков это наша троица, а замок лорда Авогинса тот самый каменный курятник, из которого мы стибрили малыша. Значит не царек, а лорд и не принц, а лорденьш. Интересно, сколько времени еще охрана замка воевала сама с собой? Судя по количеству жертв упоминаемых всадниками, часть работы они выполнили сами, сражаясь в сумрачном хаосе друг с другом. Все-таки идея нарядить нас в костюмы стражи заслуживает уважения.

За двумя последними лошадьми устало плетутся седой старик и мальчик лет десяти-двенадцати со связанными руками. От каждого из них тянется к седлу длинная веревка.

Пленники одеты в широкие холщовые брюки и длинные, до колен кожаные балахоны с прорезями для рук. Пышная грива седых волос старика перетянута черной лентой. У мальчика под глазом красуется шикарный кровоподтек. Судя по направлению движения и тому, как у пленников заплетаются от усталости ноги они идут на привязи от замка.

– Ну что колдун, – обернувшись с издевкой поинтересовался один из всадников у старика, – чего ж ты колдовство не используешь? Превратился бы в птичку и упорхнул. А?

Воины дружно заржали, оценив шутку товарища. Старик

лишь сжал губы и потупил глаза.

– А может он со связанными руками колдовать не может? – предложил другой воин – парень с простодушным лицом и сразу же стал поводом для шуток.

– Всем известно, – назидательным тоном начал едущий впереди воин лет сорока со сломанным носом, скорее всего командир отряда, – что для колдовства не руки нужны, а камни особые. А не колдует старик потому, что не умеет.

– Как это не умеет? – удивился парень с простодушным лицом. – А за что ж его жечь будут?

– Сразу жечь его никто не будет. Сперва каленым железом пытаться будут, пока не сознается.

– А вдруг не сознается? – не понимает парень

– Все сознаются, – философски заметил командир. – Попадет в подвальчик к горбатому Минпу и сознается. Сколько Минпа в замок ни приглашали все отказывался: мол, я родился в Ульоне тут и жить хочу. А он лучший допросник. Вот и приходится нам из-за его упертости таскать виноватцев аж в Ульон. Для старика, костер лучше, чем многодневное выжигание строк из Священного писания на теле. А не умеет – потому что – не умеет. Он знахарь. И мальчонку знахарем растит. Они по лесу ходят, травы-коренья да кору древесную собирают, потом болезни лечат. Мой сосед у него зелье брал для жены. Детей у них все никак не было. – Он звучно высморкался. – Проклятая сырость замка. Хуже чем в подземелье.

– И что помогло? – от любопытства парень даже рот открыл, отчего его лицо стало откровенно тупым.

– Зелье то?

– Ну да.

– Не знаю, – пожал плечами командир. – А вот я помог, это точно.

Лес наполнился диким ржанием.

– Помогло твое семя? – прорычал сквозь смех всадник, к чьему седлу был привязан старик.

– А то как же, – криво ухмыльнулся командир, чем вызвал новую волну смеха. – Все честь по чести. У меня огрехов не бывает.

– А может их тут прирезать, – лениво предложил всадник с вислыми пессимистическими усами, широко зевнув. – Все равно их в Ульоне насмерть замордуют. А так не придется два дня в седле трястись. Слыш Фули чего говорю? Скажем лорду, что старик с мальчонкой сбежать пытались, а мы их того... ну этого. Поедем лучше в таверну Косого, выпьем горячего винца со специями. В самый раз для такой погоды.

– А Тиря дело говорит, – натянул поводья командир. Отряд остановился. – Прирежем их и с концом.

– Точно-точно, – нескладным хором выразили поддержку несколько воинов. – Прирезать и к Косому.

– Как так? – сделал большие глаза простодушный парень. – Вот так ни за что... зарезать?

– За что всегда найдется, – глубокомысленно изрек висло-

усый и медленно потянул из ножен меч. – Им по любому не жить. Мы же их по доносу спеленали. А в доносе черным по белому писано, что они злые чары наложить хотели на лорда нашего, извести его. Авогнис как узнал, аж затрясся и приказал немедленно колдуна с учеником повязать, на допрос спровадить и не отпускать пока во всем не сознаются.

– Но... Фули сказал, что старик не колдун ... – побледнел парень.

– Молод ты еще Пэка, – поучительно заметил Тирия, слезая с коня и направляясь к пленникам. – Видел бы ты, как мы в молодые годы с лордом Авогинсом бунтарские деревни вырезали. И не бунтарские тоже. Славное было время. В самый раз после смерти отца нашего лорда Сеймена Справедливого. Добрейшей души человек был. При нем все тихо и спокойно было. Колдунов не жгли, а воров не вешали, потому что их просто не было. Никаких тебе ни войн ни заговорщиков ни подосланных убийц. Мы тогда больше для красоты были. Эх, сколько уж годков пролетело с той поры. А вот лорд Авогинс все вмиг поставил на свои места. Теперь нам скучать не приходится. Работы невпроворот.

Он мечтательно разгладил усы.

– А не бунтарские зачем? – захолопал глазами в конец ошалевший парень.

– Вот я и говорю, молод ты еще Пэка. Виноват, не виноват, бунтарская или покорная, дело не в этом, – остановился Тирия и насмешливо глянул на непонятливого парня.

– А в чем? – парень даже открыл рот от любопытства.

– Дело в лорде. Скажет на черное белое, значит так оно и есть, а если ты инакомыслящий значит враг и место твое в сырой земле, – пояснил Тирия, громко высморкался, вытер обратной стороной ладони усы и вразвалочку пошел к пленникам.

Старик и мальчик обречено ожидают своей участи, потупив глаза в землю. Они даже не пытаются вымолить пощаду. Станные они какие-то, вместо того, чтобы попытаться бежать или договориться с конвоирами стоят и ждут смерти. Фаталисты? Ну, старик-то ладно, он уже вдоволь пожил, лет семьдесят не меньше. А мальчонка? Ну не может он смерти не бояться. Не может. Не исключено, что у них есть припрятанный в рукаве козырь... Только вот времени на то, чтобы его достать у них уже нет.

– Не сердчайте, – вислоусый занес меч для удара. – Очень уж винца у Косого попить хочется.

Мысленно проклиная себя последними словами за неуместную жалость, выхожу на дорогу.

– Эй, ты, который с усами. Зубочистку свою спрячь, пока ее тебе в одно место не засунули.

Громко сказанные слова сразу же превращают меня в эпицентр внимания. Ну не дурак ли я? Мало того, что решил спасти совершенно чужих для меня людей, это еще понять можно – жалость и все такое... Но какого лешего я вот так

благородно выперся на дорогу, типа – «Иду на вы», вместо того, чтобы сделать их поодиночке и втихаря. Думать, Дима, нужно, чертовски полезное занятие, продляет жизнь лучше любого лекарства. Теперь есть нешуточная проблема в виде десяти закованных в сталь всадников. Да, конечно им по одиночке со мной не сравниться, но все же их десять, а я один. Фаталистов идущих как две коровы на привязи можно в расчет не брать, с них помощи никакой, хоть бы не мешали и за то спасибо.

– Назовись! – застывает в метре от моей груди трезубец командира. Тиря опустил меч и с любопытством смотрит, подергивая ус. – Что делаешь так далеко от замка и без лошади?

В голосе командира сквозит надменность.

Похоже, их ввел в заблуждение мой наряд стражника замка.

– Выполняю секретное поручение лорда Авогнаиса. – Делаю морду чайником и презрительно оттопыриваю нижнюю губу.

– Что еще за поручение? – настороженно глянул Фули.

– Секретное. Иду по следу похитителей лорденыша.

– Кого-кого? – напрягся Фули.

Тиря начал неторопливо обходить меня справа, поигрывая мечом.

Проклиная себя последними словами за глупость, поспешно исправляюсь:

– Ну сына лорда.

– Секретное говоришь? Ну-ну. А послал, говоришь тебя кто?

– Рыбы побольше ешь, в ней фосфора много, от склероза помогает, – презрительно сквозь зубы цежу в ответ.

– Чего? – вылупился Фули. – Ты тут наговоры не шепчи колдовскими словами. Не люблю я этого.

– Я уже говорил, что выполняю секретное поручение самого лорда. Думаю, что он будет не очень доволен вашим нездоровым любопытством. – Пытаюсь легонько надавить на собеседника весомым авторитетом его босса.

– Если узнает, – как бы между прочим заметил Тиря и нехорошо ухмыльнулся в усы. – Как-то странно стражник ты говоришь, нескладно. Не мог лорд направить одного пешего стражника на поиски сына. Такие дела в одиночку да еще и стражей не решаются. И ведешь ты себя дерзко. Неужто не разглядел знаки? И я, и наш командир почтенный Фули старше тебя по званию. А ты вылез из лесу как дикий зверь и давай неуважительно разговаривать вместо того, что сперва почтение выразить старшим по званию.

– Не знаю я какой ты стражник... – нахмурившись начал Фули.

– Я-я-я з-з-знаю, – заикаясь бледнеет любопытный парень и лапает себя по боку пытаясь ухватиться за рукоять меча. – Э-это он!

Его глаза, неотрывно прикованные ко мне, наполняет

страх. Похоже, мы уже где-то встречались. Всмотриваюсь в безусое лицо типичной деревенщины...

– Кто? – с любопытством спросил Тиря.

Глаза командира превратились в хищные щелочки, а трезубец медленно поплыл назад, готовясь к удару.

– В замке! – проверещал парень дурным голосом, закончив заикаться, и наконец-то отыскав меч. – Это он ночью Лысому голову снес! Точно он!

Трезубец королевской коброй бросается вперед, метя мне стальными жалами в незащищенное шлемом лицо. Поздно, меня там уже нет.

– Бей его! – заорал Фули.

Два метательных ножа по самые гарды входят над беспечно опущенными стальными воротничками пары солдат. Они с хрипением валятся под ноги лошадям. С почином меня!

Начинается полноценная свалка, в которой время играет против меня наравне с противником. Чем больше я уложу до того, как они опомнятся тем больше шансов на будущее. Приятная штука будущее, особенно если оно есть.

Из-за того, что всадники стоят плотной кучкой, возможности маневра у них весьма ограничены. Кроме этого каждый из них рвется добраться ко мне первым, наверняка за головы похитителей лорденыша назначена немалая награда, тем самым создавая помехи остальным.

Как же они все-таки медленно двигаются. Словно у них в жилах течет не кровь а тормозная жидкость. На самом де-

ле все наоборот – они работают с нормальной человеческой скоростью, а вот я, воткнув пятую передачу, выкладываюсь на пределе своих возможностей.

– Убью! – истошно вопит узнавший меня парень и залихватски тыкает трезубцем, куда-то в мою сторону.

Наверняка местным Айвенго себя вообразил. Да ему не то, что трезубец, вилку в руки давать нельзя. Целее окружающие будут. Или оптический прицел на трезубец ставить.

Потеряв равновесие, парень кулем валится с лошади на землю. Попросту уходит в затяжной штопор головой вниз. Вот уж шальная ошибка природы! Скрежетнув по прикрытой металлическим щитком голени Фули трезубец парня распарывает живот его лошади. Смертельно раненное животное встает на дыбы, сбрасывая седока наземь, одновременно доставая передними копытами ближайшего воина. Подкова оставляет глубокую вмятину в доспехах на груди, и орущее тело валится под отплясывающие безумный танец копыта.

– Проконпостирировали, – констатирую, узрев судьбу упавшего воина.

Лес наполняется криками людей и ржанием лошадей.

Часто падая на землю и проскальзывая между ногами гарцующих лошадей, я пользуюсь толчеей, чтобы достать еще двух противников. На этот раз никакого благородства. Один получает удар мечом в спину, а второй в бок.

Откуда-то из-за лошади только что потерявшей седока на

меня с ревом бросается вислоусый воин, свирепо вращая над головой меч. Одновременно с ним нападает поднявшийся с земли Фули. Становится жарко. Передо мной не дилетанты, а матерые солдафоны, привыкшие не только вино по кабакам жрать и баб тискать. Мечи мелькают как лопасти пропеллера, отбиваясь от нападающих на меня воинов. Тут еще вклинивается неугомонный парень со своим трезубцем. Он размахивает им как палкой, в стиле монаха Шаолинь, все норовя попасть мне по голове. Парень доставляет больше неудобства своим суматошным маханием коллегам, чем мне. Несколько раз чудом увернувшись от свистнувшего у носа трезубца Тиря зло скалится и пинком ноги отшвыривает парня в сторону. Нелепо размахивая оружием, тот кубарем откатывается в кусты. Возможно, что этот постыдный пинок на некоторое время продлит его жизнь.

Фули и Тиря работают слаженно, как будто всю жизнь рубятся в паре. А может так оно и есть. С трудом достаю кончиком меча вислоусого в правое плечо. Он кривится, перебрасывает меч в другую руку и продолжает в том же темпе. Приходится крутиться юлой, отражая атаки со всех сторон. Пока еще чудом цел, если не считать распоротой на спине кольчуги.

Сделав обманный рывок, выскальзываю из кольца, чтобы заметить большой отряд, человек в тридцать не меньше, галопом приближающийся к нам. Явно они не мне спешат на помощь. Какого черта их сюда принесло? Вот это называется

вляпался. Если бы не эта пара матерых ветеранов – Фули и Тиря, я бы уже давно разобрался с остальными и сделал ноги.

Стоит на мгновение отвлечься и снова наваливается неразлучный дуэт.

Убежать мне не дадут. Приближающийся отряд разделяется на два ряда, отрезая меня от леса. Интересно, сколько я так продержусь? Что-то тяжелое бьет меня сзади по голове. Мечи сами вываливаются из рук. Еще один удар. В глазах темнеет. Пытаюсь наклониться и поднять оружие, но холодное жало пронзает бок, принося невыносимую боль. Легкие наполняются криком. Перекошенные злобой и страхом лица носятся в безумном хороводе. А ведь боятся сукины дети, боятся меня, но все равно лезут как саранча.

– Вре-е-ешь, не возьмешь! – реву нечеловеческим голо-сом так, что противник испуганно отшатывается.

Перехватываю падающий на голову топор и смыкаю руки на прикрытом стальными обручами горле врага. Металл гнется под пальцами, человек хрипит, брызгает слюной из под шлема.

Еще удар. Кровь заливает глаза, и я как подкошенный па-даю на колени. С удивлением смотрю на торчащие из груди острия трезубца.

– Я попал! Проткнул его! – радостно вопит за спиной неугомонный парень.

Как жука прищипил... И кто? Салага криворукий!

Вот и все... Как глупо. Быть инвалидом там, и умереть

здоровым здесь. Это как насмешка судьбы – мол, от меня не убежишь, не выкрутишься. Тусклыми картинками мелькают то полные осени глаза Ди то выгнувшаяся в ночном экстазе Дама. Они как бы конкурируют за мое внимание, вытесняя друг друга из поля зрения. Где-то на заднем плане валится на склон горы пылающая вертушка и редкой цепью прет обкуренная в дым десантура. Дибильные улыбки, рукава закатаны и полный пофигизм в глазах. Цепь становится все реже и реже...

Яркий свет бьет в глаза, заставляя зажмуриться. Сквозь сияние вижу старика, стоящего с раскинутыми в сторону руками и устремленными ввысь глазами. Неизвестно откуда налетевший горячий ветер треплет седую гриву. Прижавшийся к его ногам мальчик медленно превращается во что-то такое... такое...

Как больно! Больно и страшно.

Страх настолько силен, что заглушает даже рвущую на части боль. Он душит меня холодными руками мертвеца и заглядывает в лицо пустыми глазницами, в которых копошатся земляные черви. Во мне больше ничего нет кроме всепожирающего страха. Он полновластный хозяин умирающего тела.

Глава 8.

С недоверием осматриваю совершенно целое тело поче-

му-то лишенное кольчуги, а натоместь наряженное в растянутую майку и семейные трусы. Шлем тоже куда-то подевался. Вот только мгновение назад меня прошли насквозь трезубцем... Гадкий сопляк с лицом доморощенного диббла. До чего ж обидно помереть от рук такой шавки. Кажется, я до сих пор чувствую боль в груди... А еще яркий свет и стоящий с поднятыми к небу глазами старик.

Дребезжание дверного звонка заставляет испуганно вздрогнуть. Рывком вскакиваю на ноги и тут же с воплем растягиваюсь на полу.

– М-м-мать! – скриплю зубами от боли. – Нога!

Нога? Но ведь я еще минуту назад... Ведь я во сне... Бой...

Глаза медленно ощупывают покрытые бледными обоями стены, небрежно расставленную в серванте посуду, диван со скомканной простынею.

Я дома? Но этого не может быть! Меня же убили! С такими ранами не живут!

Руки нервно скользят по груди в поиске несуществующих ран.

И медальона у меня не было. Ни черта не понимаю.

Не переставая размышлять над новыми загадками, поспешно натягиваю джинсы, рубашку и, хватаясь за мебель, ковыляю к двери.

– Сейчас, сейчас, – бормочу, ковыряясь в замках.

Руки как не живые. Ватные пальцы крутят совершенно не

в ту сторону.

Наконец мне удалось справиться с замком, двери распахнулись и на пороге возникла улыбающаяся Ди в длинном плаще. На меня смотрят усеянные красными прожилками полные печали и боли глаза. Как будто она всю ночь проплакала. И лицо немного припухшее, хотя это умело скрыто макияжем. Контраст между улыбкой и грустными глазами столь разителен, что кажется неестественным.

– Здравствуй, Дима.

– А? Ага. Да. В смысле здравствуй, то есть привет, Ди, – неразборчиво лопочу, одновременно пытаюсь застегнуть пуговицы на рубашке и убедить себя, что нахожусь дома живой здоровый. Рассудок сопротивляется, настойчиво бормоча что-то невнятное о шизофрении и паранойе.

Она протянула мне костыль, который до этого прятала за спиной.

– Это тебе. В замену.

– А? – все еще не до конца придя в себя, нелепо переспрашиваю. – Чего?

– Костыль, – улыбка медленно сползает с ее лица. – Ты же свой сломал... Дима, с тобой все нормально?

– Н-незнаю, – с трудом выдыхаю густой воздух.

– Ты такой бледный, – узенькая ладошка касается моего лба. – И холодный... У тебя что-то случилось?

– Да.

Неожиданно у меня возникает горячее желание расска-

зять ей все. Рассказать о снах, о последней схватке, в которой погиб и о совершенном невозможном возвращении домой.

– Может я не вовремя? – Ди неловко улыбнулась. – Я...

– Нет, все нормально, – с трудом выдавливаю улыбку. Выходит не очень. – Проходи на кухню. Я сейчас. Минутку...

Захожу в ванную и захлопываю за собой дверь. Из треснутого зеркала на меня смотрят красные глаза на меловом лице. Холодные бисеринки пота на лбу, подрагивающие губы, одет не пойми как: рубашка наизнанку, частично заправлена в джинсы, остальное свисает поверх, и нелепо торчащая в сторону искаленная нога. В гроб краше кладут. Голова раскалывается от боли, как будто я всю ночь использовал ее в роли отбойного молотка. Ну голова-то ладно, после каждого сна так, но вот все остальное...

Через несколько минут показываюсь на кухне в более человеческом виде.

– У тебя всегда такой порядок? – кивает Ди на переполненную грязной посудой раковину.

Она уже успела снять плащ и теперь красуется в короткой светлой юбке-резинке и белой водолазке, плотно обтягивающей небольшую грудь. Ей идет такой наряд. Он очень выгодно подчеркивает стройность тела, граничащую с хрупкостью. Но в то же время она не кажется манекенщицей-шнурком у которой как в том анекдоте из-за телеграфного столба выглядывает лишь нос и дамская сумочка, совсем нет. При среднем росте она пропорционально сложена, и все присут-

ствует, как говорится, в полном комплекте. В общем, не девушка, а сказка. Вот только глаза... В них и до этого жила осень, но сейчас в них квартирует непонятная для меня боль... тоска... горе... даже не знаю как назвать льющиеся из серых озер чувства.

– Бывает. Чай будешь? – интересуюсь, пытаюсь найти хоть одну чистую чашку.

– С вареньем.

– У меня нет, – развожу руками, чувствуя себя последним неудачником, в связи с тем, что у меня нет этого злополучного варенья.

– Зато у меня есть.

Она выуживает из висящей на спинке стула сумочки небольшую баночку малинового варенья. Причмокнув губами в предвкушении удовольствия, ставлю чайник на огонь.

– Извини, что долго не открывал.

– Ничего. Все нормально.

– Ты не подумай, я не такой неряха, как может показаться на первый взгляд, – почему-то начинаю оправдываться. – Я... я...

– Дима, ты не должен мне ничего объяснять. Ты достаточно взрослый, чтобы принимать решения самостоятельно и определять как жить. Не так ли?

– Да конечно.

Ди устроилась на моем любимом месте – в уголке у холодильника. Забросив ногу на ногу, она одернула юбку и во-

просительно взглянула на меня:

– Давно один живешь?

–

Настолько заметно, что один? – усаживаюсь напротив.

Неловкое движение больной ногой заставляет скорчить гримасу боли. Девушка делает вид, что ничего не заметила. Умница. Она ведет себя именно так, как мне хочется. Ни одного взгляда на искаленную ногу, никакого сострадания и самое главное никакой жалости. Для нее я самый обычный полноценный человек, а не объект нездорового внимания. Мне даже хочется сказать ей спасибо, но думаю, что она меня не поймет, потому, что такое поведение это не искусная игра, а повседневная норма поведения. Стиль жизни, как сейчас модно говорить.

– Даже чересчур. – Ди демонстративно сдувает пыль со стоящей между нами хлебницы.

– Давно.

Наступает неловкая пауза. Закипевший чайник приходит на помощь. Я двинулся в сторону плиты, но Ди сделала вежливый жест рукой:

– Не мужское это дело. Лучше банку открой.

– Ну вот, – вздыхаю с притворной горечью, – я уже не хозяин на собственной кухне.

– Сказал бы лучше в собственном свинюшнике, – насмешливо глянула Ди.

– Хрю-хрю.

– Вот именно. Ты когда-нибудь уборку делаешь и посуду моешь?

– Уборку – когда есть настроение. Посуду – когда заканчивается.

Ди осуждающе глянула на меня и покачала головой:

– Отсутствие женщины негативно сказалось на твоём быте.

– Согласен, но зато сказалось положительно на мне.

Медленно хлебая чай с малиновым вареньем, перевариваю события последнего сна. Количество вопросительных знаков становится все больше и больше. Наибольшая загадка – как я смог вернуться домой, не имея на шее медальона?

А ведь так хорошо все начиналось. У меня были все шансы вжиться в средневековый мир и, используя свои возможности подняться для повышения комфортности жизни. Если бы не глупая попытка защитить старика и мальчика... Э-эх! Поздно уже думать о пролитом на пол виски, кажется, именно так говорят ирландцы в подобных случаях. А может и не ирландцы, уже не помню. Наши же в такой ситуации ничего не говорят, так как заняты вымакиванием пролитого шинелькой. Сам видел. Теперь я снова калека, вокруг серый мир, осень и где-то там, на конечной остановке шестого троллейбуса однообразное море, видимое с балкона, которое почему-то так люблю во снах.

– Какой сегодня день недели? – чуть не опрокинув чашку

с чаем, хватаюсь руками за голову.

– Понедельник, – удивленно смотрит Ди. – А что такое?

– А время?

– Десять тридцать одна.

– Склеротик! – поспешно ковыляю к телефону и набираю номер. – Алло. Михалыч? Это Дима. Знаю-знаю. Виноват, Михалыч. Приболел просто. Да, конечно. С меня причитается. Ну, все, спасибо Михалыч! Пока.

Облегченно вздохнув ложу трубку на место.

– Что-то случилось? – спрашивает Ди, когда я возвращаюсь в кухню.

– Представь себе, совершенно забыл, что сегодня понедельник и нужно идти на работу. Еле уговорил мастера не отмечать мне прогул. Благо он мужик хороший.

– Дима, а кем ты работаешь?

– У меня не самая престижная профессия... Контролер я. В водочном цеху. Проверяю, чтобы этикетки были ровно приклеены, задиров не было, колпачки...

Мне стыдно за свою профессию. И голос выдает меня. Очень стыдно. Я – мужик сижу на бабьем месте, бутылочки осматриваю. Но такова жестокая реальность. Если бы не Михалыч, пожалевший калеку, не видать бы мне и этого места...

– А я на заочный поступила, – похвасталась Ди. – На иняз.

– Молодец. А я ... я ... А еще я солдат, – тихо говорю потупив глаза.

– Как это? – поставила чашку на стол девушка. – Ты ведь... Ой! Извини! Я не хотела.

– Да ладно, чего уж там. Что есть, то есть. Сейчас я кое, что тебе расскажу, ты только не перебивай и, пожалуйста, не смейся. Многое покажется фантастическим, но это не вымысел, это часть моей жизни. Весомая часть.

– Хорошо, – как бы ощутив серьезность моих слов кивает Ди.

– Женился я на третьем курсе университета. Первая любовь, – грустно усмехаюсь. – Она так и не смогла понять моего желания идти в армию. Все предлагала помочь со справкой, чтобы закосить, но я ни в какую. Вбил себе в голову, что должен пройти этот путь. Наверное, это все из-за отца. Он воспитывал меня именно в таком духе – идти прямо и никуда не сворачивать, все препятствия преодолевать собственными силами и никогда не искать легкого пути.

– А мама? Как она относилась к такому воспитанию?

– Мама?... Она умерла во время родов.

– Извини.

– Ничего. Для меня слово мама это всего лишь пара свадебных фотографий у изголовья кровати отца и его рассказы. Он ее безумно любил и именно поэтому не женился вторично. Как-то я ему открыто сказал, я уже был достаточно взрослым – заканчивал школу, что не буду иметь ничего против, если он женится вторично. Отец на меня посмотрел странными глазами, но ничего не сказал. Я пожалел о своих

словах, так как было очевидно, что они его обидели. Больше мы эту тему никогда не затрагивали.

– Покажи пожалуйста, – попросила Ди.

– Фотографии?

– Да.

Оперевшись на новенький костыль встаю и медленно иду в комнату. После армии, сам не знаю почему, я снимал со стен все фотографии. Наверное, мне казалось, что они укоризненно смотрят на меня и упрекают за неудачно сложившуюся жизнь. Ведь если бы я в свое время внял разумным словам жены, то сейчас все было бы совершенно по-другому. Конечно, были бы свои проблемы и трудности, это неотъемлемые атрибуты жизни, но я бы твердо стоял на двух ногах и не знал что такое война. Война не та, которую мы видим по телевизору, а настоящая, полная ненависти и страданий, детских слез над трупом матери и рядов солдатских могил.

Достав фотографии из выдвижного ящика шкафа, возвращаюсь на кухню.

– Красивая, – сказала Ди, взглянув на фотографию матери. – Ты очень похож на нее. Гораздо больше чем на отца.

– Он тоже так говорил.

– Еще чай?

– Да. Варенье у тебя бесподобное.

– Сама варила, – похвасталась Ди.

– Мастерница на все руки, – улыбаюсь. – И хаму пощечину залепить и варенье сварить. Похоже, что у тебя еще масса

скрытых талантов.

– Ну, допустим не масса, но кое-что в запасе имеется.

Не смотря на то, что Ди улыбается и шутит, глаза не покидает тень грусти. Кажется, что веселье и радость это всего лишь маска, скрывающая от посторонних взоров боль и горе. Меня так и порывает спросить, что у нее произошло, но в то же время боюсь, что этот вопрос уничтожит такую дорогую для меня маску веселья.

– Я служил в десанте. Воевал. Как ты тогда сказала, в машине, – горячие точки? Очень удачное название. Но травму, – глажу рукой правое колено, – получил по глупости. При разгрузке железнодорожного вагона на меня упал большой промышленный холодильник.

– Так вот что значит холодные точки. А я себе голову ломала, – перебила меня Ди.

– Жена решила, что еще слишком молода, чтобы связывать свою судьбу с бесперспективным инвалидом и ушла. Если быть совсем точным, я сам предложил развод, и она с легкостью согласилась, как будто давно этого ждала. Я ее не виню. Жить с инвалидом... Да еще и афганский синдром в придачу.

– Афганский синдром? Я уже о нем где-то слышала, – задумалась Ди. – Вспомнила. Мне о нем старший брат рассказывал. Он тоже воевал. – Ее маска веселья потускнела. Словно в один миг выцвели яркие краски, и частица театрального реквизита постарела на много лет. – Это что-то вроде пси-

хического заболевания у тех, кто воевал, а потом окунулся в обычную мирную жизнь?

—

Да. Потом обычное существование, больше похожее на попытку выжить.

— Ты любил ее?

— Жену?

— Да.

— Наверное, да. Сейчас уже трудно сказать наверняка.

— Так не бывает, — осудительно сказала Ди. — Нельзя наверное любить. Тут либо да, либо нет. Третьего не дано.

— Да. По началу это было безумное, безграничное чувство. Мы не представляли жизни друг без друга. Клялись навеки быть вместе. В общем, самая типичная первая любовь — пылкая и одновременно глупая, потому, что люди руководствуются не разумом, а сердцем. Война оставила свои следы не только у меня на теле, но и в душе. Я вернулся совершенно другим человеком. Уходил веселым жизнерадостным парнем, а вернулся суровым солдатом. Хорошо, что мы разошлись. Все равно из этого ничего путевого бы не получилось.

— Наверное, ты прав. Нет, ты не подумай, что я собираюсь тебя судить, нет. Просто мне очень хочется узнать тебя ближе... — она осеклась и неловко покраснела.

—

Зачем?

Затаив дыхание, жду ответа, так как будто от него зависит

вся моя дальнейшая жизнь. А может так оно и есть.

– Ты... Ты хороший... А давай об этом как-нибудь потом поговорим? – не очень умело вывернулась Ди.

С трудом сдерживаю разочарованный вздох.

– Давай.

– Я вся во внимании, рассказывай дальше. Не знаю, почему ты говорил о фантастичности. Твоя история вполне реальна.

Хм! Ну-ну. Посмотрим, что ты скажешь дальше, и насколько тебе покажется реальной моя история.

– Однажды ночью приходит сон. Очень необычный. Сон, в котором тебе дают шанс быть здоровым человеком, и заниматься тем к чему привык, что стало нормой жизни.

– Воевать, – даже не предположила а скорее продолжила Ди.

– Именно.

Я рассказываю ей все: о миссиях Пик, о порой чрезмерной жестокости, о наших жертвах, о попытке самоубийства, даже о той ночи с Дамой. Не знаю, зачем я это делаю... Возможно, просто нормальное человеческое желание открыть душу. Ди слушает, не перебивая, судорожно комкая край клеенки кухонного стола в наиболее интересных местах рассказа.

– ... не знаю, как мне удалось выскользнуть из сна. Потом пришла ты, – заканчиваю свое повествование.

Ди сидит, медленно покачивая, пустую чашку. Я ожидал

чего угодно: восторга, насмешек, обвинения во лжи, но только не молчания. На меня поднялись полные слез глаза:

– Спасибо Дима, – тихонько прошептала девушка и взяла меня за руку. – Большое спасибо.

– За что?

Она лезет в дамскую сумочку и, покопавшись, достает небольшую фотографию. Один уголок загнулся, и она его бережно распрямляет.

– На, держи, – протягивает ее мне и вытирает тыльной стороной ладони мокрые глаза.

На фотографии запечатлен танк, густо покрытый камуфляжными пятнами. На броне сидят в обнимку несколько молодых ребят. Мы тоже в свое время такими были. Храбрыми и глупыми. Не все успели поумнеть и понять, что война это не место для выпендрежа и красивых поз. На коленях у ребят традиционные калашы. Поднимаю глаза чуть выше. Из люка в башне танка на половину высунулся красивый мужчина с сигаретой в зубах. Из под черного шлема выбивается русый локон.

– Десятка, – еле слышно шепчу, глядя в знакомое до боли лицо. – Серега... Как? Откуда? – с шипением боли вскакиваю на ноги. – Откуда эта фотография? Кто он? -Ухватив Ди за плечо притягиваю к себе. – Ди, кто этот человек?

– Ты его знаешь? – снова влажнеют глаза девушки.

– Это Десятка Пик. Он погиб вчера... нет, этой ночью. Я рассказывал. Ядовитый ноготь, – тараторю, путаясь в догад-

ках.

– Мне больно Дима, – умоляюще смотрят ее глаза. – Ты делаешь мне больно.

– Да, конечно. Извини, – отпускаю ее плечо и сажусь на место. – Этого не может быть.

– Может, Дима, может. Это Сергей, мой брат.

– Брат?

Кажется, что мне в легкие залили расплавленный свинец. Он нестерпимо жжет и, булькая, поднимается по горлу вверх. Ди сестра Десятки. Значит с ним можно встретиться, поговорить. У нас найдется о чем поговорить! Еще как найдется! Ему будет интересно, что произошло после того, как его убили. Смерть во сне это всего лишь сон. Меня же тоже убили, и ничего. Жив – здоров. Скорее всего, если человека убивают во сне, он всего лишь навсегда выбывает из колоды и не более. Вместе с Серегой мы обязательно что-то придумаем. Не знаю что, но все равно придумаем. Я уже буду не один...

– Где он? – я уже готов бежать.

– Он умер. Сегодня ночью.

Мои пальцы разжимаются, и фотография осенним листом планирует на пол.

– К-как умер? Почему?

– Сережа сильно болел. Что-то с дыхательными путями, – каждое слово Ди выдавливает из себя с трудом. Видно, что она на грани нервного срыва, но все равно держится молод-

цом. – Тогда, в горящем танке, он не просто получил очень сильные ожоги, но еще и надышался какой-то гадостью.

– Причина смерти?

– Остановка сердца, – ответила Ди.

– Но ты говорила о дыхательных путях. При чем здесь сердце?

– Я сама удивлена. Брат никогда не страдал сердцем. Он всегда любил спорт и уделял ему немало времени.

Я никогда не умел говорить нужные слова, особенно выражать соболезнования.

– Я знаю, тебе тяжело... Если можешь, пожалуйста, расскажи мне о нем.

Ди снова по мужски вытерла глаза обратной стороной ладони и утвердительно качнула головой:

– Что ты хочешь услышать?

– Все, что знаешь о снах.

– Ничего. Практически ничего. Но твой рассказ многое поставил на свои места. Сережа несколько раз случайно упоминал Хозяев и необыкновенные сны, но я не придавала этому значения. Я почти каждый день приезжала к нему домой. Брат практически не выходил на улицу – стеснялся своего лица. Врачи сделали что могли но... Когда я увидела его в первый раз, то чуть не упала в обморок. Он очень переживал... Сам понимаешь, брат относился к тем красавчикам, за которыми косяками бегают девчонки... а превратился в страшного уroda, который вынужден прятаться от людских

глаз.

Теперь я понимаю, чем были вызваны непрерывные разговоры Десятки о женщинах, почему он так трепетно относился к своей внешности во снах. То, что он умер этой ночью, скорее всего не является совпадением. Слишком уж все складно выходит. Значит все наши умерли и в реальности. Смерть во сне приводит к смерти в реальности. Причина смерти может быть другой, но результат тот же. Но тогда почему я жив? Исключение? И опять же возвращение... Выйти из сна без медальона и транспортного модуля невозможно! Но я то вышел.

– У меня глупый вопрос. Очень глупый, – говорю, испытывая неловкость.

– Слушаю.

– Почему ты, не смотря на смерть брата, пришла сегодня ко мне? У тебя ведь забот должно хватать. И ты так держалась... улыбалась, спокойно разговаривала со мной. Вот только глаза тебя выдали.

– Я всего лишь выполнила свое обещание. А насчет улыбалась... Смерть брата это мое горе, личное. Оно не должно выплескиваться на окружающих людей. К тому же, это уже свершившийся факт и бесконечными рыданиями мне его не вернуть.

– Ты всегда так поступаешь? – спрашиваю с невольным уважением.

– Как так? – не поняла девушка.

– В смысле ты всегда выполняешь то, что обещаешь?

Если она сейчас соврет, я буду очень разочарован.

– К сожалению нет. Иногда обстоятельства бывают сильнее.

– Бывают, – для меня эта фраза имеет совершенно другой смысл. – Когда похороны?

– Завтра в двенадцать на центральном кладбище.

– Я буду.

– Тогда, до завтра, – она поднялась из-за стола. – Мой тебе совет – не ложись спать. Хотя бы сегодня. Может быть, завтра что-нибудь вместе придумаем. Не ложись. Ладно? Я не хочу, чтобы с тобой тоже... – она осеклась и принялась неловко закрывать баночку с вареньем. – В холодильник убери, а то испортиться может.

– Уберу.

Захлопнулась дверь и я снова один.

Скорее всего, сны ушли из моей жизни навсегда. Я никогда больше не услышу властный голос Дамы, не возьму в руки оружие, не окунусь в адреналиновый шторм. Жаль. Очень жаль. Но как бы в качестве компенсации за потерю, в моей жизни появилась Ди. Я не строю никаких иллюзий, нет. То, что я калека забываю лишь тогда, когда сижу или лежу в удобном положении, и не болит нога. Мне будет достаточно просто видеть эту девушку, говорить с ней. Ложь! Нехорошо врать, тем более самому себе.

Глава 9.

Ненавижу похороны. Ненавижу с того момента, как умер отец. Я, тогда как раз успешно завершил летнюю сессию второго курса и уже предвкушал совместную поездку в Карпаты. Отец давно обещал взять отпуск и отправиться со мной в небольшое путешествие по горам, которых напрочь лишен наш приморский город. Мы любили странствовать вдвоем. Билеты были взяты заранее, рюкзаки почти что упакованы. Я чуть ли не вприпрыжку мчался домой через парк, заполненный гуляющими парочками. На удивление отца дома не оказалось. Не пришел он и вечером. Утром, после бессонной ночи, мне позвонили и сообщили, что он разбился. ДТП – дорожно транспортное происшествие. Всего три буквы и столько горя и слез стоящих за ними.

Уже на похоронах его коллеги рассказали мне как все было. Отец возвращался в город на бортовом Кразе доверху груженном красным кирпичом. Они весь последний месяц выполняли крупный заказ для какой-то строительной организации. У въезда в город, на обочине перед небольшим мостиком через глубокий овраг пристроился пошарпанный москвиченок. Водитель ковырялся под капотом, а женщина и ребенок с мячом в руках стояли рядом. Как выяснилось позже, в этот момент жена пилила мужа за то, что он истратил все отложенные деньги на покупку этой развалюхи, кото-

рую необходимо чинить через каждый километр. Муж слабо огрызался и мысленно проклинал общительного кавказца в безразмерной кепке-аэродроме на авторынке, все-таки убедившего его, что машина – зверь и пробегает безо всяких проблем не один десяток тысяч километров. Родители даже не заметили, когда выронивший мячик пятилетний малыш выбежал вслед за игрушкой прямо под колеса тяжелогруженого Краза. Отец мог бы просто попытаться затормозить. Может бы и успел остановиться. Но он выбрал единственный вариант, при котором ребенку ничего не угрожало. Снеся ограждение моста, Краз рухнул в овраг. От кабины практически ничего не осталось. Сперва удар о землю а потом рухнувший сверху груз кирпичей превратил ее в измятую пивную банку, которую опустошив, скомкали рукой. Отца хоронили в закрытом гробу.

Я умышленно опоздал, не желая видеть процедуру погребения.

У свежего холма раскисшей земли прикрытого несколькими венками застыла одинокая фигурка Ди. Вокруг лишь густой лес надгробных памятников и пошатывающиеся силуэты землекопов в конце мощеной плиткой дорожки.

Опираясь на подаренный вчера костыль, подхожу ближе. Не смотря на морозящий дождик, Ди без зонта. Обычно растопыренный ежик светлых волос, превратился в некоторое подобие мокрого берета. Капельки дождя, скользя по

щекам, конкурируют в слаломе с редкими слезинками. А может это вовсе и не слезинки. Не похоже, чтобы девушка плакала. На ее лице застыло упрямое выражение, как будто она не согласна с тем, что произошло и собирается подать протест.

– Простудишься, – прикрываю ее своим выдавшим виды потертым зонтом.

– Я думала ты уже не придешь, – глухо звучит ее голос под шепот дождя.

– Я не мог не придти. Подержи, пожалуйста, зонт.

Осторожно, мелкими шажками, чтобы не поскользнуться на превратившейся в кисель земле подхожу к могиле. Скучный букетик стойких астр ложится между двумя венками. Мимоходом читаю надписи на лентах. «От союза ветеранов». «Любимому племяннику Сергею...» У изголовья стоит круглый венок, увитый черной лентой, лишенной каких-либо надписей. На черном фоне всего лишь один неразборчивый рисунок. Даже не рисунок, а краешек какого-то значка. Я уже готов развернуться и уйти из этого мрачного места, но венок тянет меня как магнит. Рука еще только касается ленты, чтобы повернуть, а я уже знаю, что там увижу. Промокшая ткань распрямляется и перед моими глазами появляется знак пик. Обычная карточная символика так неуместно выглядящая в подобном месте.

– Где она? – кричу, одновременно взывая от боли, из-за неловкого движения.

– Кто? – непонимающе смотрит из под зонта Ди.

– Здесь была женщина в кресле-каталке?

– В чем?

– В инвалидном кресле.

– Да. Уехала незадолго до твоего появления. Она не смогла сама положить венок, коляска завязла в грязи, поэтому попросила меня. А что случилось?

– Это была Дама, – чуть ли не простонал я. – Опиши ее подробнее. Я хочу быть уверенным.

– Та самая? – округлила глаза Ди.

– Да-да. Как она выглядела?

– Ну не знаю. Она в коляске была. Больше ничего не помню. Как-то не до этого было.

– Ну, хоть что-нибудь ты запомнила? Волосы, лицо, глаза?

Мой крик полон холодной злости. Даже неторопливо шествовавшие землекопы остановились и обернулись в нашу сторону. Обычно принято в таких местах разговаривать тихо, но мне сейчас наплевать на то кто и что подумает! Мне нужна информация! Кровь износу нужна!

– Обыкновенная женщина...

– Ну не можешь же ты совсем ничего не помнить. Глаза же у тебя есть?

– Есть, – потупилась девушка. – Дима, не кричи на меня, пожалуйста.

– Я не кричу!

Мне хочется ухватить ее за плечи и трясти до тех пор, пока

не узнаю что хочу. Я должен быть уверен, что женщина в инвалидной коляске – Дама. Не знаю, что это мне даст... и кто кроме нее мог приехать и положить такой венок...

– Кричишь, – тихим укором льется ее голос.

– Хорошо, я не буду кричать.

Беру себя в руки, и стараюсь говорить потише. Кажется, что от напряжения я превращу деревянную рукоять костыля в жменю щепок.

– Глаза... – потеряла лоб Ди. – У нее были необычные глаза.

– Какие необычные?

– Как лед. Холодные. Когда она взглянула на меня, даже как-то холодно стало. Как будто насквозь видит. И еще попросила у меня прощения. Я поинтересовалась за что, а она так ничего и не ответила.

– Она. Нет никаких сомнений.

Вероятно, что и Дама живет в этом городе. Удивительное совпадение – три карты и все в одном городе. Не проста это. Три из шести! Слишком много для обычного совпадения. Скорее всего, остальные жили тут же. Они погибли во сне значит мертвы и в реальности. Но Дама то жива. Ее можно найти и... А вот что дальше не знаю. Показать Ди убийцу брата? Так ей от этого легче не станет. Отомстить? Не уверен, что этого хочу. И еще... подобное поведение несвойственно для той Дамы, которую я знаю. Прийти на могилу карты положить венок, извиниться перед его сестрой... Нет,

Дама из снов никогда бы так не поступила. Я до сих пор помню ее слова : "Он всего лишь один из нас. На следующей миссии у нас будет новая колода". Для нее жизнь карты ничего не стоит. Там, во сне, она не задумываясь всадила стрелу Десятке а тут прикатила на похороны да еще и с веночком и перед его сестрой извинилась. Как будто два разных человека. Но описание то сходится.

Наверное, именно такая сентиментальность меня и настрожила. Не зря же я так завелся. Вполне может быть, что именно сон изменяет человека. Находясь в нем мы становимся совершенно другими, а выходя вновь приобретаем нормальные человеческие черты.

– Дима, пойдем от сюда, – тихо попросила Ди.

– Да-да. Сейчас, – с трудом вырываюсь из замкнутого круга мыслей. – Ты знаешь, что она?..

– Я все поняла, – тихо перебила меня Ди. – Мне нужно время, чтобы подумать, а пока давай не будем об этом.

Девушка берет меня под руку и, теснясь под одним зонтом, мы медленно, идем к выходу. Фотографии с надгробных плит провожают нас тоскливыми взглядами.

Наверняка, если поискать, то здесь в свежих рядах найдутся Семерка, Восьмерка и Девятка. Но я не хочу этого. Боюсь. Мне неловко, что они уже тут, а я все еще жив по неизвестным причинам. Всегда тяжело быть исключением из правил. Я должен был занять место рядом с ними, но почему-то жив. Словно под крылом всемогущего ангела-храни-

теля.

Я боюсь наткнуться на их фотографии в окружении лент и пластмассовых венков, потому, что с них на меня будут взирать глаза полные укора. Это, конечно, все глупости, но я все равно боюсь, словно маленький ребенок.

Глава 10.

За всю дорогу до бара «Кардинал» мы не произнесли ни слова. Я, озадаченный последними событиями, размышлял, покачивая головой в такт лившейся из динамиков авто магнитолы ритмичной музыки. Ди сжав губы, не отрывала глаз от дороги. Потоки грязной воды из-под колес встречных машин раз за разом обрушивались на лобовое стекло и тут же разбегались в разные стороны под натиском дворников.

Мелкий дождик решил стать постоянным жителем города. Он усердно пытался умыть серые лики выстроившихся вдоль проспекта хмурых многоэтажек. Серый мир, серые дома, серые люди. Напрасно старается дождик, этот цвет намертво въелся в штукатурку и умы. Как-то в детстве я прочел замечательную книгу о волшебнике Изумрудного города. Все жители этого города обязательно должны были носить зеленые очки. Именно эти очки превращали их самый обычный город в чудесную сказку полную волшебства. Может и у меня так? Может, наш мир прекрасен, полон радости и света, а я, глядя на него сквозь серые дымчатые очки, всего

этого не замечаю. Но стоит лишь их снять, и все станет как прежде. Просто сказать, да трудно сделать.

Ровно в два тормоза старенького Вольво скрипнули у входа в бар.

– Зачем мы сюда? – спрашиваю у хмурой как окружающий мир Ди. – Ты сегодня работаешь?

– У меня выходной. В связи с... – она запнулась, словно не в силах продолжить.

– Понял. Пошли.

Первым вылезая из машины под морозящий дождь. Опираясь на палку, медленно обхожу вокруг машины, и распахиваю дверцу.

– Что? – отсутствующе глянула на меня Ди пустыми глазами.

– Ты хотела зайти в бар, – напоминаю, протягивая руку.

Ди вяло кивает, и вылезает из машины приняв мою руку.

Преодолеваем несколько метров под настырным дождем и оказываемся в теплом уюте бара, наполненном аппетитными запахами и музыкой.

– Привет Михей, – приветственно машу бармену, переступив порог.

– Привет, привет, – потянулась ко мне навстречу крепкая рука из-за стойки. – Ты у нас уже почти легендой стал. Помнишь, когда ты тут геройствовал, за столиком стайка студентов сидела?

– Как же, помню.

– Так они меня уже достали. Все твой телефон требуют. Дон Кихотом кардинала тебя окрестили! Звучит а?

Пожимаю протянутую руку и улыбаюсь в ответ:

– Звучит, ничего не скажешь.

Ди лишь хмуро кивнула Михею, проследовав к единственному свободному столику в дальнем углу небольшого зала.

– Ты в курсе, у нее брат...

– Знаю, – не дал я договорить бармену. – Лучше при ней эту тему не затрагивать.

– Конечно-конечно, – закивал головой крепыш.

Медленно шествую между столиками, за которыми культурно заседают народ. Некоторые зашли сюда пообедать, некоторые просто отдохнуть.

– Как ты? – сажусь в неглубокое креслице напротив девушки.

– Нормально, – кивает Ди. – Для имеющейся ситуации нормально. Могло быть хуже. Дима, давай напьемся. По настоящему. Вдрызг.

– Ну, если ты хочешь, – неуверенно соглашаюсь. – Но есть одна трудность.

Не люблю расписываться в своей некредитоспособности и еще больше не люблю пить за чужой счет.

– Заказывайте, – прощепетала над ухом щупленькая официантка. – Ой, привет Ди. А я тебя сразу и не узнала.

– Привет. Как сегодня день? – исключительно ради при-

личия поинтересовалась Ди.

– Бурный, – шмыгнула носиком девушка. – Народа тьма, не смотря на погоду. Что заказывать будете?

Ди бросила на меня вопросительный взгляд.

– У-у-у, – глубокомысленно изрекаю, одновременно пытаясь найти выход из щекотливой ситуации. Что спрашивается можно заказывать, имея в кармане ровно на одну пачку сигарет?

– Заведение угощает, – выручил меня голос Михи из-за плеча. – Дон Кихот, ты создал хорошую репутацию моему заведению. Считай, что это материализованное спасибо.

– Пожалуйста, – растягиваюсь в радостной улыбке, почувствовав, как рухнул с души тяжелый камень. – Тогда чего-нибудь мясного, грибного и спиртного.

Официантка насмешливо стрельнула глазами в мой адрес:

– Мясные пальчики с начинкой из маслят сойдут?

– Сойдут, – милостиво соглашаюсь.

– Мне тоже самое и бутылочку смирновки, – заказала Ди.

– Миха что действительно хозяин бара? – интересуюсь у Ди, когда официантка отправляется за заказом.

– Он с детства мечтал быть барменом. Вот и воплотил свою мечту в собственном баре.

– Ну и ну, – удивленно качаю головой. – Бывают же чудачки.

– Побольше бы таких чудачков. Не так часто встречаются счастливые люди, сумевшие реализовать свои мечты.

– Это точно. Пожалуй, он единственный из тех, кого я знаю.

– А о чем мечтаешь ты? – поинтересовалась Ди.

– Даже не знаю, – отвечаю подумав. – Список длинный.

– Всегда есть что-то приоритетное. Стоящее на первом месте. То, без чего жизнь кажется невозможной.

– Хочу разобраться со снами! – отвечаю неуверенно.

– Я думала ты мечтаешь о другом.

Ди красноречиво глянула на мою искалеченную ногу, выглядывающую из-под стола.

– И об этом тоже, но сны в первую очередь.

– Ты странный, – как-то загадочно посмотрела на меня Ди. – Очень странный.

Успеваю выкурить сигарету, пока на столике появляется наш заказ: аппетитные пальчики с грибами украшенные зеленью и запотевшая бутылка водки.

– За Десятку Пик, – поднимаю рюмку, предварительно плеснув немного водки на пол.

– Не нужно так, – останавливает Ди. – Я понимаю, для тебя он был боевым товарищем. У вас так принято, но я очень прошу – давай сегодня обойдемся без этого. Я просто хочу напиться вдрызг. Нужно мне это сейчас. Понимаешь? Иначе сорвусь. Внешнее спокойствие требует определенных усилий.

– Иногда лучше ужраться в дым, чем причитать, уткнув-

шишь головой в подушку.

– Ты все правильно понял. Именно этого я и хочу избежать.

Она, не поморщившись, опрокинула рюмку.

– Знатная водочка, – выдохнув как дракон струю пламени, одобрительно качаю головой.

– Миха очень серьезно относится к своей работе. У нас паленки не бывает, – заметила Ди.

– Уважаю!

Наливаю по второй и приподнимаю рюмку в сторону бармена. Он замечает мой жест и кивает головой. Через несколько секунд в его руке появляется большой стакан с прозрачной жидкостью. Взмах в мою сторону и содержимое ныряет в рот.

– Минералка, – шепнула Ди. – Миха не пьет.

– Главное не что и где. Главное с кем, – выдаю на гора услышанную в горном поселочке от белого как молоко горбоносого старейшины мудрость. – Главное что? Чтобы человек был хорошим, а водка неразбавленной.

Спиртное неожиданно быстро бьет в голову и развязывает язык. Каждая новая порция все больше и больше способствует хаосу в мыслях и независимости от мозга в языке.

– Ты ее любишь? – неожиданно серьезно спрашивает Ди.

– Водку? Не люблю. Особенно завтра с утра не люблю.

– Я про Даму.

– А с чего бы этот вопрос? – с ехидцей спрашиваю у двух

симпатичных девушек с короткими стрижками, сидящих напротив меня с рюмками в руках. Строит встряхнуть головой и их количество сразу же уменьшается наполовину.

– Ик-ик. Ик-терсно.

– Убью суку! – громко заявляю на весь бар, чем привлекаю к себе осудительные взгляды. – Эта падла Серегу...

– Тс-с-с, – прикладывает палец к моим губам Ди. – Здесь серьезное заведение и шуметь не принято.

– Уговорила, – киваю головой, чуть не задев бутылку. Вторую? Или может это уже третья? Хотя, кой черт разница. – А Даму не люблю. Она меня обманула. В общем она никакая... никаку... никакая не герла а самая настоящая чувиха. Редиска! Во! Ди?

– А? – подняла голову со стола собеседница и сфокусировала на мне сперва левый, а с секундной задержкой и правый глаз. – Ты кто?

– Я!

Попытка поймать маленького масленища застрявшего в ее волосах чуть не закончилась ампутацией глаза с помощью вилки. После третьего промаха я плюнул на это дело, при этом метко попав в мужика за соседним столиком с умным видом что-то ищущего в своей тарелке. В ответ прозвучала глубокомысленная тирада посвященная хамству, поведению и плеванью в общественном месте. В ответ я пообещал мужику оторвать ему общественное место и засунуть ему же в рот, а в придачу добавил еще что-то. В общем покраснел

даже Миха.

– Пошли домой! – наконец созреваю, с удивлением обнаружив что охотился не за масленишем а за маленькой заколкой неизвестно откуда взявшейся на коротком ежике Ди. Ах да, вспомнил, она реквизировала ее у официантки для фиксации на голове цветка, который я сделал из использованной после мясных пальчиков салфетки. И вроде даже очень не дурно получилось.

– Поехали!

– Нет, пошли. Лучше одну остановку пройти пешком, чем... чем... – мысль куда-то потерялась в хмельном хоро-воде. – В общем лучше плохо доползти, чем хорошо не до-ехать.

Чмокнув на прощание Мihu в недовольно сморщенный лобик, вываливаемся в осеннюю сырость и, выписывая невероятные кренделя ногами и костылем, кое-как движемся в сторону дома. Где-то на десятом шаге я ощутил какой-то дискомфорт в одной из ног и решил все же отобрать костыль у Ди, а заодно объяснить, что это не клюшка и вообще пулять консервной банкой как шайбой в прохожих некрасиво потому что у них нет соответствующей хоккейной экипировки и в случае чего судья посадит нас на скамейку штрафников и заставит пить штрафную. Прохожие почему-то шарахаются от нас со странными выражениями на лицах. Наверное, они хоккей не любят.

У входа в подъезд мы потратили некоторое время, чтобы понять в какую сторону открывается дверь. К счастью проходившая мимо старушка, пригладив пышные усы, вежливо объяснила нам басом, что в трансформаторной будке нам делать нечего так как там никто не живет. Мы выпытывали у нее почему за такой красивой железной дверью никто не живет до тех пор, пока она нас куда-то не послала и, поправив на голове кепку, не потопала восвояси.

Зов природы пришел как всегда неожиданно и в самый неподходящий момент. Ощувив крайнюю необходимость немедленно уменьшить собственное водоизмещение, я завертелся в поисках подходящего места.

– Подожди, – прошу Ди. – Дело государственной важности.

– Тс-с-с, – приложила она палец к глазу. – Болтун находка для шипоина.

Найдя подходящее место, совершаю паломничество.

Через несколько минут я уже снова рядом с Ди.

– Я уже, – оповещаю ее полным счастья и воздушной легкости голосом.

– Ты куда ходил?

– Под себя.

Расплываюсь в улыбке, довольный собственным остроумием.

– В том теремке, за который ты ходил под себя окошек

случайно не было?

– Не заметил. Может, и были. А что?

Вместо ответа Ди ткнула пальцем в пару подростков с пачкой сигарет, выбирающихся из шедевра деревянного зодчества – детского теремка. Они почему-то ругаются нехорошими словами и рьяно отряхиваются.

– Пардон, – краснею осененный догадкой по поводу их поведения. – Ошибочка вышла.

– Вот так и погиб "Титаник", – с грустинкой в голосе сказала Ди, склонив голову набок. – А они талдычат айсберг, айсберг.

– Во-во! Правду от народа скрывают.

Тут я увидел дверь в подъезд, умело замаскированную под окно второго этажа и рванул вперед, увлекая Ди за собой. Она почему-то сопротивляется, норовя выдернуть ухо из моей руки. Но куда же делась лестница? Точно помню, когда выходил она здесь была. Если бы пришлось с такой высоты прыгать, однозначно бы запомнил.

Глава 11.

Когда я проснулся утром, стрелки настенных часов застыли на пол одиннадцатого, и идти на работу было уже поздно. На столе меня ждала записка, бутылка минералки, пачка аспирина и две банки чешского пива.

– Волшебница! – простонал я, держась двумя руками за

гудящую голову.

Не смотря на хваленое качество водки с утра было как обычно. Похоже дело не в качестве, а в количестве усугубляемого. И сколько же мы вчера выпили? Посиделки в баре вспоминаются с большим трудом, как будто это было не вчера, а как минимум год назад. Точно помню, что промахнувшись этажом, молотил костылем по двери чужой квартиры, после неудачной попытки попасть ключом в замочную скважину, а когда на пороге появился хозяин, начал доказывать, что он неправомерно занял чужую жилплощадь. В ответ нас послали так далеко, что я сразу же нашел дорогу домой, предварительно потребовав сатисфакции. За неимением белой перчатки я обошелся черным носком. Надо бы зайти к соседу и извиниться. Не хорошо как-то вышло. По свински.

К своему большому удивлению проснулся я на полу, завернутый в одеяло наподобие куколки гусеницы, готовящейся превратиться в бабочку. Бабочка конечно из меня некудышняя. То, что вылупилось больше похоже на пожеванного таракана. Значит косил под джентльмена и уступил Ди место на диване. Это правильно.

– Напиток завтрашнего дня, – изрекаю, откупоривая банку, и беру со стола записку.

« Спасибо. Я на работе. Завтрак на кухне. Встретимся в 15.00 у бара. Пока»

– Пока, – пробурчал, отрываясь от банки. – Только вот за что спасибо?

На кухонном столе меня ждет прикрытый чистым полотенцем завтрак. Наличие чистого полотенца меня удивило больше чем набор продуктов, перекочевавший на стол явно не из моего холодильника. Гренки, ветчина, голландский сыр и вареные яйца выглядят настолько аппетитно, что я чуть слюной не подавился. Отдельно стоит банка хорошего кофе и упаковка сливок.

Значить перед уходом Ди сбегала в магазин и обеспечила мне счастливое пробуждение. Вот умница. Золотая девушка. И пиво выбрала очень правильное. Я такого уже давно не пробовал. На зарплату простого рабочего особо не раскошелишься.

– Михалыч меня со свету сживет, – обречено размышляю, прихлебывая на кухне вторую чашку кофе. – Сгноит. Три прогула подряд безо всяких оснований. Выгнать не выгонит, но шею намылит, это точно.

Тяжело вздохнув, отправляю в рот последний кусочек ветчины и начинаю меланхолично перемалывать его зубами. До пятнадцати нуль-нуль еще масса времени и надо провести его с пользой. Программа минимум – поубирать в квартире, программа максимум – плюс вынос мусора и мелкая постирушка.

Потусовавшись минут десять у входа в бар и вдоволь на-смотревшись на рекламные надписи на стеклах гастронома через улицу напротив, решаю все таки поискать Ди внутри. Мало ли чего, сменщица задержалась или еще что. Пункту-альность и реальная жизнь временами несовместимые вещи.

Увидев меня, приветственно махнул рукой Миха.

– Привет, – киваю в ответ.

– Как здоровье? – с улыбкой интересуется он, попутно колдуя над каким-то коктейлем.

– С утра поправил и полегчало.

– Хорошо вы вчера посидели, – еще шире растягивается Миха в улыбке. – Особенно мне понравилось, когда ты с по-мощью костыля изображал заходящую на цель... как там вы ее называете?...трещетку?

– Вертушку, – хмуро подсказываю. – И как это смотрелось со стороны?

– Улетно! – хохотнул Миха, сливая содержимое бутылок с пестрыми наклейками в шейкер. – Пропеллер из костыля получился отпадный. Но больше всего мне понравился ра-кетный залп.

– Чем... залп? – спрашиваю, затаив дыхание.

Чувствую, что лицо не зависимо от моего желания покрыв-ается пунцовыми пятнами стыда.

– Шпротиной.

– Так мы еще и шпроты ели?

– Да чего вы только не ели, – тяжело вздыхает Миха. –

Никогда не думал, что худые столько едят и пьют. И куда оно в тебя влезает? Вот мужика за соседним столиком оплевал ты зря.

– Миха, ты прости... – извиняюсь, приложив руки к груди.

Терпеть не могу просить у кого либо прощения, но в данном случае я основательно не прав. Человек решил меня угостить а я, кроме того, что сожрал кучу всякой разности, выпил порядочно, еще и ракетные удары шпротными зарядами устраивал и плевался в посетителей. Не хорошо как-то получилось. Не красиво.

– Ты что? – машет руками Миха перед моим носом. – Это я должен тебя благодарить. Дима, ты не поверишь, но ты, вот тебе крест даю, – он широко креститься шейкером, чем вызывает у меня улыбку, – гвоздем программы был после того, как дошел до определенной кондиции. Мы даже по просьбам посетителей музыку выключили, чтобы тебя не заглушала. В некоторых местах твоего рассказа женщины прослезились. Особенно, когда вы, измученные трехдневным переходом по горам и геморроем, голодные и немые выносили с поля боя своего командира. Честно говорю, как своими глазами все увидел. Тебе бы Дима мемуары писать.

– Ну и что я еще рассказывал? – хмуро интересуюсь у Миши.

– Как вертушки, я правильно их назвал? да? просчитались и в драбадан разнесли позиции своих. Как вы матом крыли страну, пославшую вас в такую задницу, пока вас с воздуха

утюжили...

Наклонившись через барную стойку, хватаю хозяина заведения за грудки и тяну к себе. Ткань пиджачка начинает потрескивать.

– Миха, ты хороший человек, – заглядываю в испуганные глаза. – Именно поэтому я тебе ничего не сделаю.

– Но-но я... я же это...

Мой голос превращается в тихое змеиное шипение. Если бы этот мускулистый парень с добрым лицом знал... Да что он может знать? Все они видели войну лишь по телевизору. Их бы да на броню, калаш в зубы и в горы, где даже кусты тебя ненавидят, потому что ты захватчик. Это грязное слово читается даже на лицах детей, ненавидящих тебя уже только за то, что ты переступил порог их дома.

– Миха, о таких вещах как война не шутят! – мои руки привычным жестом перехлестывают полы пиджака, пережимая горло противника. – Запомни это! Там, в этих гребанных горах гибли мои друзья. Многие вернулись инвалидами! Миха, ты даже представить себе не можешь... Ты хоть раз в жизни видел матерей, встречающих своих двадцатилетних сыновей ставших калеками? Видел? Ты видел их слезы? Почему-то никто и ни когда не смог дать внятных ответов на их предельно простые материнские вопросы! А штабеля цинковых гробов видел?

– Н-е-ет, – хрипит выкатив глаза Миха, и пытается ухватить меня рукой за плечо.

– А я, видел! – Вдыхаю, считаю до десяти, выдыхаю и беру себя в руки. Главное не забывать, что передо мной не противник, а самый обычный человек. – Видел. И врагу такого не пожелаю.

Отпускаю побелевшего парня и аккуратно поправляю на нем пиджак.

– Я, не думал, что ты это так воспримешь, – массирует горло пальцами Миха. – Наверное, неприятно об этом вспоминать?

– Очень, Миха, очень. И давай без обид. Просто ты... ты зацепил растяжку в моей душе, и я взорвался.

– Растяжка? – не понял он.

– Граната, за кольцо которой привязана тонкая проволока или леска натянутая, например, поперек тропы...

– Понял. Можешь дальше не объяснять. Никаких обид, Дима.

– И куда же я попал шпротиной? – возвращаюсь к началу разговора.

Миха снова, как будто ничего и не случилось, растянулся в довольной улыбке:

– В бокал с шампанским дамы за соседним столиком. Это было еще до рассказов. Ее спутник, амбал невероятных размеров попытался было на тебя бочку катить. Не знаю, что ты там ему сказал, но утих он мгновенно и даже твою шпротину вернул.

– Почти ничего не помню, – сдвигаю плечами. – Как-то

многовато событий для одной попойки получилось. А как все культурно начиналось.

– Так всегда бывает. Я этого насмотрелся, но говорю честно – ты Дима уникам. Не смотря на, – он ткнул пальцем в сторону искалеченной ноги, – ты машина. Машина смерти. Даже страшно становится от осознания того, что из вас сделали.

Вспоминаю, за чем пришел.

– А Ди где?

– Ушла?

– Давно?

– Минут за тридцать до твоего прихода, – Миха снова занялся коктейлем. – Сказала, что невероятно хочет спать, и ушла.

К стойке подошла длинноногая брюнетка в некоем подобии мексиканского пончо на плечах.

– Кровавую мери, – томным голосом произнесла она, усаживаясь на высокий стул рядом со мной.

– Минуточку, – засуетился Миха в своем алкогольном царстве.

Приятно смотреть на то, как он работает. Похоже, что это действительно призвание. Я бы в жизни не смог так изящно крутануть в руке бутылку водки или ... В общем каждому свое. Если человек занимается тем, что ему нравится и это у него получается – это замечательно. Каждому бы так.

– Молодой человек, – обратилась ко мне брюнетка, одарив

влажным взглядом, – вас случайно не Дмитрием зовут?

– Твоя работа? – в пол голоса рыкаю на Миху.

– Твоя Дима, твоя, – не отрываясь от процесса приготовления коктейля, отшучивается бармен. – В отличии от Ди ты пьянеешь слишком быстро. Она дольше продержалась.

– Мне подружка рассказала о вас. Вы вчера тут...

Прощально махнув рукой, на всей возможной для меня скорости покидаю бар «Кардинал». Мне кажется, что щеки пылают как красный сигнал светофора на ближайшем перекрестке. Итак, я стал достопримечательностью бара. Колченогий менестрель, слагающий баллады о славном прошлом. А что же будет, если этот менестрель сбациает балладу о своих текущих деяниях? Со сцены прямиком в дурку?

Не спеша ковыляю домой мысленно ругая Ди. Ведь сама же предложила в записке встретиться у бара и вот так неожиданно умелась спать. Зачем тогда было предлагать? Хотя нет, скорее всего, я не прав. Всего лишь вчера у нее были похороны брата... потом эпопея в баре, а с утра еще и на работу. Стресс, усталость и все такое. Иногда нервное напряжение сказывается не сразу, а спустя некоторое время. Ну, ничего, пусть отоспится, потом и поговорим. Возможно к этому времени я найду нужные слова и смогу сказать их Ди. Я боюсь, что если эти слова прозвучат неубедительно, то девушка может стать всего лишь одним кадром в невероятно длинной киноленте под названием жизнь.

Глава 12.

Тук-тук-тук.

А не проще ли было нажать кнопку дверного замка? Может, опять малолетки балуются? Не доросли еще до кнопки, вот и стучат в двери, чтобы потом с хохотом убежать. Не понимаю я таких развлечений.

Уменьшаю громкость телевизора «Чайка» с изрядно подсевшим кинескопом и неторопливо ковыляю к двери.

На лестничной площадке освещенной подслеповатой пыльной лампочкой в решетчатом обрамлении никого не оказалось кроме перса тети Галы, сердито блеснувшего глазами из темного угла.

– Кис-кис, – жестом предлагаю коту зайти в гости. – Пепс, зайдешь? У меня кое-что вкусненькое есть.

Этот раскормленный до неприличия кот частый гость в моей квартире. Иногда приятно усесться вечерком у телевизора с чашкой чая. Посадить Пепса на больное колено и просто отдохнуть ни о чем не думая. Окунуться в мыльную пену телевизионных шоу и сериалов. Почувствовать себя частичкой общества потребляющего всю эту сладкую до рвоты кашку-малашку. К счастью такие посиделки у меня бывают крайне редко, а то мозги давно превратились бы в жиденький кисель.

Лениво потянувшись, кот неторопливо, как будто делая

величайшее одолжение тем, что поддался на уговоры умять чего-нибудь, направился к моей двери. На пороге остановился и подозрительно принюхался. В одно мгновение ленивый комок шерсти превратился в маленького, вздыбившегося тигра и с шипением замотылял лапой с выпущенными когтями перед собой.

Ну и ну. Я думал, что этот пушистик кроме как жрать в невероятных количествах и подставлять пузо для почесона ничего больше не умеет.

– Пепс, ты чего?

– Ма-а-ау, – злобно проорал кот и, прижимаясь к полу начал медленно пятиться назад, не сводя с меня перепуганных глаз.

– Киса? – не понял я его реакции.

На всякий случай оглядываюсь внутрь квартиры – никого. С чего бы это он?

Захлопываю дверь и возвращаюсь на свое место напротив телевизора. Экранизация Агаты Кристи это хорошо, а хорошая экранизация это еще лучше. Не смотря на то, что всегда считал, что детективы лучше читать чем смотреть, фильм затягивает. Приближается ключевой момент, который позволит понять, кто же все-таки был убийцей. Непроизвольно затаиваю дыхание, как ребенок в конце страшно интересной сказки.

Тук-тук-тук.

Прорывав что-то нечленораздельное от злости, хватаю ко-

стыль и направляюсь к двери. Вот так всегда. На самом интересном месте.

Рука тянется к замку и тут...

Тук-тук-тук.

Звук идет точно не от входной двери. Может, это всего лишь сосед затеял ремонт и стучит молотком по стене. А я то всполошился. Хотя поздновато уже для ремонта.

Тук-тук-тук.

Теперь нет никаких сомнений, что стучат по закрытой на задвижку двери санузла совмещенного с ванной комнатой. Чувствуя себя полным идиотом, интересуюсь у двери:

– Кто там?

Дожились! С сортирной дверью разговариваю.

– Откройте, пожалуйста, – глубокий голос, раздавшийся из туалета, заставляет меня вздрогнуть не то от удивления не то от какого-то детского страха.

Отбросив куда подальше персонажей детских страшилок приходящих именно из туалета, версию о пришествии инопланетян, поудобнее перехватываю костыль, суеверия суевериями, а безопасность имеет место быть, как говаривал один знакомый прапор, и открываю дверь.

– Добрый вечер.

– Ага, – ошалело поглядываю на шагнувшую навстречу пару. – Добрый... наверное.

Высокий, старик с крючковатым носом хитро подмигнул мне и небрежным движением поправил седые волосы, спа-

дающие на спину длинной перетянутой черной лентой гривой. Добротная борода величественно разлеглась на груди, хвастаясь благородной сединой. Длинный кожаный балахон достигает колен. Лицо распахано глубокими морщинами, но из под кустистых бровей пронзительно смотрят молодые глаза. Такое иногда бывает – смотришь на человека – старик стариком, а глаза как будто и не состарились. Бывает и наоборот. Особенно у детей войны. Смуглый подросток с автоматом в руках призраком появляется передо мной, заслоняя гостей. До сих пор помню его старческие глаза. Не убил бы я его тогда... Да впрочем, чего себя винить. Была война, хоть ее так не принято было называть. Закралась бы тогда в мою душу хоть на мгновение жалость, и срезал бы этот чумазый пацанчик меня очередь. Срезал, не задумываясь, потому, что я для него враг и захватчик.

Тряхнув головой, отгоняю призраков прошлого. Они отходят на задний план и от туда бросают на меня осуждающие взгляды. Одних я убил, других не уберег, третьих лишил надежды или близкого человека. Таков путь солдата.

– Извини если не вовремя, – глубокий голос старика мигом разгоняет тьму в душе.

Рядом со стариком мальчик лет десяти-двенадцати в точно таком же одеянии. Не стриженная копна темных волос спадает на глаза. От обычного ребенка его отличат лишь чересчур серьезное выражение лица.

– Н-ничего, – быстро беру себя в руки и жестом предлагаю

пройти в комнату.

Как только старик с мальчиком оказываются в комнате, с опаской заглядываю в туалет. Ничуть не удивлюсь, если там окажется еще кто-то. Интересно, откуда они тут взялись? Не из унитаза же вылезли? Так диаметр трубы маловат. И запах от них был бы соответствующий. Чертовщина какая-то.

Высокие кожаные сапоги на толстой подошве оставляют грязные следы на линолеуме. В одном из отпечатков прилип необычный листик, похожий на звездочку. Не припомню, чтобы где-то видел такие листы. По крайней мере, в нашем регионе таких точно нет.

Пройдя в комнату, старик неторопливо опускается в скрипучее кресло у журнального столика. Мальчик садится рядом прямо на пол и замирает.

Нет ни малейшего сомнения в личностях моих гостей. Именно их я пытался освободить в последнем сне перед тем, как меня убили. Но как они смогли попасть сюда? Вот так запросто найти меня? Может, я сплю?

– Выпить найдется? – старик устало вытянул ноги.

– Чай.

– Я же сказал выпить, а не попить, – поморщился старик.

– Водка есть, – замер я посреди комнаты чувствуя себя полным идиотом кажется уже второй раз за этот вечер.

– Наверняка паленая, – подозрительно глянул из под бровей старик. – Ну ладно, сейчас.

Он звонко щелкнул пальцами, и как по взмаху волшебной

палочки на журнальном столике появилась пыльная бутылка коньяка, пара хрустальных рюмок и блюдо с мелко нарезанным лимоном.

С трудом удерживаюсь от возгласа удивление. Магия? Без сомнения. Других вариантов быть не может. Не смотря на то, что всегда относился к подобным вещам крайне скептически, считая все это вымыслом желтой прессы и шарлатанством – сейчас уверовал практически сразу.

– Она самая, – как бы прочитав мои мысли, кивнул старик. – Да не волнуйся ты так. Твои мыслишки мне и даром не нужны. У тебя под скальпом кроме набора инстинктов и горы вопросов все равно ничего нет.

Он профессиональным жестом отвернул пробку, и темная жидкость плеснула в рюмки.

– Но как ты... вы?..

– Все вопросы написаны у тебя на лице, – хмыкнул старик и пригубил содержимое рюмки. – Неплохо очень даже неплохо. Это я про коньяк. А то, что касается тебя, – он поплямкал губами и еще раз приложился к рюмке, – то держись ты молодцом. Говоря откровенно, я ожидал худшего. Ты присядь Дима, в ногах правды нет. Выпей. Закуси. Легче разговор пойдет.

Сажусь на краешек кресла с противоположной стороны журнального столика чувствуя себя не в своей тарелке. Я не знаю ни что сделать, ни что сказать. Рука как манипулятор бездушного робота выливает содержимое рюмки в рот. Вол-

на огня опускается в желудок.

– Да кто ж так коньяк пьет, – удивленно восклицает старик. – Тем более такой.

– Кто вы? – наконец-то созрел у меня в голове связанный вопрос.

Мальчик без интереса взглянул сперва на меня, потом на початую бутылку и снова как бы отключился от внешнего мира, перейдя в состояние мраморной статуи.

– А сам ты как думаешь? – хитро прищурился старик и слизнул каплю норовившую скатиться по наружной стенке рюмки.

– Маг?

– Можно и так сказать, но это не принципиально. Зови меня Апокимусом.

– А почему вы?... – вопросы теснятся в мозгу, образовывая километровую очередь. Каждый считает себя перво-степенным и по головам конкурентов пробирается вперед к микрофону. Что-то это мне напоминает...

– Пока ты не задашь мне внятный вопрос, я ничего не могу ответить, – запихивая кружечек лимона в рот кривиться Апокимус. – Предлагаю пойти другим путем.

– Каким?

– Поначалу я рассказываю, а после ты задаешь свои вопросы. Идет?

– Да, – облегченно киваю, радуясь, что проблема с выбором первоочередного вопроса решилась сама собой.

Апокимус расстегнул большие деревянные пуговицы на кожаном балахоне. Под темной кожей мелькнула и сразу же скрылась тяжелая цепь с не то медалью, не то медальоном причудливой формы.

– Чуть не забыл, – звонко хлопнул ладонью по лбу старик. – Спасибо тебе пребольшущее.

– За что спасибо.

– Тогда, на лесной дороге, ты так отважно бросился нас спасать, – еще один кружочек скрывается за крупными белыми зубами. – Я чуть было не прослезился от... от... Дурак попросту говоря ты Дима. Что ни на есть дурак. Но храбрый и благородный. Таких поискать надо. Ты вообще считать умеешь?

– Да.

Этот старик меня задел за живое. Приперся в гости без приглашения, а теперь еще и обзывается.

– Одни против десятерых – не много ли? А если бы еще слух вовремя напряг, то почувствовал бы и приближающийся отряд. Они так шумели, что надо глухим было быть... – он осекся и по-доброму посмотрел на меня. – Но все равно спасибо. Даже не смотря на то, что в твоей помощи мы совершенно не нуждались. Правда, мальчик?

Ребенок утвердительно качнул головой.

– У него, что имени нет?

– Мал еще. Не заслужил, – отмахнулся Апокимус. – Ну да ладно. Об этом потом. Значит, перед тем, как сжечь на до-

роге это бронированное стадо...

– Сжечь? – приподнимаюсь от удивления в кресле.

– Ты все время будешь меня перебивать? Мальчик тоже помог. Так о чем это я? – он задумчиво почесал затылок. – Ах да. Значит, перед тем как всех сжечь, я отправил тебя домой.

– Но меня же убили!

– Если бы тебя убили там, здесь бы ты тоже умер от чего-нибудь. Скорее всего сердце. Именно оно сдает в первую очередь, когда сознание считает, что его убили. Думаю тебе это уже известно.

– Да, знаю. Умозаключение, построенное на натурном эксперименте. Без медальона отправили? Но ведь транспортный модуль?..

– Один и тот же результат можно получить разными способами. Но это уже мои проблемы. Кстати, ты в курсе о происхождении своих знаний и умений?

– Хозяева дают нам их на период выполнения миссии и забирают при выходе.

– Отнюдь. При стандартном выходе отключается, отключается а не удаляется, все лишнее, и вы, просыпаясь, превращаетесь в обычных людей. На самом деле все знания и умения никуда из вас не деваются. Хозяева были бы полными кретинами, – горлышко бутылки звякнуло о край рюмки, – если бы каждый раз занимались столь утомительной процедурой как вписывание огромных объемов информации в че-

ловеческое сознание. Проще это сделать один раз, а потом лишь активировать необходимые куски по мере надобности. Ты даже не можешь себе представить, что значит дать человеку например владение холодным оружием. Различные стили ведения боя, широкий ассортимент инструментов. И это только по холодному оружию, а есть еще прогнозирование, предчувствие, реакция и прочее и прочее. Какие объемы информации и не только стоят за этим и сколько необходимо сделать корректировок в пациенте, чтобы эти знания легли правильно и не конфликтовали с уже имеющимися наработками из реальной жизни, известно только Хозяевам. Каждый из вас по-своему шедевр, созданный умелыми руками.

– Тогда, – меня осенила потрясающая мысль, – если я вышел с вашей помощью, то есть не стандартно, если использовать вашу терминологию, то...

– Абсолютно верно. Ты умнее, чем кажешься, – Апокимус по-отечески ухмыльнулся. – Лови! – рюмка пульей полетела в мою сторону.

Я среагировал практически мгновенно – рывок вперед, рука вверх навстречу стеклянному болиду и... нестерпимая боль в колене, промах и как результат звон разбитого стекла.

– Значит, у меня остались все навыки с предыдущей миссии, – одновременно с восторгом от великолепной реакции и сожалением от неудачного финала вскрикиваю я. – Фантастика!

Если бы не этот случай, возможно, я так никогда бы и не

узнал об оставшихся способностях.

– Реальность. Вот только твое тело не способно реализовывать их. А еще, при большом желании, ты можешь сам открывать в себе заблокированные знания и умения. Правда придется постараться.

– Как?

Я весь в ожидании волшебного рецепта. Изуродованную ногу это, конечно, не вернет, но широкий набор умений из снов может пригодиться в реальной жизни.

– Повеселились и хватит, – серьезнеет Апокимус. – Теперь к делу. Твоя подружка у Хозяев в Форте Ночного Сияния.

– Ди? – От злости бью кулаком по журнальному столику, мигом забыв о чудесах. Столик жалобно стонет, но остается на ногах. – Что с ней? Как они ее смогли похитить? Откуда узнали о ней?

– Никто никого не похищал, по крайней мере в реальности. Она во сне, сидит у окна в одной из башен Форты Ночного Сияния и с тоской смотрит на дорогу в ожидании своего принца. Тебя в смысле. Но как ты сам уже знаешь, во сне может случиться всякое...

– Как, во сне?

– А вот так. Не спроста же ей захотелось спать до такой степени, что пришлось уйти с работы. Сам знаешь, это первый признак сна.

– Знаю, конечно. Но зачем?..

– Только не заваливай меня вопросами. Мне не ведомо, зачем Хозяева втащили в сон обыкновенную девушку и чем вызван их интерес к твоей, говоря честно, совершенно не выдающейся особе. Знаю одно, ты захочешь спасти свою принцессу. Путь будет трудным, поэтому оставляю тебе мальчика. Он знает дорогу и поможет пройти Занавеси. У тебя на пути их будет целых три. Извини, но путешествие придется начинать с места последнего ухода. Тут уж ничего не поделаешь.

– Какая еще занавеска? Почему?.. – мне хочется ухватить старикашку за кожаный балахон и трясти до тех пор, пока не получу всю информацию.

– Спасибо за гостеприимство, – словно не слыша меня, Апокимус поднялся из кресла. – Еще увидимся. У тебя есть час на то чтобы уйти в сон. Ох, совсем забыл, что ты пока не умеешь. И еще эта вечная неразбериха с не связанностью времен... Ну ладно, я втяну тебя в сон, а дальше уж сам...

– А с чего вы решили, что я вообще собираюсь куда-то идти? Пришли, наговорили кучу-малу, и решили, что я, не раздумывая, побегу куда скажете.

– А что, не побежишь? – хитро глянул Апокимус.

– Побегу, конечно, – вздыхаю. – Куда ж я денусь.

– Молодец, – улыбнулся старик. – Достойный поступок.

– Зачем вам все это?

Легкий ветерок качнул пыльные шторы, и старик исчез, как будто его здесь никогда и не было. Свидетельством об

его пребывании остались пустая бутылка с уцелевшей рюмкой и мальчик никак не прореагировавший на уход своего спутника.

– Эй! Куда делся? Стой, кому говорю! – краснея от злости, проревел я и вскочил на ноги, попутно морщась от боли в колене.

Давая выход накотившей злобе, практически без размаха бросаю бутылку в стену. Осколки звенящим дождем разлетаются по комнате. Сразу становится легче.

Мальчик с интересом взглянул на меня, но так ничего и не сказал.

В голове полнейшая каша на поверхности которой плавают мысль о том, что необходимо спасти Ди.

Не смотря на длинную речь мага, особых знаний у меня не добавилось. А вот хаоса в мыслях стало намного больше. И что обидно, забыл спросить самое главное – каким образом мы получаем новые, здоровые тела; кто такие Хозяева; что такое сон; и еще... В общем опять вопросов масса, а вместо ответов догадки и горстка информации одним своим присутствием создающая здоровенный вопрос.

– Ну что, пошли спать? – хмуро смотрю на мальчика.

Он отрицательно машет головой и жестами объясняет, что спать нужно лишь мне. Похоже, что в мир моих снов он доберется своим ходом и в своем теле.

– Немой, – угрюмо констатирую факт, ложась на диван. – Немой попутчик. Что может быть хуже?

Глава 13.

– Ну, вы тут и наворотили! – с непроизвольным уважением в голосе говорю мальчику, бегло осмотрев обугленные трупы людей и лошадей на окруженной почерневшими деревьями дороге. – Почище напалма! Чего ж твой старикашка, если он такой могучий, позволил солдатам связать себя и как беглого раба тащить за конем?

Похоже, что в этом мире с момента моего ухода прошло всего лишь несколько часов. Над трупами еще вьется еле заметный дымок, наполняя воздух тошнотворным запахом.

Мальчик, проигнорировав мой вопрос, без промедления нырнул в придорожные заросли, предварительно призывно махнув рукой.

– Ну, пошли, так пошли, – сдвигаю плечами и, прихватив по пути короткий кинжал у воина больше похожего на черную головешку, чем на человека, отправляюсь вслед за проводником. Оружие лишним не бывает.

По пути провожу ревизию амуниции. С момента последней миссии моя экипировка не изменилась. Кольчуга со знаками различия замковой стражи, легкий шлем, пара кривых мечей, кинжалы, шаманская аптечка и теплый плащ. Как всегда все на месте.

Приятно снова чувствовать себя в здоровом теле. Так и хочется отчебучить что-нибудь этакое...

Не удержавшись, выполняю довольно сложный акробатический трюк: короткий разбег, толчок обеими ногами о толстый ствол дерева и вслед за этим сальто назад с одновременным разворотом вокруг горизонтальной оси.

– Здорово! – радостно втягиваю в грудь холодный осенний воздух, мягко приземлившись на землю как кошка.

Я чувствую работу каждой мышцы. Ощущаю таящуюся в них силу и готовность в любой миг превратить меня из безобидного акробата, каким сейчас выгляжу в глазах мальчика, в страшное оружие. Даже не верится, что менее часа назад, до того как уснуть в реальном мире, я кривился от боли при каждом неосторожном движении.

Мальчик бросил на меня недовольный взгляд и поплотнее запахнув кожаный балахон начал спускаться в глубокий овраг, в котором, судя по звонкому журчанию, течет пока еще невидимый ручей. Хватаясь за тонкие стволы молодых деревьев густой порослью покрывающие склон, медленно следую за ним. Не смотря на все свое совершенство, я двигаюсь намного медленнее мальчика. Его силуэт уже давно скрылся за деревьями, а я все еще тону в толстом слое разносортных листьев, укутавших склон мягким одеялом.

Когда я злой и запыхавшийся оказываюсь внизу, предварительно проделав краткий слалом седалищем по листовенному ковру, то первым делом наталкиваюсь на насмешливый взгляд мальчишки. Он сидит, свесив ноги на сучковатом бревне, перекинутом через не широкий, не более двух мет-

ров, ручей с кристально чистой водой и небрежно играет тонкой палочкой. Я невольно залюбовался его виртуозности. Палочка как живая то перескакивает из руки в руку, то перекатывается между пальцами, превращаясь в иллюзорный веер. Наконец мальчишка толи, наигравшись толи, решив, что произвел на меня достаточное впечатление подбросил палочку вверх и небрежным щелчком, такой обычно обрушивается на лоб проигравшего, переломил пополам.

– Ну ладно, – пузырясь от злости прошипел я. – Сейчас я тебе покажу, что такое настоящее мастерство. Будешь знать!

Кривые мечи высвобождаются из заплечного плена и начинают свой ускоряющийся с каждой секундой танец. Я упиваюсь собственной силой и ловкостью. Сверкающая сталь окружает меня нервно гудящим густоплетеным коконом, в который не сунется ни один здравомыслящий человек. Ноги отплясывают привычный боевой танец, состоящий из молниеносных бросков вперед, неожиданных уходов в сторону и предательски обманных шагов назад, создающих иллюзию отступления лишь для того, чтобы, выбрав удачный момент, бросится в атаку. На мелком песке, покрывающем узкие берега ручья, остаются причудливы следы – руны, повествующие о жизни и смерти храбрых воинов Пик.

Мальчик, шмыгнув носом, и заинтересованный моим мастерством приблизился.

С трудом удерживаю рвущуюся наружу победную улыбку. Утер все-таки нос мальчугану.

Поглядывая из-под спутанной копны волос, он внимательно следит за каждым моим движением, словно стараясь запомнить. Пустое дело. Методика круговой защиты предусматривает возможность предсказания противником моего следующего шага, и именно поэтому в ней нет закономерностей и циклов. На самом деле, конечно, есть, но они настолько глубоко упрятаны, что не видны ни на первый, ни даже на третий взгляд.

Подняв приблизительно метровой длины палку, он одним краем воткнул ее в мокрый песок и сразу же вытащил обратно.

Растягиваюсь в снисходительной улыбке. Десятилетний мальчуган, едва достающий макушкой до моей груди, решил поиграть с взрослым дядей «маркером» в гладиаторов. Ну-ну. Неужто он думает, что солдат ребенка не обидит? Обидеть, конечно, не обижу, но и в поддавки играть не буду.

Сама по себе игра древняя как мир. По римской интерпретации, у одного бойца в руках деревянный меч, а у другого длинная кисть. Соответственно у первого цель – не допустить попадание краски на свое тело, у второго покрасить машущего мечем противника любой ценой. Довольно гуманный способ обучения. Широко используется и в нашей реальности.

В нашем случае «маркером» выступает палка, перепачканная мокрым песком.

Мальчик, покачиваясь из стороны в сторону, неотрыв-

но следит за поющими мечами. Рывок вперед но, наткнувшись на стену стали медленно отступает. Еще рывок, и опять неудача. Неожиданно мальчик бросается мне под ноги одновременно выбрасывая откуда-то из-за спины руку с зажатым камнем-голышом отполированным водой. Свистнувший у виска камень заставляет меня дернуться в сторону и буквально на мгновение ослабить контроль. Мальчик молнией метнулся в образовавшуюся в моей защите брешь.

Радостно улыбаясь, мальчик показал мне язык и победно ткнул пальцем в пятно мокрого песка на моем плече.

– Молодец, ничего не скажешь. Хорошая работа, – одобрительно качаю головой, с трудом удерживаясь от улыбки, боясь обидеть ребенка. Хотя какой он ребенок. Далеко не у всякого воина такая реакция и хитрость. Вот опыта, правда, у него маловато. Это точно. – Но ты кое-что забыл. Мелочь конечно, но на будущее рекомендую обращать внимание. Вниз глянь, а потом уже радоваться будешь.

Мальчик опускает глаза вниз, и улыбка тает как оставленное на солнце мороженное. Один из моих мечей застыл у него между ног, словно раздумывая превратить этого человеческого детеныша одним движением в два симметричных куска плоти или нет, а второй плотно прижался к правому боку, собираясь сделать то же самое, но в горизонтальной плоскости.

– Недооценивать противника – копать себе могилу, – говорю скорее себе, чем ему, пряча мечи в ножны.

Он уныло кивает головой и роняет ставшую бесполезной палку на песок.

– И давай договоримся на будущее, – неожиданно для себя глажу его по голове, – никаких состязаний. Твой старик сказал, что ты мне поможешь, значит, мы в одной лодке. Понимаешь?

Мальчик выскользнул из-под моей руки и одарил взглядом волчонка.

– Может пойдем? – расцветаю в улыбке в ответ на его реакцию.

Опустив голову, он преодолевает лежащее поперек ручья бревно и начинает подъем по склону оврага. Задержавшись для того, чтобы наполнить кожаную флягу свежей водой, следуя за ним.

Сумерки медленно опускаются на полуодетые деревья. Мрачные тени кустов и исполинских дубов зловеще шевелятся под ногами. Почему-то с детства не люблю ночной лес. Мне всегда казалось, что его населяют различные монстры, так и ждущие, чтобы уставший путник прилег отдохнуть. А потом ням-ням-ням.

– Тьфу ты, – отплевываюсь от дурных мыслей.

Мальчик не сбавляя хода, обернулся, но, не увидев ничего интересного кроме меня шмыгнул носом и отвернулся.

Выносливый мальчуган, ничего не скажешь. Мы уже протопали изрядный кусок пересеченной, а местами даже

непролазной местности, а ему хоть бы хны. На протяжении нескольких часов его щуплая фигурка неизменно мелькает впереди меня в зарослях, указывая дорогу.

– Тебе не холодно? – интересуюсь у проводника, накидывая на плечи теплый плащ, позаимствованный в свое время у Дамы.

Мальчик не отвечает, лишь ускоряет шаг.

Эх, Дама-Дама, странная ты тетка и Хозяева твои странные. И старик Апокимус вкупе с немым пацаненком, больше тянут на персонажей детских сказок, чем на реальных существ. Да и события крутятся каким-то дурацким калейдоскопом. Зачем спрашивается Хозяевам похищать Ди и ожидать моего прихода в каком-то форте с нелепым названием? Не мелковат ли я для них? Неужели у Хозяев нет более важных дел, чем играть со мной в бессмысленные игры?

– Ночевать в лесу придется, – капризно ворчу под нос, в очередной раз споткнувшись о корень.

Еле различимый в темноте силуэт мальчика отрицательно покачал головой и ткнул рукой вправо. Посмотрев в указанном направлении, облегченно вздыхаю. Сквозь густые заросли безымянных кустов сиротливо мерцает одинокий огонек.

Меняем направление. Мимоходом замечаю блеснувший в темноте насмешливый взгляд, брошенный в мой адрес. Ну и ладно, пусть думает, что я разнеженный ребенок урбанизации не представляющий жизни без газовой плиты и унитаза с мягкой седушкой. На самом деле я просто не люблю созда-

вать искусственные препятствия и неудобства. Если нужно можно и потерпеть, но всегда приятнее отдыхать в тепле и уюте, чем на холодной земле. На одной из миссий мы около суток шли по грудь в болотистой жиже полной пиявок и другой всякой-разной мерзости, которая пользовалась возможностью, и грызла нас за что придется. До крови, между прочим, грызла, на совесть. В качестве разнообразия нам на голову сбрасывали с этажерок-аэропланов... Эх, чего уж теперь былое вспоминать.

Лес закончился, и мы оказались на обочине широкой утоптанной дороги. Метрах в двадцати приветливо светятся окна большого приземистого дома. Почувствовав запах пищи, ускоряем шаг.

Стены здания сложены из толстенных бревен плотно подогнанный друг к другу. Узкие окна, как и двери, обрамлены толстым брусом. Никаких украшений или резьбы – один голый практицизм. Мох, в изобилии произрастающий на крыше и темнота не дают возможности рассмотреть из чего она изготовлена. Скорее всего, толстые доски внахлест или может быть черепица. Рядом с домом несколько хозпостроек от которых нестерпно воняет не то навозом, не то еще какой-то дрянью. Учítывая городское происхождение, я плохо разбираюсь в подобных вещах.

Хозяин этого дома должно быть немалый храбрец, раз решил поселиться в такой глуши. Разбойников и зверья здесь должно хватать.

Из темноты лениво забрехали собаки, оповещая жителей дома о появлении чужаков. И сигнализации не надо.

Скрипнула толстая дверь, и мы оказались на пороге большой комнаты уставленной грубыми столами и лавками. Закопченный донельзя потолок подпирают несколько колонн бывших в своем далеком прошлом стволами деревьев. Строители даже не удосужились их обтесать и установили прямо с корой. Грубо сложенный очаг, язык не поворачивается это нагромождение булыжников назвать камином, наполняет комнату теплом и дымом, который по идее должен выходить через дыру в потолке, но вместо этого клубится над головами посетителей. Висящие на вкрученных в колоны крючьях масляные фонари вносят свой вклад не только светом, но и вонью. А вонь, можно сказать знатная, с богатым букетом оттенков, в котором есть все, начиная от крепкого запаха пота и прочих еще менее ароматных человеческих выделений и до сладкого бражного духа. В дальнем темном углу наблюдается некое сооружение, выполняющее функции барной стойки, но больше похожее на сколоченный впопыхах эшафот.

Оббежав взглядом комнату, прихожу к грустному выводу, что в «Кардинале» у Михи мне нравится намного больше.

Придорожный кабак, или как принято здесь говорить – постоялый двор, прибежище для путников, которых ночь застала в лесу. Вот только где безопаснее ночевать? Думаю, что под открытым небом было бы намного спокойнее. Интерес-

но взглянуть статистику перерезанных глоток и распоротых животов в этом заведении. Очень подходящее место для разбойничьей базы. А клиенты можно сказать сами в руки идут.

Обрюзгшая рожа хозяина, нависающая над эшафотом, тфу-ты барной стойкой не вызывает ни капли доверия не говоря уже о десятке харь утупившихся в нас из-за столов осоловелыми глазами. Исключением может быть лишь пара солдат-наемников, судя по белым повязкам на шее безработных, угрюмо уткнувшись в свои кружки.

– Кто такие? – заревел басом из своего угла хозяин. – Чего надо?

– Прохожие, – реву в ответ и делаю суровую рожу. – Пищи и ночлега.

– Ну, так чего тогда в дверях торчите? – Тут хозяин раскрыл пошире поросячьи глазки над мясистым похожим на подгнивший баклажан не только цветом носом и рассмотрел мое одеяние. Мгновение и рыхлая физиономия растеклась в приветливой улыбке. – О-о-о, стража лорда Авогинса! Добро пожаловать на постоянный двор Большого Кабана. – Он оперся двумя руками на стойку, и та жалобно застонала под не меньше как сто восьмидесятью килограммами живой массы. – Большой Кабан это я.

– Не большой, а жирный, – громко произнес рябой парень в латаном плаще, чем вызвал слабые улыбки на нетрезвых лицах посетителей. Похоже эта шутка уже себе на бороду наступает.

– Цыц! – гневно колыхнулась туша хозяина. – Мало того, что в долг жрешь и пьешь, так еще и гадости на меня вздумал говорить. Вот как лусну по голове пестиком...

В пухлой руке появился полуметровый бронзовый пестик и с угрозой громыхнул по стойке.

– Да шучу я, шучу Кабан, – приложил руки к груди рябой, опасливо поглядывая на пестик. – Шуток что ли не понимаешь. Шучу.

– То-то же мне! А то развелось умников... – он еще пару раз что-то неразборчиво прогудел и снова сосредоточил внимание на нас. – Проходите гости. Садитесь. Чего изволите?

– Мне мяса и воды, – я запнулся, увидев непонимание в глазах хозяина.

– Ой, шутники вы стражники, – зашелся гулким смехом толстяк. – Ой, уморили. Воды? – Он как ребенок несколько раз всплеснул руками. – Ну, мастер вы шутить. Воды!

Посетители подобострастно загоготали вслед за хозяином

– Вода мальчишке, – шутливо даю спутнику затрещину, и нарываюсь на сердитый и далеко не детский по содержанию взгляд. – Мне вино.

– Хрися, мяса, вино и воду дорогим гостям, – заревел Большой Кабан в прикрытую засаленной шторкой дверь. – Живо!

Усаживаемся за покрытый въевшимися в дерево пятнами не то вина, не то крови стол спиной к бревенчатой стене лицом к залу. Даже под страхом смертной казни я не повер-

нуть к этому отребью спиной. Сбрасываю плащ и неторопливо расстегиваю пряжки перекрещенных накрест на груди ремней, удерживающих мечи. Шлем со звяканьем опускается на стол рядом с парой ножей.

Публика оценивающе смотрит на мои действия. Лишь после того как отвечаю тяжелым, исподлобья взглядом все возвращаются к своим делам. Несколько крестьян шумно споря, продолжили прерванную нашим появлением игру – запрыгали по дощатому столу разноцветные кубики. Наемники снова уткнулись в кружки, а рябой с сотоварищами потребовали еще вина.

Миловидная девушка небольшого роста поставила на наш стол круглую тарель с нарезанным толстыми кусками холодным мясом, посыпанным сверху кусками каких-то овощей и кувшины с вином и водой.

Плеснув в кружку немного вина, делаю небольшой глоток и с трудом сдерживаю гримасу отвращения. Ну и пошло! По цвету и вкусу больше напоминает грязную бурду оставшуюся в цинковом ведре после мытья полов казармы. И такое доводилось пробовать. Не по своей воле, но доводилось. Замечаю хитрый взгляд хозяина, брошенный в мою сторону. Он как будто ожидает чего-то. Но чего? Думай Дима, думай. Как бы себя повел на моем месте стражник из замка.

– Пес презренный! – вскакиваю на ноги с перекошенным наигранным негодованием лицом. Мальчик, уже засунувший в рот кусок мяса с недоумением смотрит на меня. –

Да чем ты стражу поить вздумал? Мочой ослиной?

Не уверен, что аборигены знают, что такое осел (я их здесь пока ни разу не видел), но звучать должно убедительно.

Практически без размаха отправляю глиняный кувшин в голову хозяина. Он, не смотря на внушительную комплекцию, ловко уворачивается, и с интересом изучает растекающуюся по стене винную кляксу. Судя по глубоким зарубкам в стене, он привык уклоняться не только от безобидных кувшинов, но и от более серьезных аргументов.

– Хрися, крыса ты подпольная! – рявкнул толстяк на пробежавшую мимо девушку и отвесил затрещину. – Ты что за вино подала гостям на стол? Лучшее неси, а не то я тебя... – Он повернулся ко мне и подобострастно заблеял, одновременно выковыривая из-за шивороты засаленной рубахи глиняные осколки: Вы простите дуру эту малахольную. Она не разобравшись, не того вина вам налила. Не извольте беспокоиться.

– Ну, смотри мне! – бросаю напоследок на хозяина сердитый взгляд и сажусь на свое место. – Распустились, тут! Отребье толстомордое!

С этого момента все присутствующие потеряли к нам интерес и дали спокойно насладиться холодным мясом и довольно неплохим вином.

Мысленно хвалю себя за правильный поступок. Если бы я не взбунтовался, то хозяин однозначно заподозрил бы неладное. А так я повел себя как и полагается страже – надменной

и зазнавшейся. Из того, что я знаю, стражник лорда может зайти в любой дом, забрать понравившуюся вещь и хозяин только спасибо скажет, что хоть в живых остался. Эх, зря я так рано остановился. Надо было этому борову еще и по харе разок сапогом съездить за неуместные шутки. Но в связи с чем у него возникли подозрения? Может я что-то сделал не так?

Мальчик, блаженно привалившись к стене, начал глубокомысленно выковыривать из зубов остатки ужина отодранной от стола щепкой.

– Наелся?

Он довольно мотнул головой и провел ладонью по шее, мол, дальше некуда.

Я и сам наелся до отвала. Мясо оказалось необычным на вкус, скорее всего из-за незнакомых приправ, но вполне съедобным. Плеснув незаметно для окружающих в кружку воды, запиваю последний кусок. Слишком много вина в таком окружении непростительная роскошь, способная неблагоприятно отразиться на продолжительности моей жизни.

– Еще чего-нибудь хочешь? – спрашиваю у мальчика. – Не стесняйся, заказывай. У меня в кожаном кошельке монетки имеются.

Мальчик скорчил полную страданий рожицу и погладил по набитому животу.

– Понял. Обжорство не порок и негативно влияет только на кошелек.

Он грустным лицом выразил несогласие с провозглашенным постулатом.

Устроившись поудобнее, расшнуровываю на груди кольчугу. Сразу становится легче дышать. Еще дым бы этот убрать... горячую ванну и сигарету. Интересно, что сейчас с Ди? У Хозяев вроде как нет оснований плохо с ней обращаться. И вообще странный способ назначать свидания они выбрали.

– Твой старик, кто он? – спрашиваю, не надеясь на ответ. – Откуда он все знает? И вообще колдуны и маги это всего лишь персонажи детских сказок. Миф. Вымысел. Правда, коньяк был натуральным. Очень даже приличный коньяк.

Мальчик улыбнулся в ответ на мой монолог.

– Ты бы лучше вместо того чтобы скалиться полезное что-нибудь сказал или, в крайнем случае, написал. Например... у-м-м-м... Где мы сейчас находимся?

Мальчик улыбнулся еще шире и ткнул пальцем в лавочку, на которой мы сидим.

– Логично, – хмуро соглашаюсь с неоспоримым доводом. – Тогда хотя бы объясни кто такие Хозяева.

Мальчик пожал плечами.

– Не хочешь? Ну, ладно-ладно, я тебе это как-нибудь припомню. Или, может, не знаешь? Ах, не знаешь, ну это другое дело. Ты не подумай, я не злопамятный. А сам то ты кто? Не зря же тебя старикашка со мной послал. Должна же быть с тебя хоть какая-то польза.

Он откинул упавшие на глаза волосы и с опаской глянул по сторонам. Убедившись, что никто на нас не смотрит, мальчик приложил палец к губам и заговорщицки улыбнулся. Тоненькая ручка высунулась из широкого рукава кожаного балахона. Грязный палец уткнулся в лавку между нами и медленно заскользил по истертой задницами поверхности.

– И что? – не понимающе смотрю на мальчика.

Он указал глазами на лавку. Чувствуя себя обманутым, смотрю, как палец выписывает по дереву витиеватые кренделя. Может он пытается таким образом что-то написать? Но тогда у него для этого слишком мало грязи на этом самом пальце.

Я моргнул... Что за чертовщина? На лавке вслед за пальцем остается глубокая как от ножа царапина, спиралькой закручивается желтая стружка. Тонкий детский пальчик стал как бы призрачным. Сгусток тумана, сквозь который проглядывает что-то совершенно не присущее человеку.

Жалобно взвыли снаружи собаки. Тот час же видение растаяло, а мальчик, втянув голову в плечи, вжался в стену. Глаза панически забегали на побелевшем лице.

– Что случилось?

Наверное, я слишком громко спросил, потому что ответил Большой Кабан:

– Собаки почуяли нечисть. Слышите, как заливаются.

Наемники пододвинули оружие поближе и снова занырнули в кружки в поисках истины.

– Нечисть? – не сдержавшись, переспрашиваю.

Странно, но у меня никаких данных ни о какой нечисти нет. Информация, почерпнутая из сказок не в счет.

– Ну да, нечисть. Упыри, оборотни. Тьфу-тьфу-тьфу, не приди в дом наш, – сплевывает хозяин на пол. – Неужто никогда не слышали?

– Конечно, слышал, – делаю обиженный вид. – Кто ж о нечисти не слышал.

Не хватало еще погореть на каких-то сказочных персонажах. Вот так и разоблачают чужаков. На мелочах.

– Говорят давеча в лесу упырище девчущку обескровил, – с суеверным страхом прошептал рябой, опасливо косясь на входную дверь. – Ни капли кровушки не оставил. Упырище!

– Во-во, – вклинился кто-то из крестьян. – А под Ульоном в прошлом году пара лесорубов пропала. Их потом нашли...

– Да знаем, знаем, – недовольно перебил его хозяин. – Опостылел ты уже с этой рассказню. Волки задрали двух пьяных лесорубов. Эка невидаль. Меньше пить надо было. Это и тебя касается. Зальешь глаза вином и глупостями честных людей в страх вводишь.

– Но я же... – начал было оправдываться крестьянин.

– Чтоб я тебя больше не слышал, – угрожающе колыхнулась туша хозяина и погрозила пестиком. – Ты мне так всех посетителей распугаешь.

Крестьянин умолк и лишь пугливо поглядывает на занявший боевой пост на столе пестик.

Собаки заголосили на этот раз уже издали.

– Убегают! – перепугано прошептал рябой.

– Что-то не так, – прислушался хозяин. – Если бы нечисть подошла собаки в дом полезли бы. А они наоборот убегают.

– Значит, нечисть в свой истинный лик оборачивалась, – шепчет рябой, не сводя глаз с двери. – Когда она в человеческом облике собаки не чувят... А тут почуяли.

– Почуяли, – потянулся хозяин за пестиком.

– Он тут, – процокотал зубами рябой. – Нечисть тут. Поэтому собаки и убегают. Лик свой чуть показал, они и учуяли.

В одно мгновенье все кроме нас и наемников оказались на ногах и начали с подозрением присматриваться друг к другу. Невесть откуда появились широкие ножи и короткие дубинки с железными шипами. Вот-вот начнется резня, рожденная диким страхом.

Рябой уронив на пол кружку, рванулся к двери, намереваясь сбежать, но гулкий бас хозяина остановил его на пол пути:

– Стой! Никто отсюда не выйдет, пока я не выпущу. А ну сынки, подмогните.

Из-за потрепанной занавески бочком выдвинулись два молодых парня точные копии папаши. Такие же широкие лица, свинячьи глазки и свисающие над полными губами мясистые носы. В руках двойные самострелы и сучковатые дубинки.

– Но как, как же, – нервно задержался рябой.

– Уймись, – рыкнул хозяин. – Чужаков здесь только четверо. Все остальные мои завсегдатаи. Право как дети малые дрожите. И хватит друг на друга зверьем зыркать, лучше разберитесь кто из чужаков нечисть.

– Один из чужаков... чужаки... нечисть, – покатился шепот по комнате.

Судя по злобным взглядам, чужаками кроме нас являются наемники.

– Разобрать то как? – не унимается рябой.

Он нашел прибежище за широкими спинами сыновей хозяина и теперь с опаской поглядывает оттуда.

– Может всех... того?.. И не гадать, – один из них красноречивым взмахом дубинки закончил фразу.

– Ты держи на прицеле этих двоих, а ты стражника с мальчишкой, – командует хозяин. – Гадать не будем. Чего невинную кровь на душу брать. Мы ж не душегубы придорожные. Способ есть.

– Железом, – радостно пропищал рябой. – Нечисть сразу обернется от боли.

– Что значит железом?! – я вздыбился и попытался встать, но нацеленный в голову двойной самострел убедил, что не стоит этого делать.

Как-то незаметно посетители разделились на два лагеря. В одном краю комнаты мы и наемники в другом, у стойки столпились все остальные. Наемники словно ничего и не проис-

ходит, продолжают попойку, игнорируя всех и вся.

– Ты уймись стражник. Уймись. Не до твоего гонора сейчас, – говорит хозяин постоянного двора. – Сейчас каждый из вас сделает себе надрез на ладони. Если человек, то переходишь к нам, если нет... Ну тогда не обессудь. Нечисть она и есть нечисть.

– Глупости, – это максимальное недовольство, на которое я решаюсь в данной ситуации. – Да кто вы такие, чтобы меня, стражника проверять? Да я вас...

– В последний раз прошу тебя стражник. Уймись. Окажешься человеком, в ноги тебе поклонюсь и прощенья попрошу. Ты не кипятись так, лучше сам подумай. Среди нас ты человек чужой, неизвестный. А нечисть хитра. Ох, и хитра. Что тебе храбрецу стоит порез на ладони сделать. Увидим кровь – добро пожаловать к нам. Не серчай стражник, сделай лучше как я говорю.

В голосе Большого Кабана переплелись страх перед неизвестной для меня нечистью и гневом стражника. Он знает, чем рискует.

Мальчик наглухо закутался в балахон, и лишь испуганно поблескивает из-под капюшона глазами. Неужели он нечисть? Упырь или оборотень? Мне же тогда не померещилось... и след на скамейке остался... Да и собаки среагировали мгновенно. Значит все-таки он. Сейчас даже не вопрос, что такое нечисть, плохо это или нет, потом разбираться будем. Вопрос один – что мне делать? Мальчишка не пройдет

тест, при условии, что он действителен. Каким виртуозом он не был бы, эта озлобленная толпа разорвет его в клочья. А без него я не пройду какие-то Занавеси и соответственно не доберусь до Ди. Вот же гадская ситуация... Напасть первому? Если постараться, может быть эту толпу я сделаю. Профессионалов, за исключением наемников, скорее всего нет. Обычное быдло, еще и перепуганное до смерти. Плохо, что я ничего не знаю о реакции сыновей Большого Кабана. На первый взгляд они неповоротливые увальни, но это только на первый.

Эх, была не была. Поехали!

Медленно беру со стола нож и подношу к ладони. Сейчас главное попасть в одного из стрелков и уклониться от выстрелов второго. Шансов перезарядить самострел я ему не дам.

Рука выворачивается, как бы собираясь сделать надрез, хотя на самом деле отводится для броска. Положение неудобное, но, думаю, что попаду.

Я как сжатая пружина. Еще мгновение и накопленная энергия освободится в смертельном броске.

Оглушительно громко стукнули о стол деревянные кружки в затаившей дыхании комнате. Наемники неторопливо поднимаются со своих мест. В каждом движении сквозит уверенность и сила.

– Ну что людишки, портки-то подмочили? – с ленивой надменностью поинтересовался один из них, а второй корот-

ко и зло рассмеялся.

И снова, как тогда с пальцем мальчика, тела наемников стали призрачно расплывчатыми, и сквозь них проявилось нечто...

Два размытых силуэта молниями метнулись в толпу, застывшую у противоположной стены комнаты.

Сухо клацнули самострелы братьев. Стрелы затрепетали в стене, так и не поразив цель.

Рябой рванул к двери, но один из силуэтов оказался у него на пути. Мелькнула когтистая лапа, я уверен, что это была лапа, и залитое кровью тело рухнуло на пол. Второй силуэт врубился в толпу, и в разные стороны полетели кровавые ошметки. Прошло не более пяти секунд, а в комнате кроме тех, кто еще недавно был парой наемников, живыми остались лишь мы. Пол покрыт кровью, внутренностями и оторванными конечностями. Запах как на бойне. На губах сладкий привкус дымящейся крови. Вытираю рукавом покрытое мелкими теплыми брызгами лицо.

Мальчик замер рядом с широко раскрытыми глазами. Он неотрывно следит за каждым движением оборотней не то со страхом не то с восторгом.

Последней погибла Христя, сунувшись в комнату на шум. Ее распотрошенный труп лежит на стойке, раскинув руки. На лице застыло удивление так и не успевшее перерасти в страх.

За время резни я успел выхватить из ножен мечи и, опро-

кинув стол создать символический заслон.

– Десерт, – прошипел призрак, неторопливо направляясь в нашу сторону.

Делаю насколько взмахов, как бы говоря, что без боя не сдамся. Руки немного дрожат от страха и предчувствия неизбежной смерти. С таким противником мне вжисть не справиться.

– Он не такой как все, – шипит второй, подбираясь с другой стороны.

– Интереснее будет. Не то, что эти борова, – заметил его коллега.

Сквозь окружающий их туман просвечиваются гибридные тела из страшного кошмара – смесь человека и чего-то отдаленно напоминающего лишенного кожи тигра.

Шансов у меня никаких. Призрачные монстры изрубят меня в капусту, как бы я ни старался. Для меня они слишком быстро двигаются.

– Поиграем! – скриплю зубами, нагнетая в душу так необходимую сейчас злость. Она бурлит, наполняя тело силой. Потоки мощи разделяются, текут дальше и дальше, достигая даже кончиков пальцев. Я как бочка с нитроглицерином – один удар или просто громкий хлопок и накопленная энергия смертоносным цунами вырвется наружу, неся разрушения и хаос.

Мечи начинают танец, сплетая вокруг меня защитный кокон. Работаю на максимально возможной скорости. Сейчас

главное не прозевать атаку.

Делаю шаг вперед, прикрывая мальчика. Как бы там ни было, а мне он нужен.

Хлипкая преграда из деревянного стола и пара мечей – вот что отделяет меня от скорой смерти. Есть еще злость. Нечеловеческая злость к нелюдям. Злость, снятая с предохранителя. Осталось лишь спустить курок.

Два сгустка тумана прижались к земле, готовясь к прыжку. Не снижая скорости мечей, начинаю танец, состоящий из раскачиваний и наклонов, так называемая «березка». В обычном бою он уменьшает вероятность поражения. Не уверен, что в данной ситуации от него будет хоть какая-то польза.

Один из призраков срывается с места, и после короткого разбега прыгает. Воздух наполняется звоном стали, моей руганью и шипением врага.

Курок нажат, и злость вырывается на свободу.

Окружающий мир замедляется. Я начинаю кожей чувствовать пространство, мечущегося в нем врага. Тело работает словно само по себе, четко выполняя невероятные по сложности удары, не имеющие названий и, перетекая как вода, уклоняется от встречных выпадов.

Так длится секунд десять. Противник обескуражено отступает назад. Кажется, что два туманных силуэта переглянулись, как бы задавая друг другу один и тот же вопрос.

– Кто ты? – шипит левый призрак.

Он зло бьет лапой по стоящей рядом скамье, и та раскалывается на две части.

– Меня зовут Дима. В прошлом Шестерка Пиковой Колоды, – тяжело выдыхаю в ответ, не видя причин скрывать свое происхождение.

Я несказанно удивлен тем, что все еще жив. То, что удалось отразить атаку монстра кажется неожиданным хеппи эндом низкосортного ужастика в котором как правило гибнут все люди, а зло торжествует.

В момент атаки во мне проснулась неизвестная ранее сила, обладающая особым набором знаний. Пробуждение было похоже на внутренний взрыв в один миг наполнивший мозг новыми знаниями а тело небывалой силой. Сейчас при всем желании я даже вспомнить не могу невероятные выпады и блоки, которые совершал всего несколько секунд назад. Сила проснулась, просуществовала несколько мгновений боя и снова ушла, словно ее никогда и не было. Бушевавшая злость испарилась, освободив место для других чувств.

Если бы не она... Я реально оцениваю свои силы и возможности, и поэтому уверен – если бы не это внутреннее чудо, монстры распотрошили бы меня как и всех остальных.

– Кем бы ты ни был, приготовься умереть, – прижимается к полу второй призрак. Он нервно гребет лапами на месте, и в стороны разлетаются серпантины стружки из досок пола.

Неожиданно их желтые кошачьи глаза, просвечивающие сквозь окутывающий тела туман, устремляются куда-то

вправо от меня. Э-э-э нет, такими древними уловками меня не возьмешь. Это мы еще в детстве проходили. Стоит только мне отвести глаза от врага, и несколько драгоценных мгновений, которые могут решить исход боя безвозвратно потеряны.

Шипение справа заставляет испуганно дернуться и, забыв о всяких древних уловках повернуться.

Справа от меня застыл мальчик с вытянутыми вперед руками. На самом деле даже не руками а... Из плеч выходят не детские ручки в кожаных рукавах а два уже знакомых сгустка тумана сквозь который просвечиваются лапы с как будто содранной кожей и широкими веерами изогнутых когтей на конце. При желании такими когтями дрова можно рубить. Очень эффективно, между прочим, получится – вместо пяти ударов топором достаточно одного взмаха лапы.

Мальчик снова зашипел, и переместился так, что заслонил меня от врага.

Стою как памятник собственной глупости, не зная, что делать дальше. Похоже, что у призраков положение не лучше. Переминаясь с лапы на лапу, они то переглядываются между собой, то сердито поглядывают на мальчика.

Наконец консенсус достигнут. Все еще недовольно фыркая, и бросая жадные взгляды в мою сторону призраки, направились к телам.

Мальчик положил уже ставшие нормальными руки на гарды моих мечей и указал глазами на дверь.

С отвращением смотрю на призраков, облизывающих кровь с трупа девушки. Убираю оружие и иду впереди мальчика к двери, переступая через лужи крови, в изобилии покрывающие пол. Больше всего мне сейчас хочется вдохнуть свежего воздуха вместо этого густого киселя пропитанного запахом смерти. За спиной раздается хруст и торопливое чавканье. Призраки приступили к трапезе.

С трудом сдерживая тошноту, вываливаюсь наружу в ночной холод. Острый ветер приветствует легкой пощечиной и начинает игру короткими темными волосами. Только сейчас вспоминаю, что забыл забрать шлем, но заставить себя вернуться за ним не хватает сил.

Тихо шепчут, раскачиваясь в безымянном танце дерева. Холодные звезды драгоценными камнями поблескивают сквозь погоняемые ветром-пастухом бесчисленные стада грязных тучек-овечек. Захлопнувшаяся за спиной дверь отрезает меня оттого, что происходит в комнате. Даже думать не хочется, чем там сейчас занимаются победители ночного сражения.

Я весь дрожу, но не от холодного ветра, а от избытка страха в крови.

Ну и мерзость эти призраки, или как их называли ныне покойные клиенты постоялого двора – нечисть, оборотни, вурдалаки. Вот тебе, Дима, и сказочные персонажи. Надо будет мальчику спасибо сказать. Если бы не его вмешательство, то неизвестно как бы все закончилось.

Наибольшее удивление у меня вызывают не недавнишние враги, скорее всего это всего лишь одна из форм жизни этого мира, а сила, которая хлынула в меня во время боя. Откуда она? Происхождение? Учитывая, что я и так превосхожу по возможностям и умениям среднего человека, то, что дала мне эта сила подняло меня чуть ли не до уровня... уровня... бога войны. Невольно улыбаюсь сравнению. Димка – бог войны! Звучит круто. Шутка – шуткой, но то, что я отразил атаку призрака, говорит за себя. Работая с привычной скоростью и возможностями, я точно пропустил бы третий, а может даже и второй выпад.

Дверь распахнулась, и в полосе света появился мальчик. На бледном лице, в уголках рта замечаю несколько темных пятнышек и сразу же отвожу глаза. Почему-то мне не хочется думать, что он там вместе с ними... Возможно для них это нормальный способ питания, но все же...

– Куда дальше? – спрашиваю, сердясь скорее на свою глупость и сентиментальность, чем на мальчика, следующего закону природы.

Он машет рукой в сторону тонущей в темноте дороги. Узкая полоска света, вырывающаяся из неплотно прикрытой двери, падает ему на лицо. Похоже, он заметил мою реакцию и за то время пока я на него не смотрел, тщательно вытер губы.

Протянув мне плотно набитую холщовую сумку, мальчик направляется в указанном направлении. С каким-то детским

страхом развязываю узел стягивающей веревки и, затаив дыхание, заглядываю внутрь. Несколько свежих хлебцов, большой кусок мяса, завернутый в полотенце и еще какие-то овощи насыплю. Облегченно вздыхаю, закидываю сумку на плечо, и широким уверенным шагом отправляюсь вслед за своим проводником.

Что я ожидал увидеть? Об этом я не признаюсь даже себе.

Глава 14.

Моя рука ерошит светлый ежик коротких волос, нежно касается мочки уха, скользит по нежной гладкой щеке и, наконец, касается чувственных губ. Они приоткрываются, и острые белые зубки шаловливо кусают мой палец. С наигранным страхом одергиваю руку. Ди насмешливо фыркает и пытается цапнуть меня еще раз. С ужасом замечаю в уголках манящих губ темные капельки крови. Капельки превращаются в ручейки, ручейки в стекающие на обнаженную грудь реки. Ласковые руки теряют бархатистую кожу. Она лохмотьями падает вниз, обнажая голую слизистую плоть. Аккуратно подстриженные ногти становятся кривыми когтями из нержавеющей стали. В них, как в зеркале я вижу отражение своего испуганного лица. Когти касаются моей груди и оставляя глубокие царапины, что-то пишут. Сквозь боль пытаюсь прочесть, но красный туман застилает глаза. Толчок в плечо. Еще толчок. Проклятый туман не позволяет ничего

рассмотреть. Делаю рывок назад, тянусь к мечам... и просыпаюсь.

Мальчик занес руку, чтобы еще раз толкнуть меня в плечо но, увидев, что я открыл глаза, передумал.

– Доброе утро, – хмуро приветствую неразговорчивого спутника, выпутываясь из плаща, в котором спал. – Чего в такую рань?

Мальчик тыкает рукой в пробивающееся сквозь сплетение ветвей солнце, мол, не такая уж и рань.

Рывком вскакиваю на ноги и провожу короткую утреннюю зарядку, приводя в чувство затекшее тело. Заодно и согреваюсь. Ночь на голой земле удовольствием не назовешь.

События на постоялом дворе вымотали меня настолько, что отойдя от него на безопасное расстояние я забился меж кустов и уснул. Даже мысль о том, что мой спутник один из ЭТИХ не помешала.

Мальчик протянул ломоть хлеба с толстым куском мяса и корнеплод напоминающий редьку. Оторвав хвостик, прокусываю жесткую кожуру. Терпкий ни на что не похожий вкус, но есть можно.

– Далеко еще?

Утвердительный кивок в ответ.

– Кто они такие? Твои сородичи?

Снова кивок. Он без объяснений понял, кого я имею ввиду.

– Зачем убивают?

Мальчик нахмурился и повернулся ко мне спиной.

– Вы живете в этом мире?

Отрицательный взмах головы.

– На Земле?

Задав вопрос, со страхом жду ответа. Если эти чудовища родом с Земли, то тогда выходит, что сказки не врут.

Облегченно вздыхаю, увидев ответ. Ну и хорошо. Очень не хотелось бы узнать, что мой мир заполнен разнообразными чудищами в человеческом облике.

– А людей за что убиваете?

Мальчик резко обернулся, в глазах блеснули слезинки, а на лице... Невольно отшатываюсь назад и хватаюсь за нож. Детское лицо исказила страшная гримаса ненависти и презрения. В мокрых глазах бурлит совсем недетская злоба. Ребенок не может так ненавидеть. Это не естественно. Он слишком молод, чтобы успеть накопить в душе столько негативных эмоций, если только не пережил что-то невероятно страшное, оставившее глубокий шрам в душе.

– Понял. Не злись, мальчик без имени. Я все понял.

Подхожу и сажусь рядом, с ним обняв за плечи. Он сначала дергается, намереваясь вырваться, но потом наоборот прижимается ко мне всем телом. Слезы рисуют чистые полоски на чумазом лице, раз за разом шмыгает курносый нос. Ласково глажу его по голове, и мальчик еще сильнее прижимается ко мне как бы в поисках защиты.

– Вы везде чужаки. Изгой. Скорее всего, человеческая

кровь для вас не лакомство, а необходимость. Вероятно, она необходима для метаболизма. Вас ненавидят за вампиризм и сверхчеловеческие возможности. Ненавидят и боятся, а поэтому уничтожают, всеми возможными способами. Вы отвечаете взаимностью...

– Bravo- bravo, – раздались из-за спины скупые аплодисменты. – Идиллическая картина. Человек и оборотень сидят в обнимку. Дима, ты делаешь невероятные успехи. Честно говоря, не ожидал, не ожидал.

– Доброе утро, Апокимус, – не оборачиваясь, приветствую гостя. – Интересно, какие это невероятные успехи за мной числятся?

Мальчик быстро растирает следы недавней слабости по лицу и легонько отстраняется от меня.

Старик обошел слева и уселся напротив прямо на землю. Взяв с расстеленного полотенца толстый бутерброд, оставшийся от завтрака, обнюхал мясо длинным носом и, закинув гриву седых волос на спину, чтобы не мешала, приступил к еде.

– Трофей? – он махнул бутербродом.

– Он самый. Вы так и не ответили на вопрос.

– Какой ты, Дима, нетерпеливый, не даешь даже старому человеку поесть, – оторвался от пищи Апокимус, чтобы ответить. – Но догадливый.

– В смысле?

– Насчет мальчика. Очень удачная догадка. У оборотней и

людей взаимная неприязнь почти с того самого момента, как родились все эти миры. Его родителей сожгли на центральной площади. Мальчик вместе со старшей сестрой пытались их спасти... Его я успел оттуда вытащить.

Миры. Не мир, а миры. Значит, все-таки я был прав, а Дама ошибалась. Сколько же их этих миров? И почему везде говорят на русском? Пожалуй повсеместное присутствие родного языка меня удивляет больше, чем многообразие миров Хозяев.

– Сожгли? – с недоверием спрашиваю старика. – Да с их возможностями... Они бы эту толпу в два счета распотрошили.

– Не все так просто Дима, не все. Обратни, призраки, вурдалаки, нечисть, как их только не называют, действительно очень сильны, но не настолько. Сверхвозможности просыпаются лишь после употребления человеческой крови. Своего рода стимулятор, позволяющий организму некоторое время функционировать с невероятной быстротой. Естественно подобное ускорение сокращает срок жизни. За один час такого режима оборотень сжигает несколько дней обычного существования. Родители мальчика вели мирный образ жизни. Они поселились в городе, когда его еще на свете не было. Отец был хорошим сапожником. Семья ни разу не пробовала человеческой крови.

– Как их вычислили?

– Очень просто. Из-за нечеловеческих способностей.

Отец спас маленькую девочку из-под копыт ломовой лошади. На миг потеряв контроль, он сделал это чересчур быстро. Мать спасенной девочки первой бросила в него камень. У них был шанс спастись. Необходимо было всего лишь до появления вооруженной стражи пустить кровь парочке горожан, и тогда бы их никто не смог остановить. Они не стали этого делать. Просто не захотели.

Мальчик поднял красные глаза на Апокимуса и положил голову мне на колени. Видно, что он сдерживается от рыданий, но при этом пытается держать себя в руках.

– Ничего малыш, прорвемся, – обнадеживающе похлопываю его по плечу.

– Очень даже может быть, – обнадежил Апокимус. – У тебя неплохие шансы дойти до конца.

– Вот вы сказали миры.

– Да.

– А откуда родом такие... такие... – Мне очень не хочется вслух называть мальчика оборотнем. – такие как он? – Указываю глазами на мальчика.

– Ниоткуда.

– Это как? – удивленно глянул я на мага. – Так не бывает.

– Бывает. Оборотни изначально не имели своего мира. Они как саранча переходят из мира в мир в поисках спокойных мест изобилующих не особенно пуганой пищей. Оборотни – единственная разновидность живых существ, способная преодолевать Занавеси и проводить с собой спутни-

ков. Они вообще специалисты в том, что касается перехода из мира в мир. Для оборотней без разницы, что миры снов, как ты их называешь, что твой мир.

– А как же вы? – интересуюсь у старика.

– А что я?

– Вы ведь тоже можете все это.

– Могу, – громко чавкая, кивнул маг.

– Тогда кто вы такой?

– На постоялом дворе ты неплохо себя показал, – наконец дожевал бутерброд Апокимус. Он словно не услышал мой последний вопрос. – То, что ты выстоял против двух взрослых оборотней попробовавших кровь хорошо.

– Естественно хорошо, – насмешливо хмыкаю. – В любом другом варианте было бы плохо – меня бы убили.

– Я не о том, – отмахивается старик и начинает выбирать крошки хлеба из пышной бороды. – Ты пробудил в себе кусочек знаний. Пусть даже на несколько секунд, но все же пробудил, и они помогли тебе выжить. Я как-то об этом уже упоминал. Все знания в тебе и лишь от тебя зависит, как быстро они окажутся в твоём распоряжении. Пока лишь кусочек, но и это уже хорошо. Это уже второй раз.

– А первый? – недоверчиво глянул я на мага.

– Когда ты самостоятельно вернулся домой. Виной всему сильный всплеск эмоций. Вернулся ты благодаря страху. На постоялом дворе была злость.

– Но вы же говорили, что сами вытащили меня оттуда.

– А теперь говорю, что ты вернулся сам. Тогда тебе было еще рано знать об этом. Всему свое время, – глубокомысленно изрек Апокимус, не прекращая поиск съестных припасов в бороде. Он настолько увлечен процессом, что даже не поднял глаз на мое возмущенное лицо.

Не люблю, когда меня обманывают, а действия старика иначе никак и не назовешь. Сперва говорил одно, теперь другое. Можно ли ему верить после этого?

– А что будет дальше?

– Придет время – узнаешь. Я не пророк и предсказаниями не занимаюсь.

– Но почему сейчас я не ощущаю полученных возможностей и знаний? Где они?

– Знания не игрушка, – назидательно произнес старик и отправил в рот выловленную в бороде крошку. – Когда будут нужны, тогда и появятся.

– С этим вроде как разобрались, – соглашаюсь с ним. – Но каким образом вы тут оказались и откуда такая осведомленность о наших деяниях?

– Работа такая, – довольно хмыкнул Апокимус. – Скажем так, я заинтересован в том, чтобы ты дошел до Форта Ночного Сияния и основательно надрал Хозяевам задницу. Кажется, так вы обычно говорите в подобных случаях? Но к сожалению, я не могу явно оказывать тебе помощь. С каждым шагом ты будешь становиться все сильнее и сильнее. Будешь открывать все новые и новые знания. Помни о главном – сила

пьянит человека, заставляет его презирать слабых и, в конце концов, делает его своим рабом. Только в том случае, если твое сердце открыто для чужого горя и слез, ты действительно чего-нибудь сможешь достичь.

– Зачем Хозяевам Ди? Что они собираются делать? – наконец-то задаю, пожалуй, самый важный для меня вопрос.

– Ди – это манок. Знаешь, такой... для уток... диких уток. Кря-кря-кря.

Апокимус прощально взмахнул рукой, и не спеша начал терять материальность. Сперва растаяли в воздухе ноги, потом туловище. Осталась лишь крякающая голова.

– Кто такие Хозяева? Где мы? Зачем все это? – надеюсь получить ответы, быстро тараторю первые приходящие в голову вопросы.

– Весь мир театр... – цитирует классика голова, перед тем как полностью исчезнуть.

– ... и люди в нем актеры. Вот козел старый. Пришел, воду замутил и свалил на самом интересном месте.

Мальчик принялся укладывать пожитки в сумку, а я задумчиво ходить, то и дело натыкаясь на кусты.

Радует то, что скорее всего Ди ничего не грозит. Она не более чем приманка для меня, способ заставить двинуться с места. Не оригинально, но, тем не менее, действенно. Зачем я так нужен Хозяевам? Если бы они хотели меня убить, то нашли бы способ побыстрее и попроще. Абсурд какой-то получается! Чушь! Никакой логики. Попробуем потянуть за дру-

гую ниточку – Апокимуса. Кто он? Колдун, маг и еще кто-то... Может один из врагов мифических Хозяев? Почему бы им, как и всем остальным не иметь врагов плетущих заговоры и все такое прочее? Не зря же они используют наемников для действий в своих мирах. Вполне возможно, что существуют некие, неизвестные мне ограничения на действия Хозяев. Физические, психологические или политические. А это идея. Политика штука тонкая, вляпаешься в грязную историю вовек не отмоешься. А так выходит, что всю грязную работу выполняют наемники никакого отношения не имеющие к Хозяевам. Даже если бы нас и взяли на горячем, то все равно ничего не узнали. Что знает рядовая карта: уснул; оказался черти где с необходимым снаряжением и знаниями; командная карта изложила задание; дело сделали; медальон на шее, палец командира на кнопке транспортного модуля; проснулся в своей кровати со смутными воспоминаниями о каком-то ночном кошмаре. Все! И дело сделано и Хозяева не при чем. Нет никакой ниточки связывающей нас и заказчика.

Обломок сухой ветки бьется в грудь и прерывает логическую цепочку. Не выйдет из меня великого мыслителя – не могу разобраться в сложившейся ситуации, даже имея достаточно большой набор данных.

Мальчик с сумкой на плече выжидательно смотрит на меня. Заметив, что мой взгляд приобрел осмысленность, махнул рукой, призывая двинуться в путь.

Согласно киваю головой и поднимаю с земли отстегнутые на ночь мечи. Крест на крест ложатся на грудь ремни, удерживающие ножны. Надо будет по дороге найти подходящий камушек и во время следующего привала подточить оружие.

Попрыгав на месте, убеждаюсь, что все снаряжение закреплено как положено, и отправляюсь вслед за скрывшимся в кустах мальчиком.

Солнце успело уже подняться повыше и немного прогреть воздух. Хорошо хоть дождя нет. Мало приятного плыть по колену в грязи промокшему до нитки. Бросаю взгляд на легкие тучки неторопливо ползущие по голубому небу. Если ветер не переменится, то пару дней можно ожидать хорошую погоду.

На непокрытую голову осыпается желтая листва. Бесчисленные лодочки-листья скользят по воздушной реке, выписывая замысловатые пируэты. Вот бы остановиться и просто несколько минут полюбоваться увядающей красотой осени в самом сердце древнего леса. Стать, и не думая ни о каких проблемах следить за жизнью леса, его обитателей. Ведь если присмотреться, то лес превратиться в особый мир, переполненный жизнью. Вон мелькнула на ветви пушистая зверюшка с какой-то ношей. К зиме готовится. За желтым кустом с острыми листьями, покрытыми мелкими зубчиками, на мгновение появилась и сразу же исчезла полосатая спина какого-то животного.

– Кровь пил? – спрашиваю, догнав петляющего между ис-

полинских стволов деревьев мальчика. – Там, на постоялом дворе. Вместе с ними...

Он отрицательно машет головой, не останавливаясь.

– У тебя на губах была кровь. – Я не осуждаю, всего лишь констатирую факт.

Мальчик останавливается и резко оборачивается ко мне лицом. Недовольно взглянув на меня, оттягивает нижнюю губу. Ее внутренняя сторона в нескольких местах прокушена. Обычно так делают либо от боли, либо, пытаясь удержать себя от чего-то... от соблазна.

– Извини за подозрение, – с раскаянием в голосе говорю я.

Мальчик кивает, принимая извинения, и продолжает путь.

– Хотелось?

Он делает взмах рукой, как бы говоря: «Отвали. Достал ты уже меня со своими дурацкими вопросами», но спустя несколько секунд оборачивается и с хмурой миной кивает.

Глава 15.

Бескрайняя степь, покрытая пышной травой, тянется до самого горизонта. Ровная, как футбольное поле, ни тебе ямки, ни холмика, лишь где-то далеко-далеко, на самом пределе видимости длинной полосой чернеют прямоугольнички каких-то строений. Яркое полуденное солнце нещадно поливает нас горячими лучами, заставляя сбросить теплый плащ,

а чуть позже расшнуровать на груди разогретую кольчугу. В заоблачной вышине мелодично чирикает невидимая пташка, радуясь лету и отсутствию хищников. В траве часто встречаются умело замаскированные норки каких-то грызунов.

Из осени да в лето. Сказка. Хоть что-то поднимающее настроение.

Мальчик быстрым шагом уверенно идет в сторону маячащих на горизонте строений. Похоже, что на него Занавесь не возымела никакого действия в отличие от меня. До сих пор мутит и покачивает из стороны в сторону, как будто иду по палубе утлого суденышка попавшего в кошмарный шторм. Мало того, что сразу же после выхода в этот мир желудок наизнанку вывернуло, чуть ли не вместе с ливером и глазами, так еще вдобавок и вестибулярный аппарат отключился на какое-то время, превратив меня в существо которое умеет только ползать, блевать и жутко материться. Хозяевам наверное не раз икнулось, от частого воспоминания в далеко не лестном контексте. Минут десять ползал на четвереньках не в силах подняться на ноги. Каждое движение, особенно поворот головы, вызывало дикий приступ тошноты и потерю ориентации в окружающем пространстве. Мир вертелся вокруг, как будто я находился внутри гигантской юлы раскрученной каким-то гадом, только для того, чтобы я получил полный спектр неприятнейших ощущений. И я их получил. В полной мере. Пришлось потратить всю флягу воды, чтобы отмыться от них.

А вообще переход оказался довольно простым делом. Как только мы оказались в нужном месте, на окраине бурелома рядом с жалким ручейком, хило проталкивающим тоненькую струйку в извилистом русле, мальчик жестом приказал остановиться. Повертевшись на месте как собачонка, он указал на какое-то место, меж двух искривленных тяжелой жизнью деревьев, как на меня ни чуть не лучшее чем сотни других и махнул рукой, определяя направление дальнейшего движения. Обычная земля, покрытая ковром желтых листьев, между самыми, что ни есть обычными деревьями. Впереди тоже ничего выдающегося, только успешный поднадоест лес. Повинуясь жесту, я стал на указанное место. Мальчик крепко ухватил меня за руку, и мы дружно, плечом к плечу, (точнее его плечом к моему бедру), что очень напомнило мне детсадовские прогулки, потопали вперед прямо на стену из деревьев. Пройдя немного я уже хотел было предложить отменить образцово-показательный парад до следующего раза, все равно зрителей нет, а местную живность наши старания вряд ли заинтересуют, как вдруг мир начал терять привычную четкость, покрываясь неизвестно откуда взявшимся туманом. Непроизвольно я сжал руку мальчика так, что он начал шипеть от боли. Нет, это был не испуг, это всего лишь нормальный здоровый страх перед неизвестностью. Я точно знал куда иду, и готов был преодолеть намного более серьезные препятствия, чем какой-то туман. Ведь я шел, чтобы снова увидеть глаза, в которых живет

осень.

С каждым шагом мы как будто погружались в мутный кисель, в котором блекли краски осеннего леса и начинало проявляться что-то совершенно другое. Мгновение, и окружающие нас деревья сменились бескрайним полем. Я только было собрался высказать удивление, но сошедший с ума от перехода организм взбунтовался и на длительное время озаботил меня совершенно другими проблемами.

Апокимус был прав, из мира в мир своими силами я бы точно не перебрался. Со стороны это больше походило на чудо. Топали себе взявшись за ручки высокий небритый мужчина и мальчик в балахоне и вдруг растаяли. Вот так запросто из одного мира в другой взяли и перешли! Мистика! Хотя если подумать, то большая часть моей нынешней жизни сплошная, что ни на есть, мистика. Маг, загадочные Хозяева, переход между мирами, сны в которых получаешь здоровое тело и знания... Попробуй расскажи это все нормальному человеку, и на тебя начнут поглядывать искося и с состраданием – мол мало того, что инвалид, так еще и чердак съехал набекрень, сквозняки в черепушке гуляют. Вот так-то получается. К счастью на текущий момент я лишен, этой проблемы, так как рассказывать все равно некому, а мальчика подобными вещами точно не удивишь. Наверняка у него намного более насыщенная жизнь, и то, что для меня кажется чудом – для него всего лишь повседневная рутина. Переход из мира в мир? Да раз плюнуть! Главное за ручки взяться

в нужном месте, а потом вовремя в сторону отскочить, чтобы клиент ненароком не испачкал.

Пара волков возникла ниоткуда, словно из-под земли. Бросая настороженные взгляды в нашу сторону, они быстро шествуют встречным маршрутом. И как я их не заметил. Профессионал называется.

Мальчик остановился и прислушался.

– Да я с ними в два счета расправлюсь, – браво взялся я за рукоятки мечей.

Он приложил палец к губам, призывая к тишине, и приник ухом к земле.

– Что слышно? – беззаботно интересуюсь и, выдернув высокую травинку, начинаю ее жевать. Терпкий привкус напоминает детство. – Ты вообще, на какую станцию настроился? Я больше попсу люблю. От металла у меня изжога начинается, а вибрации репа приводят к выпадению волос и зубных пломб. Классика штука хорошая, но больно нудная. Как-то с женой пошел в консерваторию. Уснул на десятой минуте под жалобное завывание скрипок. В результате жена обозвала невеждой и бескультурщиной. А я так считаю – человек должен слушать то, что ему нравится, а не косить под интеллектуала.

Мальчик отмахивается, мол, не мешай.

Ну не мешать, так не мешать. Опускаюсь на прогретую ярким солнцем землю и разминаю затекшие от длительной

ходьбы ноги. До города, а, похоже, именно он и является следующей точкой нашего маршрута, еще топать и топать, так что лишняя минута отдыха очень кстати.

От нечего делать наблюдаю за удаляющейся волчьей парой. Как-то странно они себя ведут. Неправильно. Вместо того, чтобы спокойно топать по своим делам, волки часто останавливаются и, прислушиваясь, оглядываются назад. Может, опасаются непочтительного поведения с нашей стороны? Нет, взгляды направлены намного левее, значить потенциальным источником опасности являемся не мы.

Прислушавшись, улавливаю еле заметное не то бурчание, не то рычание, идущее со стороны города. Но где же его источник? Степь ровная настолько, что спрятаться можно разве что в траве, но для этого надо быть размером не более суслика, а как известно, даже суслики страдающие расстройством пищеварения так не бурчат и тем более не рычат.

– У нас гости, – довожу до сведения мальчика свои умозаключения. – Рычащие и бурчащие, но точно не суслики.

Он угрюмо кивает, поднявшись с земли, и показывает две растопыренные пятерни. Значит, к нам пожалует десяток гостей.

– Почему их не видно?

В ответ волнообразное движение рукой. Ну конечно, как же я сам не догадался. Где-то между нами и городом находится овраг, по которому и двигаются гости. Бежать или прятаться в поле бессмысленно, поэтому придется встретиться

лицом к лицу.

Десяток мотоциклистов с головы до ног запакованные в кожу и увешанные разнокалиберными цепями и железными побрякушками быстро приближаются на своих ревущих аппаратах. Они сразу заметили нас, как только выехали из оврага и вот теперь разворачиваются полумесяцем, отрезая пути к бегству. Да и куда тут спрашивается бежать? Мы как два суслика на поле для гольфа. Бегай не бегай а все равно клюшкой в лоб заработаешь. Блин, дались мне эти суслики. Прилипли к языку как бубль гум ко лбу.

Предварительно приготовленное оружие я уже вернул по своим местам. Какая польза от мечей, если против тебя десяток стволов? Будь я хоть трижды суперменом, а мотоциклисты трижды лохами все равно спрятаться на открытой местности от десятка автоматов нереально. При самом худшем развитии событий мы станем парой замечательных мишеней, а у мотоциклистов будет шанс попрактиковаться в стрельбе. Грустно конечно, но надеюсь, что все будет не так мрачно. Почему бы этим кожанкам не оказаться классными ребятами и не подвезти нас до города.

Не придумав ничего лучшего, мы просто стоим и ждем прибытия гостей.

Края полумесяца замкнулись, образовав вокруг нас железное кольцо. Мелькают мотоциклы, бородатые лица. Поблескивают в лучах солнца металлические украшения. Зеркальным стеклом изучающе пялятся очки. Выются клубы во-

нючего дыма из выхлопных труб.

Наконец железная карусель замедлила свой ход и остановилась. Очень даже вовремя, потому, что от мельтешения хрома и кожи перед глазами и бензиновой гари начала кружиться голова.

Мальчик настороженно поглядывает на ревущие мотоциклы, прижавшись боком ко мне. В его взгляде нет страха, скорее детское любопытство. Вот мне бы так, а то внутри аж холодеет.

Один из мотоциклистов, плечистый длинноволосый мужик с железным орлом на груди медленно снял очки-консервы, многозначительно положил ладонь на кобуру и поинтересовался:

– Кто вы?

– Мы не местные, отстали от поезда. Помогите, кто чем может, – с небрежной улыбкой изрекаю в ответ, не смотря на то, что внутри скользкой змеей свернулся страх.

Сейчас наша жизнь зависит исключительно от прихоти этих бородачей с побрякушками.

Мотоциклисты переглянулись и дружно заржали.

– Ну, чудак, ты даешь, – вытирая на глазах слезы, произнес мужик с орлом, похоже главный на этой мототусовке. – Давно так не смеялся. Откуда вы такие взялись? Прикид какой-то дикий. Из музея железяки потырили?

– Нет, из консервных банок вырезали. Мы тут в исторические ролевые игры практикуемся. Инсценируем побе-

ду Александра Невского над псами рыцарями. Пока ничья и объявлено долгосрочное перемирие в связи с недостатком статистов. Присоединиться не желаете? Рыцари конечно из вас никудышные, но вот в роли лошадок будете смотреться очень даже ничего.

Новый приступ смеха напрочь заглушил рокот моторов.

– Ну, ты клоун, мужик, – отсмеялся главный. – Псов уже месяца два как нет. Мы их всех к ногтю прижали у рудных шахт на восточной окраине. Ни один не ушел. Но никакого Невского там не было. И вообще, кто он такой? Надумал себе нашу славу присвоить? У нас за такое дело мотоциклами рвут. В городе самая последняя вошь знает, что Псов Орлы порешили и их территория теперь наша. А ну колись, где этот Невский живет. Мы его мигом оприходуем, будет знать, как над Орлами потешаться.

Наступил мой черед смеяться.

– Не переживай ты так. Никто на вашу славу не покушается и тем более над вами не потешается, мы говорим о совершенно разных событиях. Нет причин для беспокойства.

– Ну, тогда ладно, – смилостивился главный. – Но ты так и не ответил на первый вопрос.

– Мы чужаки. Идем в город. Меня зовут Дмитрий, а пацан немой, поэтому имени не знаю. Говорили мне в детстве – учи язык жестов, пригодится, а я не слушал. И как результат у нас одностороннее общение – я говорю, а он руками машет. А что машет, чего машет не знаю. Самое печальное – анекдоты

рассказывать не может.

– Чужаки, – нахмурился мужик. – Это и так видно.

Порывшись в карманах кожаной куртки, он извлек окурочек сигары и увесистую бензиновую зажигалку. Зубчатое колесико чиркнуло о камень, рождая огонь. Поплямкав раскуривая, он глубоко затянулся и выпустил из ноздрей два облака дыма.

– Вот только не пойму это ты копируешь выхлоп мотоцикла или мотоцикл тебя, – говорю, тоскливо глянув на сигару.

Мужик хохотнул и протянул мне окурочек:

– Хочешь?

Я радостно закивал в ответ и, ухватив сигару, жадно затянулся. Табак оказался отличный, с мягким ароматным привкусом.

– Знатное курево, – с сожалением возвращаю сигару владельцу.

– Это точно, – согласился он и еще раз оглядел меня с ног до головы. – Я Гильза – ватаг Орлов. Если хочешь, можем с ветерком подкинуть до города.

– Премного благодарен, – отвечаю, сдерживая радость от такого удачного финала беседы. – Давно с ветерком не катался.

Выстроившись колонной, мотоциклы быстро движутся к городу. Я устроился на узком жестком сиденье позади Гильзы, а мальчика приютил немолодой мотоциклист с бритым

налысо черепом.

– Так откуда говоришь, вы пришли? – перекрикивая мотор и свистящий воздух, интересуется Гильза.

– Из другого мира.

– Никогда не слышал, – поворачивается он.

– Бывает, – философски изрекаю я.

– Ну и как там у вас, в другом мире? – с насмешкой интересуется Гильза. Похоже, не поверил моему ответу. Ну и правильно, я на его месте вел себя так же.

– Хреново там, где мы есть и соответственно наоборот.

Он согласно кивает и прибавляет газу. Мотоцикл злобно взрыкивает и выбрасывает из-под заднего колеса куски дерна. Длинные волосы Гильзы хлещут меня по лицу, все время приходится уклоняться. Поворачиваюсь назад и взглядом спрашиваю у мальчика как дела. Высунув из-за широкой спины водителя восторженную мордашку, он показывает большой палец и сразу же снова хватается за кожаную куртку, чтобы не вылететь из седла.

Похоже, этот исполинский город переживает не лучшие времена. На окраине каменными сугробами лежат три разрушенных взрывами небоскреба. Такое впечатление, что взрывчатка была заложена где-то в подвале, у основания, и от этого здания при взрыве как бы провалились внутрь себя самих. А в остальном – нормальный современный город, в котором идут обычные уличные бои. В армии я успел на это

насмотреться. Когда за ничтожно малый срок большой цветущий город, живущий мирной жизнью, превращается в военный полигон. Когда клумбы вместо цветов засажены свинцом, а трупы не успевают убирать с улиц.

Где-то справа прострекотала одинокая очередь, но никто из мотоциклистов даже головы не повернул.

Мы медленно движемся по широким, но захламленным улицам, петляя между останками машин и кучами битого кирпича. Грязь и запустение невероятные. Окна смотрят на нас разбитыми, а часто и закопченными глазницами. Шастают, гремя ребрами дикие собаки.

Кое-где мелькают человеческие фигуры.

Перед нами быстро, как стайка крыс перебежала дорогу группка людей с какими-то клумаками в руках и скрылась в подворотне. Чумазое детское лицо высунулось из окна на втором этаже на шум моторов, но тут же испуганно спряталось.

Мотоциклисты передвинули оружие поближе и начали нервно поглядывать по сторонам. Былое спокойствие сменилось осторожностью.

– Чужой район. Обычно мы здесь не появляемся, но сейчас бензин на исходе. Приходится ехать коротким путем, – пояснил Гильза.

На стене разгромленной закуской надпись корявыми буквами: «Во имя чистоты души» а рядом два распятых на больших оконных рамах обнаженных тела с выколотыми гла-

зами. Мужчина и женщина. Неожиданно, они шелохнулись, и я от испуга чуть из седла не выпал, так как считал их мертвыми. Пустые глазницы повернулись на шум моторов, а пересохшие губы зашевелились в беззвучной мольбе. Тучи мух роятся вокруг многочисленных ран на теле. От такого зрелища аж мороз по коже идет.

– Стой, – резко хлопаю по плечу водителя.

– Чего надо? – не останавливаясь, поворачивается он ко мне.

– Там люди! – указываю рукой на извивающиеся тела. – Надо помочь!

– Это отступники, – нахмурился Гильза.

– Да хоть святые мученики! – ору ему в ухо. – Они же люди!

– Это территория святош и мы здесь не вправе...

– Какие еще к черту святоши? – я уже готов спрыгнуть на ходу с мотоцикла.

Гильза резко ударил по тормозам, и тяжелый мотоцикл пошел юзом пока не остановился, уткнувшись передним колесом в поваленный столб.

– А вот такие, – хмуро произнес он, сдвигая очки-консервы на лоб. – Накаркал! Ох, как чуял, что надо длинным путем ехать. Лучше б несколько километров прокатили мотоциклы или послали кого за бензином чем с этими встречаться.

Этими оказались полтора десятка рослых фигур в черных длинных балахонах с надвинутыми на лицо капюшона-

ми преградившие цепью нам путь. В руках длинные винтовки с примкнутыми штыками. Похожи на трехлинейки образца второй мировой войны, только штыки длиннее и с односторонней режущей кромкой испещренной мелкими зубьями. Вместо поясов толстые сложенные вдвое веревки, на шеях тяжелые четки с непонятной символикой, похожей на свернувшегося в материнской утробе зародыша.

За моей спиной Орлы разворачиваются на всю ширину улицы, готовя оружие к бою. Холодно клацают затворы, загоняя патроны в ствол. Нас и балахоны разделяет бетонный столб, который в случае чего станет непреодолимым препятствием для мотоциклов.

– Что делают Орлы на земле слуг Спасителя? – высокий голос из-под капюшона заглушил бурчащие моторы.

На лицах распятых мужчины и женщины мольба сменилась животным страхом. Похоже, что этот голос им знаком.

Гильза поднял руку вверх и сделал пару круговых взмахов над головой. Один за другим недовольно затихают моторы. Наступает тишина, нарушаемая лишь одиноким воем невидимой собаки и тяжелым дыханием мотоциклистов. Бородачи напряжены до предела, пальцы подрагивают на курках, глаза скользят по оконным проемам близлежащих домов.

– Валите отсюда, – не отрывая взгляда от балахонов, шепнул мне Гильза. – Вы не при делах и может быть, пройдете безнаказанно.

– А вы? – спрашиваю таким же шепотом.

– А мы как получится. Святоши нас просто так не пропустят. Точно дань потребуют.

– Так в чем проблема? Заплатите им дань, и поедем дальше. Ты же сам видишь – перевес на их стороне, и это учитываем только тех кого мы видим. Наверняка есть еще.

– Дань – это живой человек для жертвоприношения. Какой же я буду ватаг, если своих мужиков этим выродкам на блюде подам? Знал бы ты, что эти твари с людьми творят, наставляя души на путь истинный. Те двое, – он кивнул в сторону закоченевших от страха слепцов, – это только цветочки. Давай, бери своего пацана, и валите. – И уже святошам с достоинством, – Мы возвращаемся домой. Бензин на исходе, поэтому решили срезать путь.

– Гильза, ватаг Орлов, ты же знаешь, что без дани мы никого через свои земли не пропускаем. Знаешь и все равно суешься. Думал, что пронесет?

– Думал, – честно признался Гильза. – Думал, что не увижу облезлых воронов на своем пути, но видать ошибся.

– Спаситель все видит и наставляет нас на путь истинный, – вскинул руку к небу святоша, а остальные дружно кивнули. – Он никогда не позволит отступникам не верующих в его существование шататься по святой земле. Мы возьмем его.

Крючковатый палец указал прямо на мальчика. Толи мне показалось, толи ватаг действительно с облегчением вздохнул. Ну, естественно для него это выгодный вариант. Не те-

ря никого из своих людей, он проходит через землю святош. Что ему жизнь какого-то мальчика – пустяк.

– Мальчика? – задумался Гильза.

– Да. Нам нужен ребенок. Его чистая и непорочная душа, покидая тело, будет восхвалять могущество Спасителя и замаливать грехи людей. Вы полны нечестивых мыслей, чернящих душу и мешающих слиться ей со Спасителем. Безгрешность ребенка построит мост, по которому даже вы сможете прийти к истинной вере. Да будет так.

Тонкий голос дрожит в фанатичном экстазе. При каждом упоминании имени своего бога рука вскидывается к небу. Остальные балахоны, дружно дублируют жест и согласно кивают.

Мальчик крепко уцепился за сиденье мотоцикла, как бы показывая, что добровольно не двинется с места. Агнец на закланье. Должно быть он зубами клацает в предвкушении восхваления могущества и замаливания грехов. Как-то не заметно на его лице радости по поводу того, что он станет мостом для наших грешных душ.

Вот черт! Что же делать? Я ж без этого пацана навсегда застряну в этом мире. А как же тогда Ди? Навсегда в плену Хозяев? Да и мальчика жалко хоть и оборотень. Оборотень! Он же может... Эх, ничего он против такой толпы не может, мал еще.

– А в рот тебе не плюнуть, ворона ты ободранная? – с насмешкой поинтересовался Гильза. – Ты у меня пулю в свой

святой клюв получишь, а не мальчика. Нашелся добродетель. В гробу я видел и тебя и твоего ненормального бога. Мало вы людей ради него замучили? Не насытился еще крокопийца?

Он повернулся ко мне и подбадривающе моргнул.

Вот те на! Ватаг решил рискнуть своими людьми ради совершенно незнакомого мальчонки. Честно говоря, не ожидал.

– Тогда умрите отступники!– торжественно зазвучал голос балахона. Из-под капюшона фанатично блеснули глаза. – Вперед слуги Спасителя! Освободите их души!

Как по команде в окнах домов с обеих сторон улицы появились черные силуэты с винтовками в руках. Пробегаю глазами, пытаюсь прикинуть силы противника. Человек тридцать, не меньше. Наше дело труба! При трехкратном перевесе балахонов мы еще и в крайне невыгодной позиции. Они отщелкают нас как мишени в тире. Эх, надо было действительно делать ноги, когда Гильза предлагал. Целее были бы.

– А один на один слабо, ты, жаба в черном сарафане? – кричу, вставая с сиденья мотоцикла. Не смотря на напряженность, кто-то из мотоциклистов даже нервно засмеялся. – Конечно трое на одного вы храбрецы. Так и дурак сможет. А ты покажи свою верность Спасителю в личной схватке. Один на один. – Я медленно иду навстречу балахонам, не взирая на сердитое ворчание ватага за спиной. – Как мужчина с муж-

чиной. Или может у вас под юбками уже все мхом поросло? А?

Рука балахона застыла в воздухе. Он словно раздумывает – реагировать на оскорбление или просто взмахом обрушить на нас свинцовый град.

– Сейчас я разорву твой глумливый рот! – змеей зашипел он, вырвавшись из оцепенения.

– Пока кроме религиозной трепотни я ничего не видел. – Пренебрежительно сплевываю себе под ноги. – Я, например, заявляю открыто, что гадил на твоего Спасителя с высокой горки жидкой струйкой. Теперь подойди и как подобает истинному последователю спасательного дела, наставь овцу заблудшую, в смысле меня, на путь истинный, приобщи к святому делу. Если конечно не трусишь. Что-то мне подсказывает, что у тебя коленки религиозный мотив от страха отступают. Или это ты так плотно ноги сжимаешь, чтобы страх из-под платья не выпал?

Мотоциклисты дружно заржали и начали отпускать соленные шуточки в адрес святош. Пик страха у них прошел, уступив место бесшабашности и фатализму.

Балахоны зашептались и устремили взгляды на жертву моей проповеди.

Городя эту чушь, я ни на мгновение не отрываю глаз от высохшего лица под балахоном. Он должен разозлиться, выйти из себя. Получив прилюдно подобное оскорбление как себя лично, так и своего бога он просто обязан лично

покарать богохульца. Только бы работало.

Святоша отбросил капюшон на плечи, обнажая выбритую налысо голову, перехватил удобнее винтовку и сделал шаг навстречу.

С трудом удерживаюсь от облегченного вздоха. Вот когда доведу дело до конца, тогда и буду вздыхать.

– Покажи, на что ты способен кроме сквернословия, отступник, – горят фанатичной злобой маленькие глазки с белесыми ресницами.

Святоша несколько раз довольно умело крутанул винтовку вокруг себя. Зубчатое лезвие штыка мелькнуло у самого моего носа.

Балахоны дружно загнусавили гимн с совершенно неразборчивым текстом. Я понял лишь два слова: «слався» и «покарай». А мотивчик в общем даже ничего. Чем-то на ремикс "Боже царя храни" похож. Жаль хор паскудный. Им не гимны петь, а переводчиками старых боевиков работать. Гнусавость отменная, даже без прищепки на носу.

Несколько минут мы в быстром темпе обмениваемся ударами. Лезвия мечей поочередно натываются то на длинный штык, то на окованный металлом приклад. Противник достаточно силен и неплохо владеет оружием, но ему не сравниться с моими навыками профессионального фехтовальщика полученными от Хозяев. Медленно тесню его к дощатому забору окружающему недостроенный дом. Наш маршрут усеян кусочкам черной ткани. Мотоциклисты свистом и

гиканием подбадривают меня, заглушив ставшее неуверенным пение балахонов. Распятые мужчина и женщина повернулись в нашу сторону и, пристально вслушиваются в звон стали.

Святоша шипит и плюется слюной от бессилия. Он уже знает, что проиграл этот поединок, но не знает, что его ждет сюрприз.

Несколько сильных взмахов и рассеченный на части балахон опадает наземь, оставляя священнослужителя в кирзовых сапогах и четках на голое тело. Сухощавая фигура, никогда не видевшая солнца, смотрится жалким пособием для изучения анатомии в средней школе. Прикрыв срам руками, и покраснев от стыда и унижения, святоша под насмешливое улюлюкание и соленые шуточки Орлов сиганул через забор и был таков.

Когда я обернулся, балахоны уже исчезли, как будто их здесь никогда и не было.

– Ну, мужик, ты даешь! – восторженно хлопнул меня по плечу Гильза. – Ну и цирк ты тут устроил. Ты, даже не представляешь, что сейчас сделал.

– А что я сделал? – прячу мечи в ножны и ерошу кипу волос на голове подбежавшего с радостным лицом мальчика. Он прямо лучится от счастья. Естественно, я бы на его месте тоже веселился. – Перепортил народу религиозный праздник с плясками и песнопениями. И все. Думаю, они жутко обиделись. Такое мероприятие обломилось.

– Это же был Наставник – глава ордена слуг Спасителя, – расхохотался Гильза. – Святоши еще никогда такой оплеухи не получали. Они теперь станут посмешищем для всего города. А еще это хороший момент, для того, чтобы вообще избавиться от них, – он довольно подмигнул мне. – И само собой Орлы приложат к этому делу свои руки. Святоши успели порядком всем надоесть. Разборки банд это дело житейское. Но никто кроме этих ворон не занимается подобными гадостями. Видел бы ты, что остается после их ритуалов... Придумали себе безбашенного бога и творят в его честь кровавые мессы. Решено! В ближайшие несколько дней слуги Спасителя придут к своему богу ногами вперед. Там им самое место!

Мотоциклисты встречают меня радостным гулом и крепкими рукопожатиями.

– Заводи! – скомандовал ватаг и повернулся ко мне. – Едем домой. Наш дом – твой дом. Никто не может сказать, что Орлы не помнят сделанного им добра. Теперь ты под нашим крылом, и любая сволочь посмевавшая поднять на тебя хвост будет иметь делом со всем кланом.

– А много вас?

– Около двух сотен боевых единиц, – с гордостью ответил ватаг. – Мы одни из самых сильных в городе. Садись, поехали.

– Погоди, Гильза. Есть еще одно незавершенное дело.

Оставив сидеть длинноволосого ватага с недоумением на

урчащем мотоцикле, быстро иду к распятой паре.

– Это ты его? – повернулись на звук шагов пустые глазницы.

– Я, – отвечаю, стараясь не поднимать взгляд.

– Хорошо, – прошептала растрескавшимися губами женщина. – Жаль, что не убил.

– Иногда позор страшнее смерти, – замечаю я.

Ей не больше сорока. Стройное тело покрыто множеством надрезов, вокруг которых роятся мухи. Даже не смотря на отсутствие глаз и гримасу боли, лицо все еще хранит бледную тень красоты.

Я начал дергать, пытаюсь вытянуть, гвоздь из ее руки, но ржавый металл прочно засел в дереве оконной рамы.

– Как тебя зовут? – зашептала женщина.

– Дима.

– Не надо Дима, – попросил мужчина. – Не надо. Город не любит калек.

– Как я могу вам помочь? – испытывая неловкость от его слов, спрашиваю у женщины.

– Быстро и безболезненно...

– Хорошо, – говорю скрепя сердце.

– Спасибо Дима, – улыбнулась женщина, а мужчина просто кивнул.

Не оглядываясь, иду к мотоциклистам. Они уже в полной готовности и ждут лишь меня.

– Дай пистолет, – требую у Гильзы.

Он, помедлив, вытаскивает из кобуры тяжелый пистолет и хмуро говорит:

– Осторожно, отдача сильная.

– Разберемся.

Выстрел. Еще выстрел и ожидание на слепых лицах сменилось покоем.

– Поехали, – возвращаю пистолет хозяину. Он молча кивает на заднее сидение.

Наполняя воздух гулом и копотью, колона мотоциклов железной змеей проскальзывает в узкую щель между лежащим поперек дороги столбом и стеной дома и, набирая скорость, устремляется к центру города.

Глава 16.

– Ум-м-м, – выражаю свое мнение по поводу качества супа.

Горячий мясной бульон разливается по телу благодатным теплом.

Мальчик на мгновение отрывается от своей миски и согласно кивает. И снова тишину нарушает лишь цокание ложек о миски и жадное присербывание.

Нам на время выделили небольшую, но уютную комнатку на втором этаже угрюмой кирпичной пятиэтажки выгнувшейся буквой «Г». В углу круглая печка-буржуйка на зимний период, в центре большой полированный стол и пара стульев,

вдоль стен друг напротив друга две кровати. На удивление в окнах присутствуют стекла, и даже занавески.

Этот дом своего рода база Орлов. Одна из нескольких. В просторном дворе, утыканном железными коробками гаражей, шеренгами выстроились мотоциклы. Высокое ограждение из железобетонных плит и натянутой поверх колючей проволокой обрамляет изрядную территорию, на которой кроме пятиэтажки находятся еще несколько зданий поменьше. На крыше нашего дома и по углам прямоугольного ограждения расположены огневые точки. Мешки с песком образуют некоторые подобию маленьких крепостей. Больше похоже на размещение боевого подразделения, чем банды, или как говорит Гильза – клана. На самом деле это и не банда и не клан. Скорее объединенная с целью выживания группа людей. Костяком Орлов является одноименный байкерский клуб. Его члены так до сих пор и не потеряли приверженности к своим двухколесным лошадям.

Тряся длинной шевелюрой, в комнату ввалился Гильза.

– Ну и как тебе у нас? – поинтересовался он.

– Круто, – отвечаю, облизав ложку. – Прямо маленькая крепость. И еда отменная.

– Знал бы ты, чего эта крепость нам стоила. Без лишней скромности могу сказать, что именно с моим приходом к власти Орлы стали тем, кем они есть сейчас, а не вечно кочующей бандой. Стабильность и оседлый образ жизни оказались намного лучше, чем кочевая жизнь в бетонных джун-

глях города.

– А пища откуда?

– Кое-что выращиваем. Вон там за деревьями, – он указал на ряд приземистых строений, скрытых зеленью, – маленькая ферма. Естественно она не может прокормить весь клан. По большей части пища синтетическая. Мы восстановили подземный завод и тем самым решили продуктовый вопрос. С водой немного сложнее, та, что есть, имеет слишком неприятный привкус, но в ближайшее время эта проблема решится путем потеснения соседей. Мы заключили соглашения с несколькими бандами и планируем заняться переделом территорий.

– И тут политика? – насмешливо хмыкаю в ответ на его последнее предложение.

– А как же, – улыбнулся он. – Хочешь жить – умей вертеться. На одних кулаках далеко не уедешь. Часто дипломатия оказывается более эффективной, чем силовое воздействие. Пойдем, познакомлю тебя с интересным человеком. Он мой союзник и друг. Второй день гостит. В свое время я помог стать ему во главе банды и до сих пор не жалею об этом. Однажды оказав услугу, я взамен получил надежного союзника. Железяка, так его зовут, хочет увидеть того, кто смог опустить святош на грешную землю. – Он хохотнул довольный шуткой.

– У вас тут всегда так?

– Как так? – не понял Гильза.

– Ну, было же время, когда город жил нормальной мирной жизнью?

– Было, – нахмурился он. – Но сейчас это не более чем воспоминания. Время идет, и потихоньку картинки благополучного прошлого блекнут под натиском суровой действительности. Сейчас мы можем лишь рассказывать о мирной, счастливой жизни нашим детям. Они часто не верят, говорят, что все это сказки. Не думаю, что прежние деньки вернуться. С каждым годом становится все хуже и хуже. Появились новые болезни. Люди становятся больше похожими на зверей. Ненависть и злоба поглощают умы. Жизнь стоит меньше брикета синтетического белка или глотка чистой воды.

– С чего все началось?

– Сейчас трудно сказать. Идиллия медленно разбавлялась злобой. Не знаю, что ее породило. Наше общество было построено на взаимном уважении и понимании. Мы даже не заметили, как окружающий нас мир начал меняться. Вначале заголовки газет, повествующие об убийствах и грабежах. Это было дикостью и вызывало страх. В городе никто никого и никогда не убивал. Полиция была лишь данью традиции и в основном занималась сниманием кошек с деревьев и переводом старушек через улицы. Потом появились банды. Первые стычки. Поджоги. Злость рождала ненависть. Дальше цепная реакция. В результате медленное вымирание от рук бывших друзей и соседей.

– У нас всегда так. Было, есть и будет. Беспрестанные войны, эпидемии, катаклизмы, банды, вандалы, хулиганы. Наши газеты заполнены статьями об убийствах и ограблениях. Во многих странах от голода гибнут дети. На улице среди бела дня тебе могут набить морду и опустошить карманы, и при этом прохожие будут отворачиваться и делать вид, что ничего не замечают. Подобное положение дел у нас уже несколько тысяч лет, и все равно с каждым годом население растет...

– Твой мир ужасен, – сочувственно глянул Гильза. – У нас плохо, но у вас во сто крат хуже. Я не хотел бы поменяться с тобой местами.

– Ладно, хватит друг другу страшилки рассказывать. Пошли к твоему другу.

– Эй, Железяка, – проорал Гильза, открывая дверь в большую комнату, – я привел нашего героя Димку, и сейчас мы славно выпьем за упокой Спасителя и его слуг.

– Здравствуй Пиковая Шестерка, – встал из-за стола высокий крупный мужчина с ярко-оранжевым гребнем волос на бритой голове и лицом, наполовину прикрытым стальной маской. – Меня зовут Железякой. Думаю, что происхождение имени объяснять не приходится.

– Ты? – изумленно выдохнул я, и ухватился за рукоятки мечей.

– Все нормально Дима, – спокойно произнес вожак Свирых Волков, оставленный мною в живых на одной из мис-

сий. – Я не держу на тебя зла.

С недоверием поглядывая на Железяку пожимаю протянутую сильную руку и сажусь напротив.

Моему удивлению нет предела. Никогда не думал, что жизнь еще раз сведет меня с этим человеком.

– Опаньки, а вы что уже знакомы? – удивился Гильза. – Когда это вы успели?

– Было дело, – улыбнулся Железяка.

– Я к нему как-то без приглашения в гости зашел... О жизни поговорили, о медицине. Вот, правда, телохранители у твоего друга хамские были, – добавляю в тон Железяке, поборов удивление и промелькнувший слепой пулей страх. Причиной страха послужила мысль о том, что у вожака вполне может возникнуть здоровое желание поквитаться со мной за тот раз. Поводов у него должно быть достаточно. Но к счастью он полон дружелюбия и радушия.

– Вот именно что были, – грустно вздохнул Железяка. – Преданные и бесстрашные. Равных им не было. – Поймав мой насмешливый взгляд, он поправился. – Конечно, с картами их не сравнить. Разные весовые категории.

– Эй, мужики, а с кем вы это разговариваете? – непонимающе переводит взгляд с меня на Железяку Гильза. – Если со мной, то давайте все с начала, по порядку и медленно.

Железяка согласно кивнул:

– Помнишь, я рассказывал, как ко мне нагрянули соплеменники...

– Это когда тебе фасад берлоги ракетами развалили?

– Да, тогда. Так вот, этот молодой человек и есть та самая Шестерка Пик, о которой я рассказывал.

– Не может быть! – отвесил челюсть Гильза. – Тот самый?

– Ага, – ухмыляюсь польщенный его реакцией. – Это я.

– Так значит, это ты Железяку сперва порезал, а потом смылся, подарив на память аптечку?

Похоже, что он в восторге оттого, что я смог достать вожака Свирепых Волков, отличающегося умом и сообразительностью, умом и сообразительностью... Тфу ты! Заклинило!

Да, мультфильмы детства оставляют неизгладимые шрамы на психике ребенка, не исчезающие с возрастом. Раньше было как-то проще. Мультки были добрые и душевные. "Тайна третьей планеты", Винни Пух с неразлучной свиньей, Чебурашка и компания. Вспомнить приятно. Не то, что сейчас. Пацаны шары кидают, а из тех, выскакивают какие-то непонятные покемоны. Признаюсь честно, три серии просмотрел, так ничего и не понял. Толи я тормоз, толи с этими покемонами из покеболов что-то не так. Ну ладно, что-то мысли не в то русло затекли.

Вообще то я хотел сказать, что вожак отличается умом... гм! профессионализмом и бесстрашием, достойными уважения и подражания. А я, такой крутой, что положил местного босса на лопатки. Правда, с помощью бетонной плиты упавшей ему на ноги, но это уже не столь важно.

– Да. Это все я.

– А тебя перед этим ничем тяжелым по голове не били? – хитро прищурился Гильза.

– Ну, было дело. И не только по голове. Там ракеты взрывались. И не только. А что?

– Тогда, это все объясняет, – хохотнул Гильза. – Если бы не черепная травма, то тебя можно было бы смело обозвать сумасшедшим.

Ухмылка мигом слетела с моего лица. Вот те на. Я то думал, что он восхищается мной, а оказалось, что Гильза меня в придурки записал. Вот тебе и лавры героя.

Железяка осудительно глянул на друга и шутливо погрозил ему кулаком. Тот скорчил виноватую рожу и пожал плечами.

– Спасибо Дима за аптечку, она мне здорово пригодилась.

– Мелочи. Ты точно не держишь на меня зла?

– Конечно, нет, – посерьезнел Железяка. – Ты ведь всего лишь выполнял свое задание, а я был целью твоей миссии. Я на твоём месте не пожалел бы врага... Но к счастью каждый был на своём месте и все сложилось к лучшему.

– Кто ты? – глядя на блестящую поверхность маски, задаю вопрос, мучивший меня ещё с той самой миссии.

– Станислав. От этого имени я уже успел отвыкнуть и попросил бы им меня не называть. Майор. Пехота. Был тяжело ранен. Наш караван духи в упор расстреляли. Чудом выжило несколько человек. Получил инвалидность и постоянную прописку в госпитале ветеранов. Потом сны. Начал ря-

довой картой, со временем поднялся до Валета Червей. При выполнении миссии в этом мире был ранен. Колода решила, что я мертв, подобрала транспортный модуль и, выполнив поставленную задачу, отступила...

– Но ведь медальон должен был уничтожить тебя в тот момент, когда транспортный модуль покидал сон?! – перебиваю рассказчика.

– Ты неплохо осведомлен для рядовой карты, – хмыкнул Железяка. – Случилось непредвиденное чудо – один из осколков гранаты, зацепившей меня, рассек бронежилет, цепочку медальона, а заодно и шею. Медальон сработал как положено, – он провел рукой по металлической поверхности маски и помрачнел. – Был бы он на шее, то от меня одни бы угольки остались.

– Повезло.

Он согласно кивнул и продолжил:

– Попал в стаю Свирепых Волков. Благодаря своим способностям и помощи Гильзы поднялся до статуса вожака.

– А я думал, что это все басни, – изумленно протянул Гильза. – Выходит, что вы оба не отсюда? Спящие чужаки!

– Выходит так, – вздыхаю я.

– Теперь твоя очередь рассказать о себе, – "тонко" намекает Железяка.

Тем временем Гильза жестом волшебника извлек из тумбочки три граненых стакана и бутылку с прозрачной жидкостью.

Забулькало из горлышка. Брызнула стеклотара. Глоток, и у меня чуть глаза на лоб не полезли. В желудок как будто горящего напалма плеснули.

– Что это? – сквозь слезы спрашиваю у довольно ухмыляющихся собутыльников. – Чего лыбитесь? Садисты, чуть человека на тот свет не отправили. Я из-за вас ожог пищевода получил.

– Хорошо что не пищевывода, – улыбнулся Железяка, опрокинул содержимое стакана в рот, поморщился и занюхал рукавом.

– Знатная вещичка? – поинтересовался Гильза, и с гордостью добавил: – Рецепт сам придумал. Двенадцать ингредиентов и девяносто градусов крепости.

– Ты, его только про ингредиенты не спрашивай, – предупредил меня Железяка. – Потом пойло в глотку не полезет. Да, кстати, кто-то о себе собирался рассказать.

Отдышавшись, начинаю рассказ, и сам не зная почему, выкладываю все как на духу, утаив лишь то, что мальчик оборотень. Я счел, что не вправе без его согласия разглашать подобную информацию. По ходу рассказа гостеприимный хозяин регулярно наполняет стаканы, в результате под конец у меня начинает заплетаться язык.

– Занятная история получается, – задумчиво произнес совершенно трезвый не смотря на изрядное количество употребленного зелья о двенадцати ингредиентах Железяка. –

Удивил ты меня Дима. Несказанно удивил. Никогда не слышал о подобном поведении Хозяев. Они всегда жестко придерживались своей политики. А похищение твоей девушки вообще абсурд, не вписывающийся ни в какие рамки.

– Сам знаю, – с трудом фокусирую зрение на говорящем. – Ты б чего умнее придумал.

– Тебе известно больше чем мне.

– Вы это о чем? – оторвал голову от стола Гильза и, не услышав ответа, снова выключился, наполнив комнату звучным храпом.

– По большому счету мы оба обязаны тебе жизнью, – задумчиво произнес Железяка, и поправил на голове покосившийся набок гребень волос. – Мы поможем вам пересечь город. Самим вам это или не удастся, или займет слишком много времени. Соорудим эскортик из мотоциклистов, и быстренько проскочим сквозь чужие земли... Я от себя тоже кое-что добавлю... для весомости. Можно было бы вокруг города поехать, но это слишком долго.

– Спасибо, – с благодарностью пожимаю его руку. – Нескромный вопрос. Зачем такая вычурная прическа? Для панка ты староват, полтинник все-таки.

– Так и знал, что не удержишься, и обязательно спросишь. Когда-то давно одна певица страшенькой наружности сказала, что если женщина настолько некрасива, что ничего нельзя поделаться, ей остается только одно – сделать себя еще кошмарнее. Вот и я пошел по тому же принципу. Обго-

ревшее лицо и большая часть головы... Сам понимаешь. Вот и решил себя украсить. Поначалу народ косился, но зато теперь этот оранжевый гребень и маску знает весь город.

– Расскажи мне об этом мире.

– Особо рассказывать нечего. Мир это слишком объемное название для этого места. Бескрайняя степь и огромный город постоянно находящийся в состоянии войны.

– Но ведь где-то степь заканчивается.

– В том-то и дело, что не заканчивается. Проверяли. Проезжаешь километров двадцать, и степь становится совершенно одинаковой. Неестественно одинаковой. Как будто кто-то взял один квадратный метр поверхности и размножил до бесконечности. Рядом с городом степь как степь. Кусты, овраги, разная трава растет, звери бегают, а там сплошная травяная пустыня, не имеющая края.

– Ну и ну, – качаю головой, и она почему-то бьется об стол. – Пора баиньки.

– Кому баиньки, а кому еще делами заниматься. Кстати, а почему ты тогда меня не убил? Собирался ведь.

– Каюсь. Собирался. Интуиция подсказала, что ты один из нас, а я не привык убивать коллег, тем более безоружных. – Помедлив, добавляю, – А если честно – сам не знаю. Рука, наверное, не поднялась.

– У карты? – удивился Железяка.

– Карта тоже человек.

– Но ты же рисковал снами, – недоверчиво взглянул на

меня Железяка. – Я знаю что такое сон... Ради него я бы и мать родную продал. А ты вот так запросто... Уже одно это могло заинтересовать Хозяев. Крайне нездоровое поведение. Гильза мне тут в красках расписал историю со святошами. Ты необычный человек Дима. Большинство людей сперва думает о себе, а уже потом, если остается время о других, у тебя же все наоборот.

– Глупости это все, – глубокомысленно изрекаю перед тем, как рухнуть на стол.

– Как знать, Дима. Как знать, – раздается как сквозь подушку.

Глава 17.

– Ничего себе эскортик! – восхищенно верчу головой. – Я так понимаю, эти две машины с пулеметами и есть твое кое-что? – тыкаю пальцем в пару джипов с крупнокалиберными спарками, замыкающих колону из полусотни мотоциклистов.

Гильза и Железяка довольно переглянулись и дружно кивнули. Не найдя больше что сказать я лишь развожу руками. На такое сопровождение я даже не надеялся.

– Город уважает силу, – сказал Гильза.

– А танки когда придут? – сдерживая улыбку, спрашиваю у залюбовавшихся мотоциклетной армией главарей.

– Какие танки? – непонимающе глянул на меня Железяка.

– Никакие. Шутю я.

Широко зевая и потирая сонные глаза, мальчик появился в дверях и, увидев колону мотоциклистов оцепенел. Масштабы намечающейся прогулки его впечатлили.

Вчера, добравшись с чьей-то помощью до нашей комнаты, я, с трудом управляя речевым аппаратом, впрочем как и всеми остальными составляющими в стельку пьяного тела, известил его о решении вождей. Но кто же знал, что все будет настолько глобально? При таком количестве кавалерии волей неволей если даже не Василием Ивановичем, то хотя бы Петькой себя точно почувствуешь.

– Ты поедешь на первом, – ошастливил я мальчика.

Он захлопал ладошками и рванул занимать место.

– По коням, – скомандовал Гильза.

Спустя несколько минут мы покидаем крепость Орлов и двигаемся в направлении, которое указал мальчик.

Сидя на заднем сидении открытого джипа с грустью смотрю на мелькающий мимо город. Он похож на большое животное, зараженное вирусом ненависти ко всему разумному. Я не знаю, что ввергло его в разруху, впрочем, как и все остальные. Такое впечатление, что город возник из ниоткуда такой как есть сейчас: воюющие друг с другом банды, запуганные жители больше похожие на крыс мечущиеся в поисках пищи в каменных лабиринтах, разрушенные дома дремлющие в ожидании исчезнувших или никогда не существовавших

хозяев... Театральные декорации... От таких мыслей становится жутко, и хочется закрыть глаза, чтобы не видеть тень смерти нависшую над этим миром, состоящим из вечно умирающего города и не имеющей границ степи.

– Помнишь? – сидящий на переднем сидении Железяка повернулся ко мне и указал рукой на большое многоэтажное здание с разрушенным фасадом. Сквозь огромные дыры в стенах видны покореженные каменные внутренности.

– Как же, забудешь такое. Часть колоды там осталась...

Именно в этом здании погибли Восьмерка и Девятка. Именно здесь я впервые нарушил приказ своего непосредственного командира и поставил под угрозу сны всей колоды.

– Нам тоже изрядно досталось, – признался Железяка. – Ваша колода серьезно потрепала мою охрану. Лучших подчистили.

– Да-а, было дело, – нахмурившись, вспоминаю подробности той миссии. – Именно тогда все и началось...

– Что все?

– Попытка самоубийства. Знакомство с Ди. Непонятки с Хозяевами. До этого все было так просто... – грустно вздыхаю.

– С вами там еще великан с гранатометом был, – неожиданно вклинился в разговор водитель джипа – веснушчатый парень. – Классный солдат. Он шестую огневую точку с первого выстрела завалил. Ребята успели только по разу стрель-

нуть, а он на вспышку среагировал и бабах-бабах. И вообще красиво вы работали... не то, что местные слонопасы.

– Молчать! – рыкнул на разговорчивого парня Железяка так, что тот втянул голову в плечи. – На дорогу смотри.

На удивление мы пересекли город без особых проблем, если конечно не считать короткую стычку с мусорщиками. Они, не разобравшись, напали на вырвавшийся вперед авангард из пары мотоциклов. Мы успели вовремя. Мотоциклисты быстро взяли в оборот шестерых оборванцев с автоматическими арбалетами. Часто затарахтели спарки джипов, дополняя глухое тявкание автоматов. Мусорщики, ошалев от появления неизвестно откуда взявшейся армии и стрельбы, безо всякого сопротивления сдались в плен. Бородачи в кожанках лениво, скорее для профилактики чем от злости, попинали поверженного противника, реквизировали оружие и придав стартовое ускорение для преодоления ближайшего забора снова оседлали мотоциклы.

Со слов Железяки мусорщиков обычно без надобности никто не убивает. Эти закутанные в какое-то невероятное тряпье люди, своего рода санитары города. Они шастают по улицам в поиске трупов. Зачем им нужны покойники, толком никто не знает. Поговаривают, что они питаются мертвечиной, а еще охотятся на больных или умирающих. Мусорщики не брезгуют и грабежами, но лишь при значительном численном преимуществе. Своей территории они не имеют,

а кочуют небольшими стайками.

Всю дорогу мальчик с любопытством вертел головой по сторонам. Когда мы делали привал на небольшой площади с пересохшим фонтаном, я поинтересовался, был ли он тут раньше. Он жестами объяснил что был, но давно.

На этой же площади к Гильзе подошли двое вооруженных мужчин с красными платками на шеях. Оказалось, что это патруль хозяев этого района. Получив объяснения по поводу пребывания здесь Орлов и Свирепых Волков, они удалились, предварительно предупредив, что у нас есть ровно час на то, чтобы покинуть их территорию. Гильза сплюнул и грязно выругался им вслед.

Наконец-то железобетонные чащи закончились, и перед нами развернулась бескрайняя степь. Даже на душе легче стало. Мне уже опостылел этот город.

Мотоциклы, а вслед за ними и машины прибавили ходу, поглощая километры травяной поверхности и распугивая мелких зверюшек.

– Как думаешь, чем закончится твое путешествие? – спросил Железяка.

– Если бы я знал. Для меня главное вытащить Ди. А еще хотелось бы увидеть Хозяев и узнать все... о снах... о себе...

– Увидеть Хозяев, – эхом повторил Железяка и задумался. Мужественное лицо, на половину прикрытое стальной маской стало серьезным. Он как будто что-то взвешивает.

Колона остановилась, мальчик прыгнул с мотоцикла и побежал ко мне.

– Приехали?

Он утвердительно кивнул.

– Ну что ж, – поворачиваюсь к Железяке и подъехавшему на мотоцикле Гильзе. – Рад был с вами познакомиться. Спасибо за все.

Мне жаль расставаться с этими храбрыми лидерами, сумевшими сплотить вокруг себя людей и тем самым дать им шанс на будущее.

– Еще не понятно кто кого должен благодарить, – рассмеялся Гильза, и хлопнул меня по плечу, а Железяка задумчиво кивнул.

Крепкие рукопожатия, несколько прощальных взмахов и напутствий знакомых по стычке со святошами бородачей в коже и я с мальчиком покидаем наш эскорт.

На ходу рассматриваю подарок Гильзы – пистолет. Серьезное оружие. Ребристая рукоять удобно ложится в ладонь, да и калибр совсем не детский. Вешаю кобуру на пояс и показываю язык насмешливо глядящему на меня мальчику. Сам знаю, что выгляжу комично. Средневековая кольчуга, подпоясанная ремнем с кобурой и пара мечей за спиной – коктейль из архаики и современности.

– Эй, подождите, – окликает Железяка. Он широким шагом приближается к нам. Золотой волчий череп болтается на груди, постукивая при каждом шаге об пластины пулене-

пробиваемого панциря.

– Что-то забыл? – спрашиваю.

– Я иду с вами, – решительно говорит он, догнав нас.

– Зачем?

Я удивлен. Железяка неплохо устроился в этом мире. Зачем ему рисковать жизнью непонятно ради чего?

– Из любопытства, – он широко улыбнулся. – Хозяев хочу увидеть.

– Но мы не обязательно их...

– Я знаю, – не дал он договорить. – Это мой выбор. Дальше идем вместе.

Он поправил ремень автомата на плече и взял мальчика за протянутую руку.

– А как же твои волчата?

– Взрослые уже. Не пропадут.

– Твоя жизнь – тебе решать, – пожимаю плечами.

Глава 18

– Нарушение, – огненным смерчем ворвался в сознание голос. – Несоответствие оружия уровню развития мира. Исправление.

Я только открыл рот, чтобы поинтересоваться, что еще за несоответствие, как навалившаяся тошнота и головокружение кулем обрушили меня на землю. Окружающий мир завертелся, словно я сижу внутри прозрачной центрифуги. В

бешенном танце заплясали над головой три разноцветных солнца. Кусты ухватились за руки-ветви и принялись отплясывать какой-то ирладский танец, притопывая перепачканными в земле корнями в такт часто гупающим барабанам. Нет, это не барабаны, это так бьется сердце, наполняя голову ритмичным гулом.

Земля несколько раз поменялась с небом местами и, наконец, заняла привычное место над головой. Нет, что-то здесь не так. Или с твердыней или со мной. Ну в себе то я уверен... разве что на ноги встать нужно.

– О-ох! – ухватившись руками за ничего не соображающую голову с трудом сажусь. – Я думал, что во второй раз будет легче. Фигушки! Иммуитет не вырабатывается.

Мир, наконец, таки становится похожим сам на себя, неподвижным и лишенным всякой гадости навроде танцующих кустов. Нет, вот насчет кустов я ошибся. Вокруг нас действительно сжимается кольцо высоких кустов густо усеянных длинными шипами. И они действительно ходят! Растения передвигаются, используя толстые корявые корни как ноги. Выглядит довольно неуклюже, но все же они движутся.

– День триффидов, – угрюмо изрекаю и пытаюсь подняться на ноги. Покачивает, но в принципе стоять можно.

– Кого?

Железяка встав на четвереньки и уперевшись головой в землю для лучшей устойчивости попробовал скосить глаза в сторону, и тут же рухнул на бок. Но увидел он достаточно.

– Где мой автомат? – зашарил он руками по земле. – У меня же был автомат, точно помню.

Сую руку в кобуру, уже заранее зная результат. Пусто. Я думал, что голос это всего лишь глюк, вызванный выходом в этот мир.

– Забудь об автомате, – прерываю его хаотичные поиски и протягиваю один из мечей. – Держи. Поработаем садовниками.

Прижавшись спина к спине, мы наблюдаем за тем, как сжимается кольцо. Медленно но уверенно кусты переставляют корни, с каждым шагом становясь все ближе и ближе. Длинные, не меньше ладони, колючки выглядят достаточно убедительно, чтобы не бросаться на них.

Противник начинает активные действия первым. Ближайший куст поджал корни и неожиданно сделал длинный прыжок, оказавшись прямо перед Железякой. Молниями метнулись вперед усеянные иглами ветви. Рассержено заорал Железяка, заработав укол в руку.

– Ах, ты так? – взвопил он и, не взирая на текущую по рукам кровь, обрушился на неприятеля. – Получай! Получай! Кровушки захотелось?

Не долго думая, присоединяюсь к Железяке и буквально за несколько секунд мы превращаем куст в сырье для растопки камина ценой десятка кровоточащих ранок на открытых частях тела. Из перерубленных ветвей сочится розовая жижа. Корни все еще дергаются, пытаются куда-то идти, не

смотря на полное отсутствие верхней части. Быстрая победа вселяет в нас радость, но кусты не дали времени на празднование. Как стадо гибридов – жуткая смесь кенгуру, ежика и смородины, воистину результат работы пьяного селекционера-генетика, они одновременно обрушились на нас со всех сторон. Воздух наполнился мельтешащими ветвями, так и норовящими попасть в незащищенное место. Мы рубим их мечами, но на смену падшим появляются все новые и новые. Находясь не в лучшей форме после перехода, мы с большим трудом отбиваемся, но с каждой минутой становится все хуже.

– Надо прорываться, – кричит Железяка, не поморщившись выдергивая из щеки пучок игл. Он весь перепачкан кровью и розовой жижой.

– Мы не сможем. – Отвлекаюсь всего лишь на мгновение и тут же получаю обжигающий удар по шее. – Их слишком много.

– Сможем! – Он сильным ударом располовинивает куст. – Мы все сможем!

Прокричав что-то неразборчивое Железяка размахивая мечом бросается прямо в гущу колючек. Кусты наваливаются на него со всех сторон, пытаюсь примять к земле. Под копошащейся кучей ветвей как будто бурлит, собираясь прорвать горную породу и вырваться на свободу, рассерженный вулкан.

– Врешь, не возьмешь! – разбрасывая кусты в сторону, вы-

рывается из плена, коренастая фигура. – Вперед Димка! Не робей солдат!

Ну, что с него возьмешь – типичный боевой офицер. За родину и так далее с пистолетом в руках на танк пойдет... И победит. Победит благодаря слепой вере в собственную правоту. Ох, и посмотрелся я в нашей непобедимой на таких бравых мужиков. Сколько из-за этой самой слепой веры молодых полегло. Сказано – взять высоту до восемнадцати нуль-нуль и хоть ты тресни, а приказ нужно выполнить... И брали. Позли, вжимаясь в землю, врастая в камни, теряя на каждом метре людей.

– Ур-р-я, – заголосил я и рванул вслед за командиром, тфу ты, Железякой.

Он подхватил мой клич. Помахав мечами еще несколько минут и пролив немало крови в основном нашей, оказываемся на свободе.

Миновав последние ветви мы переглянулись и, не заглушая победного крика, рванули со всех ног прочь от этих ботанических монстров. Мы бежим, не оглядываясь и по принципу, чем дальше, тем лучше. Не сбавляя скорости, пробираем заросли на этот раз уже самого обычного кустарника и царапкаемся на поросший чахлой травой холм.

– Хватит орать. – Железяка с усталым видом сел прямо на землю. – В ушах закладывает.

Я и не заметил, что все еще продолжаю совсем не бравым, а скорее уж козлиным голосом тянуть победный клик.

– Ура, тфу ты прицепилось, будь оно не ладно.

Железяка поднял на меня ободранное лицо:

– Чего?

– Хорошо, в смысле, – быстренько поправляюсь, не желая выглядеть дураком и трусом одновременно. К моему при-
скорбию, похоже, так оно и есть. Испугался конкретно. Одно дело воевать с нормальными двуногими а другое с непонятными монстрами, которые даже будучи раскромсанными вдоль и поперек, все равно норовят ужалить.

– Это ты точно заметил, – хмыкнул Железяка и неожиданно рассмеялся. – Ты своим криком все кусты распугал. А что ты там говорил насчет какого-то триффера? Это что, новая венерическая болячка? Разновидность триппера?

– Триффидов. Фантастический персонаж. Растение способное ходить и насмерть жалить ядовитым языком, – с трудом улыбаюсь. Лицо густо покрыто царапинами и ноет.

Железяка трижды сплюнул через левое плечо.

– С меня и этих хватит. Ты посмотри, сколько кровищи, – он протянул мне на обозрение разодранные руки, сам любовался боевыми шрамами, вздохнул и разлегся на земле.

Порывшись в поясной сумке, выуживаю сверток первой помощи, оставшийся с последней миссии. На траву сыплотся пучки трав, баночки с мазями и пакетики порошков. Железяка скептически смотрит на мое шаманство, но все же подставляет раны для обработки.

Закончив медицинские процедуры, обессилено опуска-

юсь на землю рядом с ним.

– А их действительно три, – удивленно говорю, уперев глаза в зависшие над головой светила. – До сих пор ни с чем подобным не сталкивался. Во всех миссиях небо было точь-в-точь как дома. Хорошо одно – наличие трех солнц в точности подтверждает теорию о множестве миров. Если до сих пор у меня и были сомнения, то сейчас они испарились окончательно.

– Я пока считать не разучился. По крайней мере, до трех. Сделав над собой усилие Железяка попробовал подняться на ноги но тут же побледнев осел обратно.

– Что с тобой?

– Что-то здесь не так, – тяжело задышал он. – Иглы были отравлены. Симптомы похожи. – Его лоб усеяли бисеринки пота, а по телу прошла волна дрожи. – А где твой пацан? Нас же трое было...

Ну, конечно! Как же я мог забыть о нем? Я точно помню, что мы втроем, взявшись за руки покинули предыдущий мир, а потом... потом голос... кусты.

Попытка встать не увенчалась успехом. Ноги стали ватными и отказались держать отяжелевшее туловище. Стало холодно, как будто я лежу на вершине гигантского айсберга, а не на вершине холма в лучах трех солнц.

Неужели ребенка сожрали эти мерзкие растения? Но ведь у них даже нет ртов... Известный способ поглощения пищи? В любом случае хоть какие-то следы должны были

остаться... Может не пережеванные кости, обрывки одежды или пятна крови. Ну, хоть что-то. К тому же мальчик знаком со многими мирами. Он же сам мне объяснял жестами, что раньше уже был в воюющем городе. И я все время забываю, что этот ребенок оборотень, способный в одно мгновение превратиться из тщедушного человеческого детеныша в страшного зверя пусть даже и молодого. Мне долго не забыть пару его собратьев, учинивших пиршество на постоянном дворе. Сила, мощь, скорость и нечеловеческая грация в каждом движении. Машины смерти. Странно, но мне почему-то больше нравится думать о нем как о человеке, а не звере, пьющем человеческую кровь. Мне даже и в голову ни разу не приходило, что я когда-нибудь могу стать для него желанной добычей. И вообще, откуда я знаю, что твориться в этой маленькой вихрастой голове. Может пацан спит и видит, как бы моей кровушки испить, но пока сдерживается... Пока!

– Эй! Железяка, – вырывается хриплый шепот из моей груди вместо ожидаемого крика.

– Железяка, ты меня слышишь? – на этот раз чуть громче. Тишина.

Мир становится расплывчатым, призрачным. Руки и ноги превращаются в свинцовые чушки, и каждое движение дается с огромным трудом. Глаза закрываются сами по себе, не спрашивая моего позволения. Железяка был прав насчет яда. Не уверен, что еще когда-то открою глаза. Тоскливо вот

так глупо подохнуть на вершине холма в мире, который даже толком и рассмотреть-то не успел, за исключением проклятых кустов.

Борьба с наступающей темнотой длится недолго. Я проиграл!

Звук приближающихся шагов вырывает меня из смертельного сна. Сделав над собой усилие, приоткрываю глаза. Беззаботно помахивая пучком кореньев, на холм поднимается мальчик. Живой! Хочется вскочить на ноги и броситься ему на встречу, но это не в моих силах. А может это совсем и не мальчик, а всего лишь мираж, навеянный ядом. Иллюзия, чтобы скрасить мой уход...

Мальчик застыл широко раскрыв глаза от удивления. Его взгляд мечется между мной и лежащим рядом Железякой. Подбежав, он отбросил пучок кореньев в сторону и суматошно замахал руками, требуя объяснить, что здесь произошло. Его пальцы скользят по моим рукам, лицу, ощупывая ранки.

– Кусты, – расклеив слипшиеся губы, прошептал я.

Мальчик помрачнел, озадаченно почесал затылок и после короткого раздумья кивнул. Его руки окутал туман, сквозь который просвечиваются нечеловеческие конечности с длинными когтями.

– Лечить будешь? – попытался я понять его пантомиму.

Мальчик утвердительно кивнул, и протянул руки ко мне.

– Нет.

Он замер не понимая.

– Сперва Железяку, – шепчу, перед тем как закрыть глаза. – Ему больше досталось.

Глава 19.

– Вставай лежебока, – пророкотал над ухом голос Железяки.

Сладко потянувшись, открываю глаза и вижу над собой лицо, наполовину прикрытое стальной маской. Я даже не заметил, как уснул. Помню, что мальчик приступил к лечению... и все... На этом моменте воспоминания обрываются. Вспомнив о лечении, осматриваю себя. Удивительно, на теле ни царапинки, лишь засохшая кровь в изобилии покрывающая одежду. Вот это да! Оказывается малыш мастер на все руки. И усталость как рукой сняло. Чувствую себя как после удачно проведенного отпуска где-нибудь на юге.

– Цены нет твоим мазям, – радостно улыбнулся Железяка и поправил завалившийся на бок гребень волос. – Ты посмотри на меня, даже следов не осталось.

– Мази-то здесь при чем? Это все работа... – Под красно-речивым взглядом мальчика неловко осекаюсь. Он кивнул в сторону Железяки и отрицательно помахал указательным пальцем. – Ну да, конечно мази. Я же говорил, что поможет.

Железяка не заметил моей заминки, так как уже занялся обзором местности.

Мальчик довольно улыбнулся. Видимо он не хочет рас-

крывать свою сущность перед посторонними. Оно и правильно. Кто его знает, как поведет себя Железяка, узнав, что вместе с нами путешествует оборотень пьющий человеческую кровь. Неизвестно насколько долго удастся мальчику скрывать правду, но чем дольше, тем лучше. Интересно сколь далеко простираются его таланты?

– А что ты еще умеешь? – краем глаза глянув на занятого изучением окрестностей Железяку, тихонько спрашиваю у мальчика. – Чем ты еще можешь удивить?

Мальчик в ответ загадочно улыбнулся и сделал жест, который можно интерпретировать как слова «еще увидишь».

– А ты ничего не хочешь рассказать о цели нашего путешествия? Что нас ожидает? Каков он Форт Ночного Сияния и его обитатели?

Мигом помрачнев мальчик отрицательно замотал головой. Неизвестно почему, но подобные темы он не любит. Ни крупинки информации в ответ на интересующие меня вопросы. А жаль! Полезно иметь хоть немного данных о конечном пункте путешествия. А так получается идем толком не ведая куда вслед за мальчиком и ничегошеньки не знаем о том как спасти Ди. Как два слепца, доверившие свою судьбу поводырю, мы можем лишь уповать на его честность и надежность. Эх, как бы мне хотелось ее сейчас увидеть... Коснуться рукой бархатистой щеки, заглянуть в глаза полные осени и увидеть там еще что-то... разгорающийся огонек, который согревает меня душевным теплом и искренно-

стью. Не смотря на то, что я ни разу не сказал ей о своих чувствах, сейчас точно знаю, что не представляю дальнейшей жизни без нее. Я пока не в курсе какой она будет эта дальнейшая жизнь, и нужен ли красивой девушке калека, но то, что вытащу ее из лап Хозяев это точно. Попролам разорвусь, но вытащу. Снами клянусь!

Перед глазами начала медленно вырисовываться расплывчатая картина. Я как будто смотрю сквозь дымчатое стекло. Мрачный замок с высокими стрельчатыми башнями устроился на самой вершине скалистого утеса, омываемого сердитыми волнами хмурого моря. Узенькие вертикальные окна свысока поглядывают на морскую пучину как бы в ожидании кого-то. Так ждут жены рыбаков возвращения своих мужей из мокрых лап непредсказуемого Посейдона. Захочет – даст рыбы столько, что баркас чуть ли не будет черпать бортами воду, не захочет – заберет жизнь. С каждым вздохом замок становится все ближе и ближе. Вот уже можно рассмотреть идеально правильные блоки, из которых сложены стены. Неторопливо прогуливается закованная в золотую броню стража. Забавно, я словно в сказочном сне. Одновременно вижу и реальность, в которой мальчик машет руками передо мной, пытаюсь привлечь внимание, и суровый замок вызывающий невольный трепет перед могуществом его создателей, сумевших построить такую махину. А стены все ближе. Я подлетаю к одной из башен со стороны суши. Все окна кроме одного прикрыты железными ставнями. Именно

к этому окну меня несет невидимое течение. Робея от мысли о подглядывании, заглядываю в узкую бойницу. Она! Ди! Девушка сидит на массивном деревянном стуле с резными подлокотниками и с тоской смотрит на свое отражение в серебряном зеркале. Ее губы что-то шепчут. Ближе, еще ближе. Шепот наполняет мои уши шелестом морского прибоя, а может это ее голос сливается с пением моря. «Димочка, где же ты?» – наконец разбираю я, и тут же неведомая сила выбрасывает меня в реальность.

Мальчик и Железяка стоят передо мной со странными выражениями на лицах.

– Что? – все еще не придя в себя, спрашиваю у них.

– Ожил? – поинтересовался Железяка. – И больше не пугай нас. Ты уже минут десять так стоишь как статуя и не отвечаешь на вопросы. Я предлагал тебя стукнуть для приведения в чувство, но пацан не дал. Заботливый он у тебя.

Мальчик насмешливо хмыкнул и показал Железяке язык.

– Я видел ее, – медленно выходя из плена видения, говорю им.

– Кого?

– Ди. Я видел Форт Ночного Сияния и слышал голос Ди. Она звала меня. Мы должны поспешить.

Торопливо начинаю собирать пожитки, готовясь к дороге.

– Как такое может быть? – недоверчиво поинтересовался Железяка, глядя на мои суматошные сборы.

Вместо меня ответил мальчик. Он взял Железяку за руки

и, взглянув в прикрытое сталью лицо, с совсем не по-детски серьезным выражением кивнул. Удивительно, но для пятидесятилетнего мужчины этого оказалось достаточно. Железяка задумался. Открытая часть лба покрылась глубокими бороздами морщин.

– Она для тебя действительно настолько много значит? – наконец спросил он.

– Да.

– И ты ради нее ставишь на кон собственную жизнь, даже не зная нужен ли ей? Ты ведь помнишь, что смерть во сне – это смерть в реальности.

– Да.

– Ты странный человек Дима, – задумчиво произнес Железяка. – С одной стороны профессиональный солдат не привыкший испытывать жалость к врагу, а с другой наивный романтик с бездонной душой.

– На себя посмотри, – недовольно парирую я. – Сам-то чего со мной поплелся? Ради чего сорвался с насиженного и между прочем довольно теплого места? Ведь ты имел все, о чем могла мечтать карта. Постоянная жизнь во сне, здоровое тело полное полезных знаний и умений. Ты воплощение мечты. Некоторое время назад я отдал бы все на свете лишь бы оказаться на твоём месте. Что может быть лучше, чем забыть о серой реальности и жить во сне?

– Я хочу домой, – опустив глаза, негромко произнес Железяка.

– Что? – кажется я закричал, потому что мальчик поморщился и прикрыл уши.

– Я хочу домой, – настойчиво повторил Железяка.

– Зачем? – Я смотрю на него как на в человека сидящего за столом, заваленным разномастными деликатесами, и грезящем о черствой корочке хлеба. В общем, на полного придурка. – Зачем тебе тот мир? Ностальгия замучила? Ты только вспомни койку военного госпиталя и ненавистный запах лекарств, надолго въедающийся в тело. Вспомни, что значит быть инвалидом, который живет прошлым. Хочешь, я угадаю, что тебе снилось? – Железяка дернулся как от пощечины. – Война! Смерть! Мы калеки не только физические... Мы люди с войной в душе... Моральные уродцы. Навсегда! Это не забывается. Такие как мы не приспособлены для мирной жизни.

– У меня там сын.

Я застыл с раскрытым ртом на полуслове.

– Сын?

– Я очень соскучился, – тяжело вздохнул он и зачем-то отвернулся. – Наверное, прошла целая вечность, с того момента как я видел его последний раз.

– Время в снах и реальности не имеет прямой взаимосвязи, – напоминаю я. – Мне кажется, что они периодически то ускоряются, то замедляются друг относительно друга.

– Вечность для меня. Я согласен быть инвалидом, навсегда поселиться на госпитальной койке... лишь бы только

увидеть сына, – глухо звучит голос Железяки полный тоски и боли.

– Так вот зачем ты пошел со мной...

Он утвердительно кивнул:

– Для меня этот поход хоть какой-то, но шанс попасть домой. Поначалу было все, так как ты говоришь. Радость от работы, на которой успел поставить крест. Переполненное силы тело... как в молодости. К сожалению, время постепенно с каждого из нас берет пошлину за прожитое. Даже до госпиталя я уже имел ряд проблем со здоровьем. Тревожило старое ранение. Колени незаметно превратились в барометр, довольно точно предсказывающий погоду ломотой. Я переламывал своих врагов пополам, упивался силой и свободой. Потом выживание в волчьей стае и быстрый путь наверх, сметая конкурентов и подчиняя окружающих своей воле. Да, я преуспел, но со временем пришла тоска, убившая радость от всех достижений.

– Ты думаешь, что Хозяева?...

– Ничего я не думаю, только надеюсь. Другого пути нет.

– Я помогу тебе, если это будет в моих силах... – помедлив добавляю, – и если это не будет противоречить моей цели.

– Спасибо, – протянул руку Железяка.

– За что?

– За честность.

Пожав руки, мы отправляемся вслед за мальчиком, успешным уже отойти на добрую сотню метров. Он спустился с

холма, и теперь прокладывает путь сквозь заросли высокой травы, иногда покрывающей его с головой.

Впервые с момента прохода Занавеси подробно осматриваю окружающий нас мир. Три солнца скептически поглядывают свысока на холмистую местность, покрытую зарослями кустов и небольшими рощицами приземистых деревьев. Вдали, по склону одного из холмов медленно ковыляет караван агрессивных кустов. Невольно вздрагиваю, вспомнив радужный прием колючих объятий. Все-таки Железяка молодец. Если бы не его упорство и напрочь лишенный тормозов энтузиазм, то превратились бы мы в подарочный комплект друшлагов. А вот я сплеховал, проявил малодушие. Говоря откровенно, я рад, что Железяка вместе с нами. Один его вид вызывает уважение и навевает спокойствие. Своей уверенностью он как бы говорит «не бойсь солдат, все будет нормально». Кроме этого он профессионал с большим опытом, а это в нашем путешествии ох как немаловажно. Даже мальчику понравился этот стальнолицый мужик с хиповой прической, выглядящей немного нелепо над пожилым лицом.

От Железяки мысли плавно перетекают к Ди и странному видению. Судя по реакции мальчика, замок на скале мне не померещился. Что же тогда это было? Дальновидение или еще какая-то чертовщина? Прямо как тогда, на постоялом дворе, всплеск неизвестно откуда взявшейся силы. Но главное не это, главное, что Ди жива здорова и ждет меня. Она верит в меня. Я не должен подкачать, не должен обмануть

ее надежд. Но все-таки зачем я понадобился Хозяевам? Чего они хотят добиться? Что изменится оттого, что я дойду или не дойду до Форта Ночного Сияния? Может, на меня делают ставки как на участвующего в забеге жеребца? Нет, это глупости. Люди, или нелюди управляющие мирами не опустятся до таких мелочей. Дело в чем-то другом. А вдруг я потерявшийся потомок какого-то могущественного бога и меня проверяют на соответствие титулу? Нет, тоже не то. Слишком наивно и самонадеянно. Из грязи в князи... Вообще-то все эти мысленные потуги не имеют ни малейшего смысла. Я могу нарожать гипотез гору и маленькую кучку в придачу, но до тех пор, пока не доберусь до конечной остановки истины все равно не узнаю. К тому же список вопросов до неприличия велик. По большому счету я даже не знаю, где нахожусь. Зависшие над головой солнца могут быть чем угодно: звездами другой галактики или прибитыми на умело закамуфлированный потолок светильниками. Мы проходим через какую-то Занавесь и оказываемся в совершенно другом мире. Может мы при этом преодолеваем парсеки космического пространства, а может всего на всего перезаписываемся из одного раздела жесткого диска исполинского компьютера на другой. А чего стоит несоответствие времен? Это же откровенное наплевательство на законы физики.

– Не отставай, – вырывает меня из жадно плямкнувшего болота мыслей голос Железяки. – Идти и спать одновременно опасное занятие. Можно не проснуться.

– Да иду, иду, – рассеянно говорю в ответ. – Только нравуочений не надо.

Мальчик на ходу выдернул из земли какой-то корень. Отчистив от земли, переломил пополам и засунул один кусок в рот. Сделав блаженное лицо, он показал мне поднятый вверх большой палец. Наверное, вкусно. Надо и самому попробовать. Киваю, и мальчик бросает мне вторую половинку корня. На вид смахивает на покрученную морковь, только зеленого цвета. Пахнет корицей и плесенью. Наверняка не очень приятный запах обманчив.

– Хрусь, – сказал корешок, поддавшись натиску зубов.

– Мудак! – завопил я, ощутив во рту пожар.

Мне как будто засунули в рот пылающий факел. Хуже красного перца. Даже вдыхаемый воздух, кажется нестерпно горячим и обжигает легкие. Перед глазами запрыгали красные круги и зеленые чертики с ядреными корешками в руках. К счастью впереди мелькнула полоса воды. Река! Припустив на всей возможной скорости к спасительной воде, я чуть не сбил с ног Железюку.

– Чего это он? – услышал я его голос за спиной и тихий смешок мальчика. Хорошо ему хихикать, глотка то наверно луженая.

Влетев с разгона в воду, я начал хватать ее ртом как замученный пустыней верблюд, пытаюсь затушить бушующий пожар.

К тому моменту, когда подоспели попутчики я уже успел

наполнить желудок водой по самое никуда и вдоволь наглотаться вонючей тины. Хорошо хоть жаб здесь нет.

– Что случилось? – спрашивает Железяка, спускаясь к воде.

– Г-гык, – икнул я так, что сам испугался родившегося из затопленных глубин желудка звука, и чвиркнул струйкой воды. – Г-гык. Любопытство погубило. Г-гык. И жадность.

В двух словах рассказываю ему о моем гастрономическом эксперименте.

– А тебе понравилось? – спрашивает Железяка у ехидно поглядывающего с безопасного расстояния мальчика.

Отрицательный взмах в ответ.

– Тогда зачем ел? – спрашиваю, вытаскивая изо рта пучок дурно пахнущих водорослей. – Г-гык.

Мальчик заулыбался еще шире и показал свою половинку корешка. Целую! Ни капельки не надкушенную!

Железяка захохотал так громко, что из нависших над рекой кустов с испугом выпорхнула стайка неизвестных птиц. Он плюхнулся задом на песок и ухватился за живот.

Позеленев от злости, я заорал:

– Ах ты, маленький засранец! – и бросился вслед за улепетывающим мальчиком, провожаемый раскатистым хохотом.

Закончив публичное макание мальчика в грязную воду, я удовлетворенно выбрался на берег и растянулся на теплом песке. Вытирающий слезы смеха Железяка бросил на меня

взгляд и снова зашелся хохотом.

– Любопытство не порок, – с трудом выговорил он, – а болезнь, часто имеющая летальный исход.

– Повезло же мне со спутниками. Один отравой подкармливает, второй умностями.

Фыркая и отплеываясь, мальчик улегся рядом со мной.

Игры закончены. Сейчас отдых и снова в путь. Даже жаль отсюда уходить. Хочется полежать, понежится в лучах трех солнц, высушить одежду, но как говорил наш заводской водопроводчик – труба зовет.

Глава 20.

Бывает море состоящее из воды, а бывает совсем другое – травяное море. Именно по такому морю, мы сейчас и плывем, то есть идем. Густая трава достает до пояса и мягко шуршит при каждом шаге, создавая иллюзию морского прибоа. Наш Сусанин, в смысле мальчик, размахивая подобранной где-то палкой, шествует впереди. Уже четвертый день наша троица гость этого многосолнечного мира. Мы делаем километров по семьдесят-девятисто за непривычно длинные сутки. Изматывающий ритм. Короткие перерывы на еду и сон и снова в путь. До сих пор не встретили ни одного человека и никаких признаков жилья. Но в том, что здесь присутствует разумная жизнь, сомнений нет. Где-то под вечер второго дня мимо нас промчался испуганный табун лошадей.

В толчее мускулистых тел гонимых страхом я заметил одну оседланную лошадь. Раз есть седло, значит должен быть и тот, кто в нем сидит.

Степь да степь кругом. Живности хватает, поэтому с питанием проблем нет. Мальчик оказался неплохим поваром и балует нас, не смотря на спартанские условия кухни разной вкуснятиной. Поначалу я думал, что он не выдержит такого темпа, но ошибся. В отношении выносливости он ничем не уступает нам, а может быть даже и превосходит.

В общем-то мне здесь даже нравится. Три солнца дают достаточно тепла, но в то же время не жарко, кольчугу можно не снимать. Опасных животных, за исключение кровожадных кустов, если конечно их можно назвать животными, не видно. Живописные холмы покрыты буйством зеленых трав и цветущих желтым кустов. Вторым подтверждением разумной жизни является широкая тропа, которую мы пересекли около часа назад. В пыли хорошо заметны старые следы обуви с гладкой подошвой.

– Давно хотел спросить, – обращаюсь к прикрытой панцирем спине идущего впереди Железяки. Знатный, между прочим, панцирь. Темные пластины из неизвестного сплава закреплены на мягкой кожаной подложке с рельефными вставками из войлока. Такие доспехи и от меча с пулей защитят, да и в случае падения от переломов и ушибов владельца оградят.

– Давно? – с ухмылкой обернулся он. – Кажется, срок на-

шего знакомства не такой уж и длинный, чтобы можно было говорить давно.

– Не придирайся к словам. Все относительно, – недовольно говорю я. Не люблю, когда цепляются к мелочам.

– Ну, ладно-ладно. Давай спрашивай.

– Дама сказала мне, что после того как я провалил миссию оставив тебя в живых...

– Спасибо, – сделал реверанс Железяка, и начал витиевато расшаркиваться. – Премного благодарен.

Выглядит это чертовски забавно. Вид здорового мужика со стальной маской и оранжевым гребнем, выписывающего передо мной какие-то дикие кренделя, произвел на мальчика впечатление. Он на мгновение замер, раздались скупые аплодисменты, и снова зашагал вперед.

– Клоун и фигляр, – сердито изрекаю в ответ на его благодарность.

Иногда этот пятидесятилетний мужчина ведет себя как подросток. Он может запросто, ни с того ни с сего, стать на руки и так пройти несколько метров. Хотя... возраст понятие относительное. У него железное здоровье и масса сил благодаря Хозяевам. Почему бы иногда не подурачиться. То, что он профессиональный солдат еще не значит, что он должен быть замуштрован до состояния стойкого оловянного солдатика и мочиться только по команде. Мотоциклисты из клана Орлов за кружкой кофе в дружеской беседе поведали мне, что однажды Железяка, на глазах у всей стаи ослепил

предателя, своего недавнего друга, а потом свернул ему шею. О нем отзываются как о справедливом, но суровом вожаке, любящем и повоювать, и покутить вволю.

– Обижаться вздумал? – хитро прищурил глаз Железяка.

– Так вот, – продолжаю, не обращая внимания на его тон, – Дама сказала, что после нашего провала тобой должны были заняться Трефы...

– Занялись, – самодовольным тоном вклинился Железяка. – Но им повезло еще меньше чем вам. После визита Пик, я понял, что дело не чисто и меня в покое не оставят. Видать чем-то Хозяевам не угодил, или просто решили взять на себя функцию медальона, и доделать за него работу.

– И что же вы с ними сделали? – затаив дыхание, спрашиваю я. Почему-то мне очень не хочется услышать, что Волки уничтожили всю колоду. Колода хоть и не моя, но все же... не так давно мы все делали одно дело. Своего рода коллеги.

– Я пытался решить все по-хорошему, – словно извиняется Железяка. – Путем нескольких заранее заготовленных сюрпризов мы загнали всю колоду в тупик. Я пытался с ними поговорить... Рассказал о медальонах, о том, что сняв их они получают возможность остаться в этом мире здоровыми и получить второй шанс на счастливую жизнь. Даже о себе все рассказал.

– Не поверили?

– Не знаю, – пожал плечами Железяка. – Они как будто не слышали меня. Мои слова как бы пролетали мимо их ушей,

не достигая разума. Словно работала глушилка. Помнишь наши в свое время использовали методику глушения забугорных радиостанций?

– А потом?

– Потом они пошли в атаку. Трефы знали, что у них нуль шансов и все равно попытались до меня добраться, вместо того, чтобы нажать кнопку на транспортном модуле. Они дрались как звери.

– Карты всегда так дерутся, если ты не забыл. К тому же вернуться с проваленной миссии – навсегда забыть о снах.

– Да конечно, – кивнул Железяка и так резко остановился, что я чуть не налетел на него. – Такое не забывается, даже если очень сильно захотеть.

– Чем все закончилось?

Я уже знаю ответ на этот вопрос. Карты в плен не сдаются и переговоров с противником не ведут. Но почему они не поверили рассказу Железяки? У него на руках было достаточно фактов, чтобы убедить даже закоренелого скептика. Железяка очень удачно сказал насчет глушилки. Не так давно, будучи на месте Треф, я поступил бы точно так же. Во время миссии карты словно зашорены и не видят многих очевидных вещей. Например, возьмем Даму. В отличие от рядовых карт она обладает достаточным объемом информации, чтобы догадаться снять медальон, и получить навсегда желанную свободу и все же, она тупо выполняет свою работу, не предпринимая никаких действий в эту сторону.

– Мы похоронили их в старом парке, на волчьем кладбище.

Идущий впереди мальчик замер и прислушался. Предостерегающе вскинул руку. Низко пригнувшись, стараясь не шуметь, подбегаем к нему.

– Что? – спросил Железяка вытаскивая из-за пояса зубчатый нож.

Мальчик приложил палец к губам и жестами попросил прислушаться. Стараясь не дышать, вслушиваюсь в звуки чужого мира. Вроде все как обычно: тихонько шелестит трава под легкими дуновениями теплого ветерка, дуэтом чирикают невидимые в зарослях кустарника птички, как паровоз пытит рядом Железяка. Нет, мальчик прав, присутствует еще один звук – частое позвякивание металла о металл. До боли знакомая мелодия...

– Бой на мечях, – изрекаю свою версию, а мальчик согласен кивает.

– У нас на пути? – интересуется Железяка.

Мальчик объясняет, что бой идет правее от намеченного маршрута.

– Тогда обойдем стороной, и все дела, – облегченно вздыхает Железяка и прячет нож. – Происходящее здесь нас не касается.

Он уже готов двинуться в путь, но, взглянув на меня, замирает. У меня на лице застыла решимость пойти и посмотреть. Не говоря ни слова, лишь тяжело вздохнув, Железяка

обречено поплелся вслед за нами. Не смотря на старшинство и большой опыт, он не претендует на место лидера. И это хорошо. Нам еще только разборок на тему кто главнее не хватает.

С каждой минутой звуки становятся все отчетливей, и теперь нет ни малейшего сомнения в том, что за ближайшим холмом идет бой. Звон стали дополняется человеческими криками, и звериным рычанием.

Наконец продравшись сквозь густые заросли кустов, мы добираемся до вершины холма, и перед нами открывается обширная равнина, на которой идет бой. Пятеро закованных в отполированную до блеска сталь людей, отбиваются от окруживших их более чем десятка мерзких существ похожих на каких-то мультяшных гоблинов с моржовыми клыками. Рост под два метра, крупное телосложение, короткие кривые ноги с большими ступнями и непропорционально длинные руки, сжимающие тяжелые двухсторонние топоры устрашающего вида. От мечей людей гоблинов защищаю диковинные доспехи, сплошь усеянные шипами и какими-то наростами. У меня появляется подозрение, что никакие это не доспехи, а что-то навряде хитинового покрова насекомых. Земля обильно усеяна изрубленными телами людей и их загадочных противников. Осмотрев поле боя, обнаруживаю двенадцать трупов людей и четыре их врагов. При таком раскладе сил и статистике потерь людям не долго не продержаться. Противник гораздо сильнее обычного человека и его

доспехи достаточно прочны. Как бы подтверждая мои мысли, один из людей рухнул на землю с раскроенным черепом. Шлем не выдержал удар топора и раскололся надвое. Кровь и мозги обильным дождем брызнули на доспехи победителя. Перед этим человек успел нанести гоблину сильный удар в плечо, но сталь лишь скрежетнула по шипам и скользнула в сторону, открывая их владельцу незащищенную голову воина.

Победным ревом приветствуют чудища смерть еще одного недруга. Свирепо сотрясая топорами, они усиливают натиск на оставшуюся в живых четверку. Людям приходится несладко. На доспехах уже не одна отметина гоблинского топора. У предводителя людей, он выделяется пышным плюмажем на шлеме, кровоточит распоротый бок. У низкорослого коренастого воина с длинным двуручным мечом, больше подошедшим бы значительно более высокому человеку, плетью обвисла левая рука, но он лихо управляется оружием и одной правой. Двое других находятся в лучшем состоянии и пока отделались лишь вмятинами в доспехах.

– Что за уроды такие? – брезгливо поморщился Железяка.

Мальчик бегло взглянул на битву и отвернулся не найдя для себя ничего интересного.

– Тут более уместен вопрос, что мы будем делать? – говорю, не отрывая глаз от яростно отбивающейся от превосходящего врага четверки. Хорошие воины. Не смотря на меньшинство, они не пали духом и дают достойный отпор длинноруким уродцам.

– Что значит что? – недоуменно взглянул на меня Железяка. – Это их драка и нам нет никакого резона в нее ввязываться.

– Там люди, – задумчиво констатирую я.

– Ну и что, что люди? – хмыкает Железяка. – Мы что, должны спасать по пути всех попавших в беду людей? Ты решил создать бюро добрых услуг? Если будем себя так вести, то нам очень скоро понадобятся ритуальные услуги. У нас есть свои дела и не стоит распылаться по мелочам. Правильно я говорю, пацан?

Мальчик утвердительно кивнул и указал направление, в котором надо двигаться.

– Майор, ты всегда бросаешь людей в беде? – серьезно смотрю ему в глаза, как бы проверяя, кто из нас слабее, кто первый отведет взгляд.

Первым не выдержал Железяка. Он моргнул и неожиданно ударил меня кулаком в челюсть. Потеряв равновесие, опрокидываюсь на спину и скатываюсь в кусты.

– Тебе меч дать? – с улыбкой спрашиваю у него, выбравшись из сплетения цепких ветвей.

– Нет. При моей комплекции и в отличие от тебя отсутствия знаний по фехтованию лучше орудовать чем-нибудь потяжелее чем твои скальпели. На месте подберу. А если ты еще хоть раз так скажешь, ты понимаешь о чем я, сверну башку. Без разговоров.

Его тон настолько серьезен, что не оставляет сомнений в

правдивости сказанного. Я действительно нанес словесный удар ниже пояса, но это был единственный способ заставить его действовать. Можно конечно пойти своим путем и забыть об этом бое, но какие же тогда мы люди, если позволяем всяким монстрам шипастым безнаказанно уничтожать себе подобных.

Мальчик недоуменно взглянул сперва на меня, потом на Железяку и пожал плечами, выражая полное непонимание мотивации наших действий. Он быстро замахал руками, пытаясь объяснить, что нам нужно совсем в другую сторону, что у нас есть дела поважнее, а в его обязанность входит провести меня до Форта. Воспользовавшись затянувшейся пантомимой, вкратце обсуждаем с Железякой план действий.

– Сиди тут, – вытаскивая из заплечных ножен мечи, говорю мальчику. Он возмущенно смотрит на меня и недовольно кивает. Наклонившись к самому уху, шепчу: – Надеюсь, что твои услуги нам не понадобятся. Пожалуйста, постарайся без надобности не вмешивается. Не хочется, чтобы каждая собака знала, что с нами путешествует оборотень. Неизвестно насколько вас здесь не любят.

Мальчик согласился и несколькими красноречивыми жестами пояснил, что не любят, причем очень сильно.

– Так ты и тут успел побывать?

У мальчика неожиданно задрожал подбородок, а на глазах появились слезы. Естественно, я воспринял это как проявление чувств к попутчику, то есть ко мне. За время наших

странствий я и сам успел привязаться к этому худощавому парнишке с хаотичной копной волос. Не смотря на то, что я не знаю истинной причины присутствия его рядом со мной, он может быть не только проводником, а еще и надсмотрщиком, хотя, скорее всего это глупость, он мне нравится.

– Вперед! – скомандовал Железяка и рванул с места как незаурядный спринтер.

Сейчас время играет против нас. Чем ближе мы успеем подбежать до того как гоблины нас заметят, тем успешнее будет наша подмога.

В нашем поступке слишком много безрассудства. Добавление еще двух бойцов вряд ли поможет четверке совладать с тринадцатью врагами. Нет не четверке, уже тройке. Футбольным мячом взлетела вверх голова в шлеме, оставляя за собой в воздухе красную радугу. Радостно взвыли гоблины.

На пути встречаются несколько трупов представителей обеих сторон. На мгновение замедляю бег, чтобы рассмотреть будущего противника подробнее. Насчет доспехов я оказался прав. Это не панцирь, в обычном понимании этого слова, скорее множество сросшихся костей черного цвета, выступающих из тела, покрывающих практически все туловище и голову прочным каркасом. Такое впечатление, что у этих существ двойной скелет – внутренний, как у людей и внешний, как у насекомых.

Особого внимания заслуживает голова. Большая и приплюснутая сверху, она как бы заключена в костяной шлем с

прорезями для маленьких красненьких глаз, ушей и отверстием для большого, усыпанного неровными желтыми зубами рта. То, что я поначалу принял за моржовьи клыки, оказалось двумя толстыми костяными выростами, тянущимися от скул, впереди рта, почти до самой шеи. Судя по всему, это своего рода защита уязвимого рта и горла. Сейчас для меня наибольший интерес представляет не строение тел гоблинов а наличие уязвимых мест. Глаза быстро ощупывают труп в поисках участков, не защищенных костями. Их не так уж и много. Глаза, уши, рот, подмышки, внутренние стороны коленей и локтей, складки в паху не обремененном совершенно никакими половыми признаками и еле заметный стык костяных пластин на границе горла и нижней челюсти. Не густо. Надо быть виртуозом, чтобы поразить такого бронированного монстра.

Железяка на бегу подхватывает с земли гоблинский топор. Вот такое оружие ему в самый раз. Он и сам не на много меньше этих тварей, вот разве что руки покороче, а ноги подлиннее.

До цели остаются считанные метры. Люди нас уже заметили и как по волшебству оживились, активнее замахали мечами не смотря на усталость. Оно и понятно, в подобной ситуации подмога, пусть даже такая махонькая, всегда приносит надежду на победу и пробуждает дремавшие ранее резервы сил. К счастью, для их врагов мы пока не существуем. Они заняты тем, что мешая друг другу, стремятся поскорее до-

браться до кажущейся такой легкой добычи.

– Бей уродов! – заорал Железяка так, что я, не ожидая столь шумного проявления энтузиазма, споткнулся и грохнулся прямо под ноги двум гоблинам, повернувшимся нам на встречу.

Два топора с секундной паузой прошуршали над моей непокрытой головой, обдав легким ветерком. В их полете было столько необузданной мощи, что у меня внутри все похолодело. Стоило бы мне оказаться на их пути – лететь бы мне вместе с мечами как шарик в гольфе. При моем весе никакой профессионализм не поможет выдержать удар гоблина. Хорошо тройке солдат, тяжелые стальные доспехи видимо выполняют роль балласта, удерживая хозяев на месте. Ну ладно, шутки-шутками пора и дело делать.

Противник разделился. Основная масса продолжает насесть на отважную троицу, а четверка гоблинов решила уделить свое внимание нам. Меня вкупе с парой мечей они всерьез не приняли и выделили всего одного противника. Широкоплечий Железяка удостоился внимания трех гоблинов. Сверкнула в лучах трех солнц маска, прикрывающая изуродованную часть лица, взлетел в воздух тяжелый топор на длинной рукояти увитой медной проволокой, раздалось звериное рычание с матерным окончанием, и один из гоблинов рухнул наземь. Нет, лезвие топора не прорубило костяную защиту головы, лишь оставило глубокую насечку, просто удар был настолько силен, что тварь получила полноцен-

ную контузию.

У меня дела идут намного хуже чем у Железяки, не смотря на профессионализм в области фехтования. От топора в основном стараюсь уклоняться, так как при первой же попытке отразить удар мечами чуть не остался без рук.

Мечи оставляют на доспехах гоблина паутину царапин, не в состоянии нанести вреда. По большому счету фехтовальщик из гоблина никакой. Удары примитивные, никаких обманных движений, но сильные. Сплошной деревенский практицизм. Деревенщина-то деревенщина, но как спрашивается ее можно убить. Воины как-то справляются. Лежащие на земле трупы тварей этому живые свидетели, то есть мертвые свидетельства, тьфу ты, запутался. В общем, эти трупы хоть и мертвые но свидетельствуют о том, что их можно убить. Нет, что-то у меня с головой не так. Толи от страха перед неуязвимым противником, толи от избытка мозговой деятельности.

Воин с плюмажем на шлеме удачным ударом отсек гоблину руку, удерживающую топор. Тварь неистово взвыла, и попыталась вырваться из боя, сжимая уцелевшей рукой кровоточащий обрубок, но получила колющий удар в спину, и рухнула в траву.

Быстро отскакиваю назад, и вынимаю из руки мертвого воина меч, предварительно бросив свои на землю. Похоже, что дело именно в оружии.

Мой противник, раскручивая над головой топор и свер-

кая сквозь прорези в костяном шлеме красными глазенками, бросается в атаку. Ловко уклоняюсь от удара и вонзаю меч ему в грудь. Раздается тихое шипение. От стального лезвия идет не то дым, не то пар и оно быстро скрывается внутри гоблина, как бы проплавливая доспехи. Так вот в чем дело! Меч сделан из какого-то особого металла, который, скорее всего, вступает в химическую реакцию с костяными доспехами и снижает их плотность, позволяя добраться до жизненно важных органов.

Тварь, по началу деморализовавшая меня одним своим видом, с хрипом осела наземь.

– Железяка, – кричу во весь голос. – Бросай топор и хватай человеческий меч. Он панцирь как масло пробивает.

– Некогда, – на мгновение из-за спин тварей показалось вспотевшее лицо Железяки. – Помог бы лучше, чем советы давать.

Действительно, ему приходится несладко. Два гоблина обрушивают на него удар за ударом, не давая замахнуться.

Исторгнув боевой клич неопределенной национальности, обрушиваюсь на спины его врагов. Нападение оказалось для них полной неожиданностью. Скорее всего, в гуще сражения еще никто не заметил, что я сразил своего противника. А зря! Завалил я его очень даже ничего, присутствующие могли, как минимум, хотя бы поаплодировать, так как в связи с военным положением цветы были бы не к месту. Хотя, как сказать, на могилках этих шипастых уродов они смотрелись

бы в самый раз.

Два удара и два гоблина скрываются в высокой траве.

– Ты как? – спрашиваю у взмыленного Железяки. С него разве что пар не идет. Покрытый потом и кровью из царапины на виске он выглядит как персонаж антивоенного плаката. Только надписи: «Жертва войны» не хватает.

– Ничче, – хрипя выдыхает он. – Упарили меня красноглазые. Лупят как молотобойцы в кузне. Руки онемели.

– Бери меч и вперед, – легонько толкаю его в плечо.

– Угу, – отбрасывает в сторону бесполезный топор Железяка. – Ну, сейчас я этим мудакам задницы надеру.

Размахивая мечами, врываемся в гущу сражения, сея в рядах врага смерть и панику. Virtuозно шныряя меж траекториями топоров, наношу удар за ударом. Вот сейчас я чувствую себя в своей тарелке. Куда там неповоротливым тварям до моего мастерства. В качестве показательного выступления выполняю довольно простой в исполнении, но чрезвычайно зрелищный удар. Широкое лезвие меча движется под углом снизу вверх снимая костяную голову с широко разинутым в ревертом с плеч и одновременно подбрасывая вверх. Перехватываю меч наподобие бейсбольной биты и сильным ударом отправляю костяной мяч в очередного врага. Поймав головой увесистое ядро с красными глазами и все еще разинутым ртом противник на мгновение опешил и дал мне замечательную возможность хорошенько тюкнуть его по черепу.

Железяка не вдаваясь в тонкости искусства фехтования работает в стиле слепого дровосека, снося все, что шевелиться, под корень в зоне досягаемости меча. Я стараюсь из соображений безопасности держаться от него подальше, а то не ровен час и сам с горяча под раздачу попаду. Выписывая сверкающей сталью вокруг себя гудящие круги, и грозно ревя от азарта что-то неразборчиво матерное, Железяка похож на слона разучивающего какой-то дикий танец под собственное пение. Отлетают в стороны отделенные конечности, падают под ноги искромсанные тела.

Нет никакого сомнения, что победа за нами. Твари, похоже, тоже сообразили, что при таких делах минут через несколько от них останутся только горы мяса в высокой траве на корм стервятникам, которые уже кружат над нашими головами в ожидании начала пира. Медленно отступая под нашим совместным натиском, теперь уже они вынуждены собраться в плотную кучу для круговой обороны. Их осталось всего четверо.

В ходе боя оказываюсь плечом к плечу с предводителем людей. От усталости и глубокой раны в боку он едва стоит на ногах, но все же раз за разом вскидывает широкий меч и обрушивает его на врага.

– Вовремя вы подоспели, – глухо звучит из-под закрытого забрала утомленный голос.

– Старались! – опьяненный боем, громко смеюсь в ответ, и небрежным движением меча уменьшаю количество про-

тивников до трех.

Справа раздается звук треснувшего переспелого арбуза и забористая ругань Железяки, сетующего на мозги, которые так и норовят глаза забрызгать.

Наконец все закончилось. Последняя тварь рухнула на землю под мечом коротыша с раненной рукой.

– Победа! – слабо вскрикнул он и кулем рухнул на землю.

– Акенот? – неторопливо подошел к нему воин в шлеме с плюмажем. Опустившись на колени у раненного, он рывком стащил с головы помятый шлем и приник ухом к его груди. – Живой?

Третий воин устало опустился на землю и облокотился на труп твари. Из-под открытого забрала на нас серьезно глянуло немолодое усатое лицо, посеченное оспой.

– Славная битва была, – он снял шлем, вытер ладонью лицо и осмотрел заваленное трупами поле. – Много хороших воинов полегло.

– Не время горевать! – сердито глянул на него предводитель. – Мы победили и это главное! Вместо того, чтобы ныть походи, поймай наших лошадей. – Он махнул рукой в сторону холма, на склоне которого, застыли испуганно перебирая копытами и втягивая ноздрями пропитанный кровью воздух несколько скакунов. – Шевелись, кому сказано! Быдло!

Усатый воин покорно кивнул, с кряхтеньем поднялся на ноги и устало опираясь на меч медленно поплелся к лоша-

дям.

– Вы можете помочь раненому? – повернулось к нам властное лицо.

На вид предводителю этого поредевшего отряда не более двадцати пяти лет. Короткая, аккуратно подстриженная рыжая бородка, и такого же цвета волнистые волосы до плеч. Крепко сбитый, высокого роста, но с еле заметными остатками подростковой угловатости. Точеные черты лица с явной печатью надменного благородства и знатного происхождения. Такого даже если одеть в рвань, и перемазать грязью, все равно будет выделяться из безликой толпы. Одного взгляда будет достаточно. Взгляда человека привыкшего повелевать и властвовать.

– Можно попытаться, но успех не гарантирую, – отстегиваю от пояса шаманскую аптечку. – Лекарства есть, но я не практикующий врач.

– Он умрет, умрешь и ты! – надменно взглянул на меня предводитель.

От удивления я даже рот открыл. Это ж надо! Свинство первосортное. Мы, считай, жизнь им спасли, а он еще и угрожает. Черта с два они сами разобрались бы с этими тварями. Да мы вдвоем положили костлявых ни чуть не меньше чем вся его ватага.

Пока я как вытянутая из воды рыба беззвучно хлопаю ртом, не зная, что сказать, Железяка неторопливо подошел к предводителю и негромко рыкнул:

– Встать!

– Что? – расширились глаза рыжебородого воина, а рука потянулась за лежащим в траве мечом. – Да как ты смеешь?! Я...

– Встать! Смирно! – рявкнул Железяка голосом кадрового офицера так, что я чуть сам невольно по струнке не вытянулся. Отправившийся за лошадьми воин остановился и, повернувшись в нашу сторону, наблюдает за ходом событий.

По благородному лицу побежали красные пятна гнева. Ухватив меч, он рывком вскочил на ноги, но Железяка, не смотря на массивную комплекцию, оказался проворнее. Размером со среднюю дыню кулак вlepился в благородное лицо промеж сверкающих злобой глаз. Выписав в воздухе незамысловатую траекторию бородатый с металлическим лязгом рухнул на землю.

– Крепко ты благородного приложил, – констатирую, нащупав на шее предводителя слабый пульс. – В отключке. Чистый нокаут! До десяти считать не буду, все равно не поднимется. Ты в следующий раз силу поумерь, а то от доброты душевной кому-нибудь зря скворечник развалишь.

– Козел он неблагодарный, а не благородный, – презрительно хмыкнул Железяка. – Надо уметь говорить спасибо.

Третий воин сделал вид, что ничего не произошло, и занялся поимкой перепуганных лошадей. Скорее всего, твари, которых я окрестил гоблинами, напали на отряд во время привала. От вида и запаха костлявых лошади рванули куда

глаза глядят и воинам пришлось сражаться пешими. Честно говоря, даже не знаю, как они передвигаются в своих тяжелых доспехах покрывающих тело от макушки и до пят украшенных ажурными шпорами. Выглядит, конечно, красиво, этакий цвет рыцарского общества в сверкающих латах и все такое, но ведь на улице тепло. Даже мне, в легкой кольчуге жарковато, что уж тогда говорить о них. Передвижная финская баня получается. Безотказное средство для похуждения. Представляю, какие запахи гуляют внутри этих жестянок. А может все так и задумано. Мобильное химическое оружие массового поражения. Стоит только отстегнуть железный башмак и вокруг вымрет в страшных муках все живое за исключением хозяина. У него иммунитет.

Используя содержимое шаманского свертка, обрабатываю раны низкорослого воина, предварительно стянув покоренные доспехи, что оказалось довольно непростым делом. Отдельные элементы соединены друг с другом бесчисленным количеством кожаных завязок и ремней. Пришлось пустить в ход нож, чтобы выковырять воина как устрицу из ракушки.

– О-о-х-х, – приоткрылись полные боли глаза. Я как раз закончил бинтовать руку, умащенную вонючей мазью. – Я жив?

– Скажи спасибо Димке, – хитро улыбнулся Железяка, и отвел руку для удара. Похоже, ему понравилось читать хорошие манеры высшему сословию.

– Спасибо, – прошептал Акенот.

– Ты посмотри, а этот намного вежливее, – заметил Железяка и с сожалением опустил руку.

– Что с братом? – попытался приподняться воин, но, поморщившись от боли, снова опустил голову на землю.

– Каким еще братом?

– Вадибур. Он был в шлеме с плюмажем... командовал отрядом. Вадибур мой старший брат.

После этих слов действительно замечаю сходство между моим пациентом и оглушенным невежей. Много общих черт, но у Акенота лицо более грубое и лишено надменного благородства как у брата. Вместо этого на нем живут спокойствие и доброта. У него коротко стриженные черные как смоль волосы и гладко выбритое лицо. Немного раскосые широко посаженные глаза. Мускулистое низкое тело с сильными длинными руками делает его немного похожим на крупную обезьяну. Осанка, постоянный наклон тела вперед и легкая сторбленность, еще более усиливают сходство. В отношении внешности он проигрывает брату как минимум сто очков. Не смотря на возраст, он кажется значительно более взрослым и умудренным жизненным опытом.

– Его хватил солнечный удар. Прямо промеж глаз, – довольно произнес Железяка, и красноречиво хрустнул пальцами. – Кстати, – он задумчиво посмотрел в небо, – учитывая, что у вас три солнца, то и бить они должны трижды. По очереди.

Железяка довольно улыбнулся собственной шутке.

– С ним все нормально, – успокаиваю раненого и бросаю осудительный взгляд в сторону Железяки. – Просто он не очень вежливо себя повел, и мой спутник... – как бы повежливей обозвать битье в морду? – в максимально доступной форме объяснил ему это, но немного переусердствовал. Теперь ваш брат без сознания. Закончу обрабатывать ваши раны, займусь им.

– Зря вы так. Вадибур часто бывает резок, но... – нахмурился воин. – Приношу свои извинения за его поведение, что бы он вам не сказал, и премного благодарю за оказанную помощь. Без нее гоблины смяли бы нас...

– Гоблины? – удивленно перебиваю его. Оказывается, я один в один угадал название этих тварей. Вот это совпадение.

– Да, гоблины, – не обратив внимания на мою реакцию, повторил воин.

Пока я обрабатываю раны Вадибура, у него оказался разрублен бок – ничего серьезного, поверхностное ранение, его брат, Акенот поведал нам о делах творящихся в этом мире.

Оказывается, мы находимся в землях ранее процветавшего королевства Рошгор занимающего немалые территории. Им правит король Данибур-Золотоволосый, благородный и отважный человек. У него есть два сына: старший Вадибур, младший Акенот и дочь Власа невиданной красоты девушка с золотыми волосами, достигающими колен. Младший сын

полностью унаследовал черты матери из орды кочевников, черноволосой и коренастой уроженки вольных степей. Возможно, именно из-за этого отец уделяет ему меньше внимания, чем остальным детям. Любимец короля – старший сын, но в последнее время он ведет себя крайне вызывающе, вплоть до намеков о том, что пора бы и креслице наследнику уступить. Естественно отцу такие разговоры не по душе, но пока он все прощает своему любимцу. Столица королевства – одноименный город Рошгор. Белокаменные стены опоясывают огромный холм, на котором и разместился сам город. Акенот считает, что Рошгор – лучший город в мире. Ведь именно в нем живут лучшие мастера и ремесленники. Доспехи и украшения, изготовленные в нем пользуются неизменной популярностью во всех землях и стоят немалые деньги. Рошгорские ткачи творят чудесные ткани из тончайших нитей-паутин смертоносного паука чари. Эти ткани легче воздуха и переливаются всеми цветами радуги в зависимости от освещения. Плодородные поля, окружающие город засажены разнообразными сельскохозяйственными культурами, и крестьяне близлежащих деревушек всегда снимают богатый урожай. В городе есть школы, в которых учатся дети даже низших сословий. Ремесленники с радостью набирают новых учеников, так как на Рошгорские товары всегда есть спрос. Бесконечными вереницами тянутся торговые караваны в земли кочевников и горцев. Отряды воинов в сверкающих доспехах сопровождают их и служат залогом безопас-

ного достижения пункта назначения.

При рассказе о родном городе в глазах Акенота загораются звездочки гордости, его голос полон любви к белокаменным стенам, и тем, что за ними находится. Кажется, что он даже забыл о боли. Но неожиданно его тон сменяется на печальный и окружающий нас мир становится далеко не таким прекрасным, каким казался в начале рассказа.

Эпоха благоденствия и процветания для королевства закончилась с приходом темных сил. Своры гоблинов разоряют деревни, убивая даже женщин, стариков и детей. Гоблины не берут пленных и не грабят павшие селения. Они лишь убивают и сжигают, одержимые жадной разрушения. Вслед за ними появились черви, а спустя некоторое время и драконы. Гигантские черви движутся под землей, скрытно приближаясь к деревням. Потом неожиданно земля разверзается под ногами у ничего не подозревающих крестьян, и они оказываются в усеянной несколькими рядами зубов пасти. Но самым большим ужасом этого мира являются драконы. Они словно пришли из старых сказок.

Никто не знает, откуда взялось это зло. Оно проявляло себя медленно, как бы подкрадываясь. Сначала появились мелкие стаи гоблинов, потом пошли невыясненные слухи о появлении червей, кто-то увидел дракона парящего над полем в вечерних сумерках. Поначалу король Данибур-Золотоволосый с насмешкой относился к подобным рассказам крестьян, и говорил, что корневая брага пробуждает фантазии

из услышанных в детстве сказок. Так было до тех пор, пока дракон не сжег его жену вместе с эскортом. Это страшное событие произошло прямо у него на глазах. Король стоял на крепостной стене, ожидая прибытия супруги, которая возвращалась из свободных степей после визита к родственникам. Как и положено ее охраняло несколько десятков отборных воинов – королевская гвардия. Эскорт, с находящейся во главе королевой на белом жеребце показался из леса. Увидев мужа, королева приветственно помахала зажатым в руке шарфом. Ударил на башне большой колокол, извещая граждан о возвращении в город всеми любимой хозяйки. Над деревьями мелькнула огромная тень, и на головы солдат и королевы обрушился испепеляющий огонь. Дракон! Он выжег эскорт в три выдоха. Остались лишь обугленные деревья на опушке и почерневшая сталь доспехов, как напоминание о его визите. Сделав победный круг дракон, хлопая огромными крыльями скрылся в вышине. С тех пор королевство находится в непрерывном состоянии войны. Все силы брошены на борьбу со злом. Но тварей с каждым днем становится все больше и больше. И все ближе они подбираются к столице. В окрестностях уже почти не осталось целых деревень. Те, до кого еще не успели добраться чудовища, собрав скарб, торопятся под защиту каменных стен. Город забит людьми, а поля пустуют. Некому собирать урожай. Крестьяне боятся покидать пределы города. Если так пойдет и дальше, то со временем запасы пищи в городе закончатся, и начнется го-

лод.

На текущий момент чудовища являются полноправными владельцами королевства за исключением столицы и некоторого количества земель вокруг нее. Но с каждым разом они подходят все ближе. Вчера черви напали на беженцев идущих в город всего на расстоянии полета стрелы от крепостных ворот. Стража подоспела вовремя и успела кое-кого спасти.

Я поинтересовался у Акенота, почему, если у них такая сильная и хорошо вооруженная армия, они не смогли противостоять вторжению. Оказалось, что большая часть войск полегла в первых же сражениях. Никто не знал, что обычная сталь бессильна против чудовищ. Мечи и стрелы со звоном отскакивали от костяных панцирей гоблинов и бронированных колец червей, а про драконов и говорить нечего. Воины умирали в бессмысленных сражениях, даже не в состоянии нанести врагу хоть какой-то маломальский ущерб. Однажды у стен города появился тяжело раненый всадник. Это был горец. Он известил, что горный замок пал под натиском чудищ. Не помогли даже силы кочевников пришедших на помощь. Перед тем как умереть он поведал, что горцы раскрыли секрет неуязвимости врага, но, к сожалению, это произошло настолько поздно, что уже не могло изменить исход битвы. В подвалах горного замка алхимик по имени Ольберг нашел сплав, который пробивал броню чудищ. Соприкасаясь с ней, он как бы растворял ее в точке контакта, превращая

в мякину, через которую оружие и проникало внутрь. Горец привез с собой меч из этого сплава и сверток кожи, на которой было описано его изготовление. Кузнецы Рошгора не покладая рук и дено и ношно стучали молотами, изготавливая мечи, топоры, наконечники для стрел и копий. Требовалось срочно перевооружить всю армию или то, что от нее осталось. С этого момента люди могли себя защищать и оказывать достойный отпор противнику. Вскоре была наголову разбита первая стая гоблинов, а чуть спустя люди впервые победили дракона. Выпущенная из огромного стационарного лука, который натягивало трое мужчин, стрела пронзила живот летучей твари. Дракон рухнул рядом с городом, пропахав длинную траншею в земле. Размах его крыльев равнялся двум десяткам шагов. Это был первый праздник с момента появления чудищ в нашем мире.

Вадибур собрал отряд, и вместе с братом регулярно подчищали окрестности города от тварей. В этот раз им не повезло. Гоблины застали отряд врасплох, на привале.

– Дальше вы все сами видели, – тяжело вздохнул утомленный длинным рассказом Акенот. – Я рад, что вы пришли нам на помощь. Но, пусть мой вопрос не покажется невежливым, откуда вы? Хотя вы и говорите на нашем языке, но вы без сомнения чужаки. Чужое оружие, доспехи, даже лекарства. И сражаетесь вы необычно. Особенно ты, – он пытливо взглянул на меня, как бы пытаясь прочесть на моем лице ответ. –

Я не знаю и трети ударов, которые ты используешь.

Мне хочется язвительно хмыкнуть и высказать недовольство, по поводу узурпации "нашего" языка. Умник благородный нашелся. Лопочет на русском и думает, что это дает ему право присваивать великий и могучий.

– Мы из дальних земель, – нашелся Железяка.

Я как раз закончил приводить в порядок все еще валяющегося без сознания Вадибура. Да, крепко его Железяка приложил. Тяжелая рука.

– У нас нет никаких дальних земель, – нахмурился Акенот. – Наш мир ограничен горами и степями. Если идти на север или запад, то придете к горам в которых живут... жили горцы. Эти горы тянутся на многие дни пути. За ними ничего нет, только горы. Наше королевство находится в центре. – Он начал рисовать на вытоптанном клочке земли пальцем. – На юге и востоке тянутся бескрайние степи, в которых жили кочевники. Собственно здесь мы и находимся. Невдалеке проходит граница, разделяющая наши земли и земли кочевников. За степями тоже ничего нет кроме холмистых степей, так говорили сами кочевники, а кому уж лучше них знать свои земли.

Акенот выжидательно посмотрел на нас, как бы предлагая сказать правду.

– Ну ладно, – не выдержал я затянувшейся паузы. – Мы не принадлежим этому миру, в этом ты прав. Наша цель также находится, как я понимаю, не здесь. Судя по всему, идем мы

с юга на север.

– И нам нет дела до того, что здесь происходит, – бестактно вклинулся Железяка. – Мы просто идем по своим делам. И ваш мир не первый и не последний на нашем пути

– Зачем? – даже поднялся на локти от любопытства Акенот.

– Дима хочет спасти свою девушку, – пояснил Железяка.

– А Железяка хочет вернуться домой к сыну, – отплатил я спутнику той же монетой за разглашение моих дел без спроса.

Железяка одарил меня тяжелым взглядом, но, похоже, понял, почему я так сказал. Помедлив, примирительно хлопнул меня по плечу.

Воин, занимавшийся поимкой лошадей, наконец таки добился успеха и теперь шествует к нам с гордым видом во главе маленького табуна. Животные испуганно шарахаются от трупов гоблинов, и воину приходится прилагать немалые усилия, чтобы удержать поводья в руках. Он похож на маленький буксир, который, пыжась, тянет за собой вереницу тяжелых барж.

– Вот значит как? – задумчиво сказал Акенот – Ваша история очень необычна. В прежнее время я бы вряд ли поверил вам, но сейчас... После появления в нашем мире полчищ чудищ, словно бы пришедших из сказок я уже ничему не удивляюсь. Даже существованию других миров. Тем более, что вы спасли нам жизнь. Отец отблагодарит вас за столь

храбрый и великодушный поступок, но будьте осторожны с моим братом, он слишком заносчив и не сдержан.

– А я слишком привык бить в морду тех, кто меня оскорбляет или ведет себя по-скотски, – довольно улыбнулся Железяка. – Посмотрим, что у него выйдет из строя раньше мания величия или морда. Господа делайте ставки. Чур, я ставлю на морду все, что у меня есть. Если постараюсь, есть шанс стать миллионером.

– Вы не понимаете, – осуждающе глянул на него Акенот. – Я не знаю, как принято в вашем мире, но в нашем королевстве за оскорбление лица королевской крови полагается смерть. Как только брат очнется, я попробую загладить конфликт. Пожалуйста, постарайтесь в дальнейшем вести себя более сдержано.

– И на том спасибо, – кивнул я.

Тут пришел в себя Вадибур. Держась руками за голову, он с удивлением осмотрел сперва нас, потом повязки на себе и брате. Он как бы с трудом вспоминает, что здесь произошло. Акенот жестом попросил нас отойти в сторону. Между братьями закипел жаркий спор, обрывки которого долетают и до нас.

Не желая вникать в подробности внутрисемейных разборок, поводом которых без сомнения являемся мы, я пошел искать мальчика. Побродив по зарослям кустов на холме, служившем нам до начала боя убежищем я, наконец, отыскал его. Мальчик сидит, поджав колени к подбородку.

– Мы победили, – довольным тоном извещаю его.

Мальчик даже не шелохнулся. Красные глаза выдают недавние слезы. Странно, вроде трусости или малодушия я раньше за ним не замечал. А тут на тебе, распустил нюни непонятно из-за чего.

– Ты не рад?

Еле заметный кивок в ответ.

– Вставай, пойдем, – протягиваю ему руку. – Нас приглашают в Рошгор.

Мальчик дернулся как от пощечины и неистово замотал головой, выражая полное несогласие. На худощавом лице появился страх. Он еще сильнее вжался спиной в кусты и задрожал.

– Малыш, ты чего? – присаживаюсь на корточки напротив него. – Рошгор ведь нам по пути?

Утвердительный кивок и глаза полные ужаса.

– Что же тогда? Этот мир заполнен толпами всякой кровожадной мерзости. Нам очень повезло, что мы до сих пор не столкнулись ни с чем подобным. Не зная специфики врага, и не имея соответствующего оружия мы погибли бы уже в первой схватке. Нам повезло, что мы встряли в этот бой. Нужные знакомства, важные знания. Сейчас мы с остатками отряда доедем до города, немного отдохнем и снова двинемся в путь. Нам даже обещают награду.

Я пытаюсь всеми силами утешить мальчика, но все безуспешно. Никакие уговоры не помогают сдвинуть его с ме-

ста, и каждый раз при упоминании города он дергается как от укола иглой.

– Ты пойми, если мы будем идти сами, то слишком велик шанс погибнуть. Мы не справимся с большим отрядом гоблинов. А тут еще говорят всякие черви под землей шастают народ жрут, и драконы сверху огнем поливают. В общем, сплошная сказочная чертовщина. Я не о себе забочусь, – беру его за подбородок и поднимаю голову так, чтобы можно было взглянуть в покрасневшие глаза. – Ты ведь знаешь, зачем я отправился в путь?

Мальчик нехотя кивнул.

– Понимаешь, у меня есть девушка... была... нет, все-таки есть. Наверное, я ее люблю. Честно говоря, сам не уверен... Она для меня как... как... В общем, с ее появлением, я начал любить жизнь. Глаза, в которых живет осень, подарили мне второй шанс. И кроме этого, Хозяева забрали девушку именно из-за меня. А иначе зачем она им? К чему я все это говорю? А к тому, что я обязан дойти до цели и забрать Ди. Не знаю, что там будет дальше, но это я выполнить обязан.

Мальчик хмуро взглянул на меня и кивнул в сторону места недавнего сражения.

– А-а-а, наверное, ты хочешь узнать, почему я, не смотря на желание остаться в живых и спасти Ди, бросился на помощь солдатам? Так вот знай, то, что у меня есть собственная цель, еще не значит, что я могу бросать людей в беде.

Знаю, одно противоречит другому, но все обстоит именно так, как я говорю.

Любопытный взгляд и недоверчивое покачивание головой.

Встаю и протягиваю ему руку:

– Пойдем!

Вытерев и так сухие глаза полый балахона, он взялся за протянутую руку.

– Ну где вы там шастаете? – недовольно поинтересовался Железяка как только мы показались из зарослей кустов. – Вас одних дождаемся.

Сидящий на коне Вадибур с неприязнью взглянул на мальчика:

– А это еще кто?

– Он с нами! – сдержанно сказал я, выдержав колючий взгляд. – Надеюсь этого достаточно?

– Вполне, – кивнул Акенот и, поморщившись, с помощью воина вскарабкался на лошадь.

Вадибур скрипнул зубами и, пришпорив лошадь, поскакал, не дожидаясь остальных. Довольно резво, если учитывать его ранение.

Спустя несколько минут мы, собрав на поле боя мечи и копья из особого сплава и увязав их на спину одной из лошадей, двинулись за ним. Мальчик устроился у меня за спиной, крепко уцепившись пальцами за кольчугу.

– Далеко до города? – спрашиваю у покосившегося на бок от боли в руке Акенота.

– За пол дня доберемся. К закату солнц будем дома.

Ну и какая спрашивается польза от этих солнц, если они прячутся одновременно?

Глава 21.

– Какие они другие миры? – спросил Акенот.

Последний час мы сидим вдвоем в выделенной мне комнате с пышным убранством и засыпаем друг друга вопросами. Это даже не комната, а скорее опочивальня. Именно такое слово наиболее подходит для обширного помещения со стенами и полом сплошь покрытыми пушистыми коврами, уставленного резной мебелью из благородных сортов дерева. Огромная кровать, размером со взлетную площадку авианосца, под полупрозрачным балдахином покрыта накидкой из пятнистых шкур. На круглом столике у кровати золотой поднос, загроможденный гастрономическими изысками, дразнящими обоняние аппетитными запахами.

Меня в первую очередь интересует устройство этого мира. Подобная информация может быть очень полезной, так как неизвестно, сколько нам здесь еще придется пробыть, и как скоро мы дойдем до следующей Занавеси?

Если я правильно понимаю, то Занавеси находятся на окраинах миров. Звучит, в общем, забавно. Край мира. При

этих мыслях перед глазами появляется картинка из школьного учебника: черепаха, стоящие на ней слоны удерживают на своих спинах земной диск. Вот так же и тут. И куда только смотрят физики?

– Дима, – вернул меня в реальность голос Акенота, – ты так и не ответил на вопрос о других мирах.

– Другие миры? – рассеянно переспросил я, глядя через окно в ночь. – Очень разные и одинаковые одновременно. Везде есть свое добро и зло, правда и ложь, любовь и ненависть. Меняется лишь антураж, оружие, здания, мода... У нас идут войны за власть и деньги, у вас за выживание человечества, у других за белковые заводы и скважины с питьевой водой. Я даже не могу сказать, где лучше, а где хуже.

– А каков твой мир? – погладил раненую руку Акенот и, поерзав, удобнее устроился на стуле с высокой спинкой.

После нашего возвращения здешние лекари обработали раны принцев и по достоинству оценили мое врачебное искусство. Если быть честным, то искусство не мое, это всего лишь знание, которым наделили меня Хозяева.

– Это зависит от того, чьими глазами на него смотреть, – на мгновение задумался я. – Глазами человека из сливок общества он прекрасен и является источником радости... Если же взглянуть на него глазами инвалида... Ну, ладно, на сегодня хватит.

– Хорошо, – с заметным сожалением в голосе говорит

Акенот, вставая со стула. Он бережно придерживает раненую руку. – У нас был нелегкий день. Приятных снов, Дима.

– Приятных снов, Акенот.

Как только за принцем захлопнулась дверь, обессилено падаю на кровать. Она с радостью принимает меня в мягкие объятия. День действительно был не из легких. Кроме того, длиннее чем земной. Мы успели пройти не один десяток километров пешком, потом бой с гоблинами и еще наверняка более сотни километров на лошадях. И это все за один день! Многовато будет.

Блаженствуя на нежном мехе пятнистых шкур, вспоминаю наш въезд в Рошгор.

Город произвел на меня впечатление. Даже не думал, что он окажется таким большим и ухоженным, не смотря на войну. Высокие стены из блоков белого камня похожего на светлый мрамор густо утыканы выступающими башенками с узкими бойницами. Тяжелые катапульты и баллисты хищно выглядывают сквозь зубчатый парапет. Группками прогуливается по широченным стенам вооруженная до зубов стража. Прочные железные ворота за подъемным мостом надежно закрывают вход в город.

Нас увидели задолго до того, как мы оказались у стен и, выслали навстречу небольшой отряд.

Через несколько минут после того, как мы нырнули в приветливо распахнутые ворота, кажется, весь город знал, что два чужеземца спасли принцев. В лучах заходящих солнц

жители приветствовали нас как победителей. Откуда-то появились цветы. Смуглая девушка сунула в руки миглом оробевшему Железяке скромный букетик полевых цветов. Люди что-то кричали, выражая свою радость. Многие с любопытством поглядывали на железную маску, прикрывающую половину лица Железяки.

Всю дорогу мальчик испуганно вжимался в мою спину, как бы норовя укрыться от любопытных взглядов.

Протискиваясь ставшими узкими улочками из-за обилия вываливших из каменных двухэтажных домиков, с нависающими над головой вторыми этажами, жителей мы медленно продвигались к центральной площади и замку.

Оказавшись на площади, я сначала даже не понял, что высокая, похожая на шпиль башня и есть дворец Данибура-Золотоволосого. Я ожидал увидеть помпезное величественное здание с обилием лепных украшений, колонн и прочих архитектурных излишеств. А вместо этого высоченная башня из того же гладкого камня, что и городские стены, напрочь лишенная каких-либо украшений. На вершине в небо упирается флагшток с реющим на ветру флагом.

Прошествовав через круглую площадь в окружении толпы, мы спешили к входу в башню. Мне потребовалось приложить силу, чтобы отодрать от себя намертво приклеившегося мальчика. Его пальцы как клещи вцепились в мою кольчугу и никак не хотели ее отпускать.

Наглухо закутая в броню стража преградила нам путь за-

бором из алебард. Узнав принцев, они отдали честь и распахнули кованые железом двери. Тронный зал оказался где-то на уровне привычного третьего этажа. Сквозь широкие окна его заливали огненно-красные лучи заходящих солнц. Они как три актера на сцене, выстроились в ряд и готовились скрыться за занавесом под аплодисменты зрителей.

Шелестя длинными одеждами, появился король. Тот же Вадибур, только лет на тридцать старше. Пышущее здоровьем благородное лицо отмечено печатью власти: величие, надменность и решительность. Выслушав рассказ сыновей, он поблагодарил нас за отважный поступок, и предложил оставаться в городе столько, сколько сочтем нужным. От награды мы вежливо отказались, сославшись на то, что у нас есть все необходимое, а остальное лишь ненужная ноша в пути, чем вызвали улыбку короля. Но от острого меча для меня и двуручного топора для Железяки из особого сплава отказаться не смогли. Над этим оружием славно потрудились мастера не один день. Гладкое как зеркало лезвие, витая гарда, плетеная кожей рукоять. Не сдержавшись я пару раз взмахнул мечом, вслушиваясь в свистящее пение рассекающей воздух стали чем вызвал легкую нервозность у дворцовой стражи. После этой выходки, закованные в металл фигуры, ни на мгновение не сводили с меня пристальных взглядов. Наверняка у них не принято махать мечом перед носом сюзерена. Этикет!

Потом Акенот, не смотря на уговоры лекарей лечь в по-

стель, развел нас по комнатам. Единственный на кого роскошь предоставленной комнаты не произвела впечатление был мальчик. Он так и не вышел из состояния зашуганности и страха. Мальчик как будто ожидал чего-то.

Раздался стук в дверь. Частая испуганная дробь заставляет открыть глаза и сесть на краю кровати.

– Кто там еще? – недовольно спрашиваю я.

Толстая дверь, густо покрытая витиеватой резьбой на тему многообразия растительного мира, приоткрылась, и в щелочку заглянул мальчик.

– Легко на помине. Тебе чего не спиться? – удивился я неожиданному явлению.

Поглядывая на меня глазами побитой собаки, он жестами объяснил, что боится спать один.

– Да что с тобой такое происходит? Ты сам не свой. Куда делся прежний мальчуган, отважный шутник?

Мальчик поник, и скрылся за дверью.

– Эй, подожди. Кровать большая, поместимся, – крикнул я в след.

Он пулей влетел в комнату, закрыл дверь и забился под покрывало.

– Может, все-таки расскажешь, что с тобой происходит? – спрашиваю у прикрытого пятнистым меховым покрывалом холма.

Не дождавшись ответа, ложусь рядом и закрываю глаза. Ох уж эти дети, напридумывают себе страхов, а потом от них

же и шугаются.

Глава 22.

Три солнца с любопытством заглянули в окно и залили комнату ярким светом. Продрав глаза и сладко зевнув, пошатываясь, встаю с кровати. Ночь оказалась короче, чем я ожидал, выспаться на месяц вперед не получилось.

На полочке в углу комнаты обнаруживаю серебряный кувшин с водой и полотенце. Рядом на полу стоит на высокой ножке чаша. Стаскиваю с себя кольчугу в которой спал, провонявшийся потом подкольчужник и с наслаждением плюхаюсь в студеной воде. После нескольких дней пути купание приносит облегчение. Кажется, что вода смыла с меня несколько килограмм усталости за одно с грязью.

– Райское наслаждение, – довольно выдыхаю и хватаюсь за полотенце.

Тихо посапывая, мальчик клубком свернулся под покрывалом. Из-под пятнистых шкур виден один лишь нос. Сон это хорошо. Часто именно он помогает избавиться от страхов и кошмаров. Пусть спит, не буду его будить. Вот когда проснется, тогда и будем собираться в путь. По словам мага Апокимуса нам осталась еще одна Занавесь, а потом будет Форт Ночного Сияния. Скорее бы. Не дождусь момента, когда увижу Ди. Она даже приснилась мне этой ночью. Девушка сидела у окна башни, и глаза полные осени с тоской визи-

рали на пустынную дорогу, змеящуюся вверх по хребту утеса. Сурово шумело море, посылая армии волн на штурм каменной твердыни. Оно не торопится, зная, что пройдут десятки, может сотни, может тысячи лет, и неутомимые волны все-таки подточат основание утеса и замок рухнет в морскую пучину.

Раздумывая над реальностью и нереальностью сновидений, с волчьим аппетитом поглощаю деликатесы, наполняющие золотой поднос на резном столике. Мясо в пряном соусе повергает меня в экстаз своим экзотическим вкусом. Никогда не пробовал ничего вкуснее. Одновременно нежное и обжигающе острое, оно надолго оставляет во рту необычный привкус. От вина я решил отказаться, не смотря на богатый букет. Взяв напоследок с подноса большое красное яблоко, выхожу из комнаты. Пока есть время, почему бы не осмотреть достопримечательности замка. Естественно я взял с собой подаренный меч. Пришлось немного повозиться, чтобы приладить его на перевязь за плечи. Обычное оружие оставил лежать на кровати. В мире, где обитает столько мерзости ходить безоружным преступление против себя самого. Правда, не могу придумать, что смогу противопоставить дракону. Чудищу с размахом крыльев в два десятка шагов меч нанесет ущерб ровно столько, сколько Мальчик с пальчик вооруженный заточенной спичкой мне. Интересно, кто появится вслед за драконами? Возможно, тут объявился еще не весь перечень оживших персонажей сказок. Есть еще джины, гно-

мы, лешие, змеи горынычи и прочая мерзость. И откуда они спрашивается здесь берутся? Как будто какой-то сумасшедший воспаленным воображением воплощает свои страхи.

Замок, то есть башня на каждом шагу поражает богатством и изысканностью. Одни светильники, вмурованные в стены, чего стоят. Почему-то я уверен, что они не позолоченные, а на сто процентов отлиты из благородного металла. И как отлиты! Каждый светильник это отличная от других человеческая фигура, удерживающая руками ажурную плоску, в которой танцует язычок пламени усиливаемый вогнутым зеркалом из полированной платины. Среди фигурок легко узнаются солдаты в доспехах, шуты в колпаках с бубенчиками, благородные дамы в пышных платьях и даже обычные крестьяне.

Поплутав по коридорам, и пройдя несколько постов охраны, которых я поначалу принимал из-за неподвижности за железные чучела – часть интерьера, наконец, добираюсь до ведущей вниз лестницы. Стоящая по бокам стража салютует алебардами. Приветственно киваю в ответ.

– Выход там? – тыкаю пальцем на лестницу.

Услышав утвердительное звяканье доспехов, с облегчением вздыхаю, и начинаю спуск.

За тяжелой окованной металлом дверью, которую распахнула передо мной стража, открывается центральная площадь, на которой выстроилось несколько десятков вооруженных, разносортно одетых мужчин. Ополчение. Перед ни-

ми гордо вышагивает высокий воин в длинной, до колен кольчуге, подпоясанной пластинчатым поясом, за которым торчат два коротких топора. На голове открытый шлем с петушиным гребнем.

– Значит так олухи, – презрительно звучит его голос, – для того, чтобы поразить врага, ваш удар должен быть сильным, а рука твердой. Поэтому сейчас все легли на землю и отжались пять раз по десять.

Стадо новобранцев неохотно улеглось на камни площади и принялось выполнять упражнение. Для нескольких пузатых лавочников оно оказалось непосильным испытанием, и уже после нескольких попыток они обессилено растянулись на камнях.

– Раз-два, – командует мужчина. – Эй вы, куски сала. Не изображайте из себя покойников. Это вы всегда успеете. Я сказал раз-два!

Глядя на эту типично армейскую сцену, не могу удержаться от смеха. Мужчина обернулся как ужаленный.

– Кто тут зубы скалит?

– Думаешь получится из мирных горожан сделать солдат? – все еще смеясь подхожу ближе. – Они не переживут и первого боя.

– А вот это не твоего ума дело! – окрысился мужчина, и сердито дернул себя за длинный ус. – Я знаю тебя. Это вас вчера вечером чествовали как спасителей принцев. Не знаю, как и кого, вы спасали, но ты тоже на воина не особо по-

хож, чужеземец. Доспехи случайно не с пугала огородного снял? И кто так меч носит? – Он насмешливо глянул на ви-сящий за моей спиной меч и презрительно сплюнул под но-ги. – Мужчине подобает носить меч на поясе, а не за спиной, как странник котомку.

Воспользовавшись тем, что центр внимания командира переместился на меня, рекруты встали, и начали дружно ска-лить зубы. Посыпались шуточки в мой адрес.

– Тебе надо их учить не мечом махать, а байки травить, – сдерживая раздражение, отшучиваюсь в ответ. – У тебя на-верняка это лучше получается.

Окружающие мигом притихли и перевели взгляды на мужчину в шлеме с гребнем.

– Может, ты сам мне покажешь, как нужно мечом ма-хать? – злобно прищурился воин. – Или оружие ты носишь лишь для красоты?

– На публику не работаю, – небрежно отмахиваюсь как от надоевшей мухи и поворачиваюсь, чтобы уйти. Не люб-лю подобные ситуации, да и этот похожий на моего знако-мого прапорщика вояка вызывает раздражение и неприязнь типично армейскими замашками.

– Трус! – ударило плетью в спину. – Вы посмотрите, он даже не принял вызов!

В этот момент в дверях башни появляется широко зеваю-щий Железяка.

– Кто трус? – заревел он, не разобравшись.

– Твой спутник, чужеземец, отказался принять вызов на бой, – мерзко рассмеялся воин в шлеме с гребнем.

– Димка, и ты до сих пор не укоротил язык этому выскочке? – удивился Железяка. – Ты думаешь, эта говорящая задница на что-то большее способна?

В толпе новобранцев кто-то тихонько прыснул и тут же заткнулся под тяжелым взглядом командира.

– Не советую, – раздался откуда-то сверху нежный голосок.

– Принцесса Власа, – мигом склонил колено воин, а вслед за ним и новобранцы.

Одновременно с Железякой поднимаем глаза вверх и каменеем. Такой красивой девушки я еще в жизни не видел. Она кажется воплощением мужской мечты. Принцесса на половину свесилась из окна и с интересом наблюдает за развитием событий на площади. Когда Акенот рассказывая о сестре, говорил, что она великолепна, он описал не более трети ее блистательной красоты. Хрупкие плечики прикрывает яркая накидка из синего шелка. На белоснежной шее тонкое ожерелье из драгоценных камней, меркнувших в лучах своей хозяйки. Лицо... У меня нет слов, чтобы описать эту идеальность. Волосы золотой рекой скатываются через подоконник. Ей не более восемнадцати лет. Даже если очень захотеть я никогда не смог бы найти в принцессе ни одного изъяна.

Бездонные голубые глаза изучающе смотрят на меня.

– Не советую, – повторила принцесса и поправила водопад волос, отчего они на мгновение показались расплавленным золотом в лучах восходящих солнц.

– Почему принцесса? – с трудом овладев речевым аппаратом и убрав с лица маску восхищения, которую мы мужчины напяливаем каждый раз, как только видим симпатичную "юбку", спрашиваю я.

Мне пришлось потратить немало сил, чтобы в столь короткий срок взять себя в руки и вообще вспомнить, зачем мы здесь и куда идем. Образ Ди на мгновение померк перед этой блистательной красотой, заставляющей забыть обо всем на свете. Меня как будто накрыла волна чар сплетенных волшебницей-природой. Но бестелесным призраком лишь на одно мгновение появился перед глазами мрачный замок, башня, с надеждой взирающие вдаль глаза полные печали и тоски и тут же чары спали, оставив после себя лишь восхищение юной красотой принцессы. Все стало на свои места. Я знаю, куда и зачем иду, и даже такое препятствие, намного более трудное, чем полчища гоблинов, меня не остановит. Остров сирен, – невольно пришло не совсем удачное сравнение. Не знаю, какой финал может быть здесь, но в любом случае я вовремя закрыл уши, чтобы не слышать манящее пение.

И как в этом городе все мужики с ума не посходили от такой красоты? По вечерам под ее окнами должны голосить десятки, если не сотни влюбленных юнцов под брэнчание гита-

ры, или на чем они тут привыкли бренчать. С целью соблюдения покоя в государстве ей нужно паранджу носить или пластическую операцию сделать.

– Дито – мастер топоров, – улыбнулась принцесса, показав жемчужные зубки. – Он лучший в королевстве моего отца. Именно поэтому он занимается обучением горожан военному делу.

– Благодарю принцесса, – приложил руку к груди воин. – Мне льстят ваши слова.

– Это его проблемы, – с максимальной небрежностью отмахиваюсь от слов принцессы. – В любом случае я не собираюсь ни с кем драться.

– Трус, – раздался из-за спины шепот Дито.

– Странно, – задумалась принцесса Власа, – брат описал мне тебя как бесстрашного воина обладающего неведомым в наших землях мастерством меча. Неужели он ошибся?

Я прекрасно понимаю, что эти слова принцессы поставили нас на край пропасти. Толпа, впрочем, как и власть имущие, имеет невероятно короткую память. Вчера нас приветствовали как победителей, а сегодня могут закидать гнилыми помидорами как отъявленных трусов. Учитывая, что маска из кетчупа в мои планы не входит, придется принять вызов.

– Нет, он не ошибся, – обречено вздыхаю. – Просто у нас не принято махать мечом ради забавы. Так поступают лишь глупые юнцы в поисках дешевой славы или чтобы произве-

сти впечатление на смазливую девчонку.

Дито отвечает на мой выпад злобным скрипением зубов. Принцесса лишь улыбнулась и покачала головой.

– А? – наконец ожил Железяка, до сих пор не отрывавший взгляд от лица принцессы.

– Не пей, козленочком станешь, – нравоучительно изрекаю в его адрес.

– Кто козел? – завертел он головой по сторонам. – Я козел?

Женская красота великая сила. Всего за несколько минут сделать из здорового мужика полного придурка, плящущего на объект своего вожделения бессмысленными глазками.

– Будешь так пялиться – станешь, – легонько постукиваю его по металлу маски. – Тук-тук. Ау-у-у. Дома кто есть? Или все в трусы убежали?

– А-а-а, – наконец таки понял, к чему я веду Железяка. Он несколько раз тряхнул головой, как бы сбрасывая невидимый колпак. – Ты прав. Как наваждение...

– Готов умереть, чужеземец? – зазвучал за спиной голос Дито.

– Приютили, уложили, накормили и убили. Так-то у вас гостей встречают. – Неторопливо вытаскиваю из заплечных ножен меч. – Ну, смотри, не пожалей!

Зазвенел металл о металл, извещая о начале боя. Дито орудует парой коротких топоров с длинными шипами на

обухах. И надо сказать неплохо орудует. Удары сыплются со всех сторон. Он все норовит вогнать мне шип между глаз. Ну не маньяк ли?

Новобранцы недружными криками подбадривают своего командира. Начали сползаться зеваки. Часто гул толпы заглушается скандированием Железяки. Он орет что-то несуразное. Не то «Спартак – чемпион», не то «шайбу, шайбу».

Давно я не встречался с таким интересным противником. Он хорошо держит быстрый темп и достаточно опытен. Несколько раз стальные лезвия свистнули у самой головы, и уже появилась первая отметина на доспехах. Стараюсь раньше времени не выкладываться, хочу сперва вымотать противника. В данном случае меня не интересует быстрая победа. Триумф должен быть в первую очередь красивым. Пока с моей стороны идет игра в поддавки. По большинству я либо защищаюсь, либо отвечаю короткими контратаками с использованием стандартных приемов боя.

Краем глаза вижу разочарованное лицо принцессы. Стерва! Причем первосортная, не смотря на обворожительную красоту. Ведь именно она спровоцировала этот бой. Без ее вмешательства я бы ушел, не взирая на домогания этого маньяка с топорами.

Дзынь-дзынь. В очередной раз сталкивается топор с мечом над головами. Дито норовит всадить мне второй топор в бок, но вместо этого получает хук левой в челюсть и отскакивает назад, потирая ушибленное место.

– Больно? – насмешливо интересуюсь у него. – Дальше хуже будет. Копи деньги на стоматолога. – Еще удар. На этот раз ногой пониже спины. – А заодно и на проктолога.

Дито по-волчьи скалит зубы и снова бросается вперед. Настырный.

Под аханье толпы провожу несколько коронных ударов, оставляющих длинные порезы на кольчуге противника. Он суматошно машет топорами. Ну не дано ему отразить эти удары, не дано. Обманный взмах мечом и сильный удар носком сапога под коленку Дито. Он охает, на миг теряет равновесие и тут же получает плашмя лезвием прямо по гребню шлема. Шипя от боли и злобы, он снова бросается вперед, выписывая петли топорами перед собой. Если он думает, что я не прошибу такую защиту, то глубоко ошибается. Получай. Меч проскальзывает сквозь сложную паутину, которую ткнут в воздухе топоры, и оставляет на носу рьяного противника небольшую царапину.

Довольно гогочет Железяка хлопая себя по бедрам. Скупно аплодирует принцесса, недовольно поджав губки. Удивленно гомонит толпа. Возможно, в другое время это доставило бы мне наслаждение, но не сейчас. Хочется поскорее закончить этот фарс и отправиться в путь.

Неожиданно для противника падаю на землю и делаю ногами «ножницы». Ошеломленный Дито размахивая топорами, с железным звоном вклеивается затылком в камни площади. Топоры вываливаются из разжавшихся рук.

– Есть контакт! – довольно орет Железяка.

Я не тороплюсь вставать с земли. Надоело мне все... Хочется вот так, прямо сейчас растянуться под лучами солнца и хоть на какое-то время забыть обо всем. Я устал от бесконечной вереницы боев и приключений. Странно, я всегда мечтал о такой жизни, а вот сейчас когда получил ее в полной мере не испытываю должной радости. Хочется сбросить с плеч надоевшую кольчугу...

– Какая странная птица, – говорю наклонившемуся надо мной заботливому лицу Железяки. – Похожа на летучую мышь.

– Какая еще птица? – расплющил глаза Дито. Его лицо искажил страх, и он неожиданно резко как для контуженного заорал: – Дракон!

Тревожный колокольный звон заглушил его голос. Ополченцы и зеваки сыпанули кто куда, только пятки засверкали. Как тараканы по щелям.

– Какой еще дракон? – не понял я.

– Дубина, дракон – самый натуральный, – держась рукой за голову, схватился с земли Дито.

Укрывшись в башне, мы сквозь открытое окно наблюдаем за драконом. То, что поначалу казалось похожей на летучую мышь птичкой, превратилось в огромное чудовище, выписывающее круги над городом.

Длинное туловище, покрытое темной чешуйчатой броней,

парит на кожаных крыльях. Глаза, как две крупных черных жемчужины, осматривают город, выбирая цель. Меж длинных зубов мелькает раздвоенный язык. Дракон точь-в-точь такой, каким я его себе представлял – могучий и гордый, словно сошедший с книжной иллюстрации к сказке. Крылатая машина смерти.

– До сих пор драконы ни разу не нападали на город, – заметил Дито. – Один, было дело пролетал, но его сбили.

– Как голова? – интересуюсь у него.

– Ничего, пройдет, – сердито глянул он на меня. – Где ты так научился драться?

– Жизнь – война.

– Наемник?

– Типа того. Дито, ты не держи на меня зла, бой был честным.

Он кивнул и неожиданно ухмыльнулся в усы:

– А здорово ты меня подсек. Я видел, что ты делаешь, но не понял зачем. У нас так не принято. В следующий раз ты меня не проведешь.

– Следующего раза не будет.

– Увидим, – хитро прищурился он и бережно потрогал оцарапанный нос.

С высоты башни мне виден весь город. Окна и двери домов наглухо закрыты. Замерли на стенах блестящими фигурками лучники, готовые отправить навстречу дракону стаи острых стрел. На площадь выкатили несколько больших ар-

балетов заряженных двухметровыми кольями с зубчатыми наконечниками. Город замер в ожидании.

– Помогут? – указываю на изготовленные к стрельбе арбалеты.

– Если попадут, – ответила незаметно подошедшая принцесса.

– А если нет? – спросил Железяка, восхищенно взглянув на Власу.

Вблизи она оказалась еще прекраснее.

– Если нет, то он выжжет город, – грустно звучит ее голос.

– Идеи есть? – спрашиваю у Железяки.

– Какие тут могут быть идеи? Тут зенитка нужна.

– Какая зенитка? – не понял Дито.

– С помощью них мы у себя убиваем драконов, – поясняю ему.

– У вас тоже есть драконы? – удивилась принцесса.

– Есть. Они сделаны из металла, и сыплют с неба смерть. Ими управляют люди, – пытаюсь в максимально доступной форме объяснить, что такое самолет.

Принцесса недоверчиво посмотрела на меня, словно не зная верить или нет.

– Люди? – широко раскрылись от удивления глаза Дито.

– У нас драконы дрессированные, – хмыкнул Железяка. – Димка вон вдоволь напрыгался с них в свое время. А еще они гадят сверху смертоносной дрянью. Иногда горячей, но к счастью обычно на полигонах. С одного захода от вашего

города даже фундаментов не останется.

К нам подошел, придерживая раненую руку Акенот. Услышав слова Железяки, он спросил меня:

– Дима, ты действительно летал на драконах?

– Да, – отвечаю неохотно. Все равно им не понять, что такое самолет. К тому же вряд ли они поверят в такую сказку.

– Но...

– Давай забудем об этом, – сдержанно прошу я. – Наши и ваши драконы не имеют ничего общего. наших, мы создаем сами. Это такие же машины, как и арбалет. Лучше скажи как твой брат.

– Ему лекари приписали постельный режим. Благодаря твоим лекарствам рана не воспалилась, и через день-другой он будет на ногах.

– Надеюсь, что к этому времени мы будем уже далеко, – тихонько буркнул под нос Железяка, но Акенот услышал и грустно улыбнулся.

– Смотрите! – испуганно воскликнула принцесса Власа, прижав руки к груди.

Сложив огромные кожистые крылья, дракон камнем ринулся вниз.

Солдаты засуетились, наводя арбалеты на цель.

– Только бы не промахнулись, – зашептала принцесса. – Только бы...

Арбалетчики ждут до-последнего. Наконец взмах руки, звон вырвавшейся из зажима тетивы и навстречу дракону

понеслась жидкая стайка двухметровых стрел, способных пронзить насквозь слона. Дракон, неожиданно грациозно для своей массы вильнул в сторону, уклоняясь от стрел. Ни одна даже не задела чешуйчатое туловище. Солдаты на площади изо всех сил по новой натягивают стальные пластины арбалетов, стараясь успеть для второго выстрела.

Не успели.

Они даже не попытались бежать, до-последнего укладывали стрелы и наводили оружие на цель. Обрушившееся с небес пламя не дало закончить начатую работу.

Издав победное рычание, дракон широко распахнул крылья, взмахнул, и начал набирать высоту, оставив на потемневших камнях городской площади обгорелые остатки арбалетов и кучи закопченных дочерна доспехов.

Лучники со стен выпустили ему вслед тучи стрел, но они не нанесли чудовищу хоть сколь-нибудь заметного вреда.

– Ни хрена себе! – перепугано прошептал побледневший Железяка.

Тихо потрескивают, остывая камни, вьется душный дымок над тем, что еще несколько мгновений назад было надеждой города.

– Еще такие машинки есть? – хмуро спрашиваю у Акенота.

– Да. Вдоль стен. Но эти были лучшими. Их сделали недавно, специально для защиты замка.

– Да он так весь город испепелит! – возмущенно заорал

Железяка, вернув себе самообладание.

– Именно, – кивнул Акенот. – Если с гоблинами и червями мы еще кое-как справляемся...

Дракон выписал в небе круг и снова ринулся вниз. На этот раз он планирует с расправленными крыльями. Метрах в двадцати от земли дракон переходит в горизонтальный полет, и, не обращая внимания на всю стареющую лучников, неторопливо заливает огнем дома. Из широко распахнутого рта вырывается фонтан пламени и окутывает строения напалмовой пеленой. С треском разлетается черепица. Огненное дыхание вырывает ставни и двери, проникая в жилища. По улочкам мечутся пылающие жители.

– Переулок кожевников, – закрыла ладонями лицо принцесса и отвернулась от окна. Брат обнял ее здоровой рукой и прижал к себе.

Прочертив на теле города огненную линию, дракон неторопливо взмывает вверх. Он так низко проходит над башней, что в окно врывается упругая волна ветра от огромных крыльев, несущая пряный запах сказочного зверя. Невольно отшатываемся вглубь помещения.

Несколько стрел из арбалетов несутся вслед дракону, но он ленивым взмахом крыльев смещается с их пути.

– Надо что-то делать, – оторвала от плеча брата заплаканное лицо принцесса. Она с надеждой взглянула на меня с Железякой, но мы лишьжимаем плечами в ответ. Нам нечего сказать. Имеющимся в этом мире оружием нам не со-

владать с этой крылатой бестией.

Дракон сделал еще пару заходов и выжег несколько десятков домов. Удовлетворенный своей работой он, неторопливо махая крыльями, полетел на север. Только после его исчезновения город ожил. Повалили с ведрами горожане тушить бушующие пожары. Промаршировали через площадь солдаты с каменными от бессилия лицами. Запричитали женщины, оплакивая погибших и проклиная крылатого убийцу.

Не желая видеть и слышать эти, одинаковые в любом мире крики и слезы я пошел к себе в комнату.

– Здравствуй Дима, – встретил меня на пороге знакомый голос.

– Апокимус?

На кровати, подложив под спину стопку подушек, развалился седобородый старик в длинном кожаном балахоне. Он не спеша берет с подноса продолговатые ягоды и с явным наслаждением отправляет в рот.

– Угу, – буркнул он, и отхлебнул из бокала вина. – Ты тут неплохо устроился, Дима. Знатная кормежка и выпивка... Роскошная комната... Возможность получить место при дворе. – Он хихикнул. – Если конечно от него, хоть что-то останется. Кстати, принцесса тобой явно заинтересовалась. Ты часом не передумал идти в Форт Ночного Сияния?

– Нет, не передумал, – зло зыркнул я на блаженствующего старика.

Я все еще нахожусь под впечатлением от визита дракона. До сих пор перед глазами солдаты у арбалетов так и не оставившие свой пост. Если бы они не предприняли второй попытки, то наверняка бы спаслись.

– А я уж было подумал... – начал маг.

Я не дал ему договорить. Метнувшись через всю комнату, я рывком стащил Апокимуса с кровати, ухватив за балахон на груди. Он даже не сопротивляется.

– Ну, что ты будешь делать дальше? – насмешливо поинтересовался старик, небрежно вытирая перепачканные соком ягод пальцы о мою кольчугу. – Попытаешься меня убить? Не думаю, что это у тебя получится, а кроме этого ты все же надеешься получить от меня ответы на вопросы. Отпусти!

Руки разжались сами собой, повинуюсь приказу мага. Он снова устроился на кровати и потянулся за кубком.

Я стою перед ним, не зная как поступить.

– Ты довольно успешно продвигаешься вперед, попутно сея добро и заводя нужных друзей. Можно сказать, что, не смотря на препятствия, ты идешь по графику. Дальше будет сложнее. Даже не знаю, как ты доберешься до очередной Занавеси. Север так и кишит зверьем. Даже собрав армию ты не прорвешься... Так что думай Дима, думай. Эта задачка посложнее будет, чем предыдущие. Но решеньице у нее есть. Всего одно, но все же есть.

– Может хоть сейчас ты мне ответишь на один из вопросов, которые я задавал ранее? – хмуро интересуюсь с непри-

язнью глядя на причмокивающего от наслаждения старика.
Вот уж чревоугодник.

– Думаешь, что тебе станет от этого легче?

– Надеюсь.

– Ну ладно. Если ты так настаиваешь. Могу тебя заверить, что Ди жива здорова и с нетерпением ожидает твоего прихода...

– ... в высокой башне мрачного замка на вершине утеса омываемого морем, – дополнил я.

Апокимус поперхнулся и уронил бокал с вином. Красная жидкость кровавым пятном растеклась по укрывающему пол ковру.

– По спинке постучать, – учтиво интересуюсь у заливающегося кашлем старика.

Он отрицательно замотал головой.

– Откуда? – выдавил он сквозь кашель.

– Знаю. Видел.

– Этого не может быть, – перхает старик. – Рядовая карта не может видеть! Тебе еще рано...

– По стенам прогуливается стража в золотых доспехах, – дополнил я рассказ еще одним кусочком своего видения.

– А кого ты там еще видел? – вкрадчиво поинтересовался маг, вытерев губы рукавом.

– Больше никого.

Апокимус с явным облегчением вздохнул, а может, это мне всего лишь показалось.

– Похоже, что я не ошибся. Ты тот самый... – довольно произнес старик.

– Какой еще самый? Самый чего? – чуть ли не дрожу я от нетерпения.

– Самый любопытный и нетерпеливый, – улыбнулся Апокимус.

– Я хотел бы услышать, кто такие Хозяева и в какую игру они играют со мной? – придаю голосу твердость.

– Игра? А кто тебе говорил об игре? Тут все слишком серьезно, чтобы называть игрой. Тоже мне мыслитель! Ха! Придумал же. Игра! Ох, Дима, умнеть тебе еще и умнеть.

– Но как же... – открыл я рот, но старик испарился. Осталось лишь красное пятно на ковре от разлитого вина. – Мудак припадочный! – душевно выругался я вслед и прибавил к этому еще пару крепких словечек.

– Ого, – застыли в дверях Железяка и мальчик. – Круто ты завернул. Кого это ты так?

Вкратце рассказываю ему о визите мага.

– Ну и ну, – качает головой Железяка. – В твоем рассказе меня больше интересует не старикашка, а твари, которые по его словам, ждут нас на севере. Он случайно не подсказал чего-нибудь стоящего на этот счет?

– Нет.

– Жаль, – вздыхает Железяка. – Такой осведомленный и такой бесполезный.

– Расскажи об Апокимусе, – прошу у мальчика, но тот,

опустив глаза в пол и, как будто не слыша моего вопроса, проходит мимо и ложится на кровать. Вот тебе и поговорили.

– Странный этот твой старикашка. То полезные вещи рассказывает, то исчезает посреди разговора. И вообще все происходящее странно. Абсурдные миры, какие-то Хозяева с интеллектом куриных окорочков тырят смазливых девочек и заставляют мальчиков играть в отважных рыцарей. С позиции нормального человека это все кажется полнейшим безумием. А если в имеющуюся кашу всунуть еще и карты, то тут уж совсем бардак наступает, – задумчиво излагает Железяка.

– Ты обрати внимание на закономерность, – устало опускаюсь на край кровати и жестом предлагаю Железяке занять стул напротив. – Все миры в которых я когда-либо был – неблагополучны. В одних война, в других сводящий с ума вирус, в третьих, еще что-нибудь. Ни одного мира, в котором было бы все хорошо. Пусть даже не идеально, хотя бы сносно. Ведь так?

– Так. Везде свои негоразды, – согласился Железяка. – Расплодились какие-то дикие религии. Жертвоприношения. В одном из миров каннибализм процветает. В той миссии эти кулинары хреновы пол моей колоды сожрали. Живьем. Ну, я потом на них и оторвался. Заставил друг друга есть. И что ты думаешь? Аж причмокивали.

– Но все эти миры какое-то время назад жили нормальной жизнью... В твоём городе, не было никаких банд, жизнь шла своим чередом. Здесь не было монстров, уничтожаю-

щих людей. Везде видны следы недавнего благополучия. Как будто кто-то одним махом превратил рай в ад. Или может, ты встречал миры исключения?

– Нет, – после краткого раздумья ответил Железяка. – Вроде не было, но железную гарантию дать не могу. Было много быстрых миссий, когда толком не успевали разобраться, что вообще вокруг нас происходит. Часто действия происходили в какой-то заболотной глуши... В общем сам знаешь.

– Знаю. Но все что ты смог хорошо рассмотреть вписывается в мою схему?

– Без вариантов, – утвердительно кивнул Железяка.

– Замечательно. Идем дальше. Значит можно предположить, что произошло некоторое событие, повлиявшее на все миры одновременно. – Я задумался, перебирая в уме знакомые мне миры и примеряя к ним свежерожденную гипотезу.

– Может быть, может быть, – с сомнением в голосе сказал Железяка. – Но какую роль в твоей схеме играют Хозяева, карты...?

– Не знаю, – прерываю список, который может стать бесконечным. – Пока не знаю.

– Ну-у-у, – разочарованно протянул Железяка. А я то думал, что ты далеко продвинулся в своих умозаключениях. А у тебя из пустого да в порожнее.

Развожу руками. Что есть, то есть.

Глава 23.

– Это площадь оружейников, – указал рукой Вадибур на скопившиеся вокруг небольшой площади каменные домики.

Воздух наполняет звон кующейся стали, скрежет точильных кругов. Из многочисленных труб кузниц вьется дым, образуя над площадью чадное облако. Как крысы шныряют подмастерья, таская то слитки металла, то дрова, а то и уже готовые мечи или топоры.

Из дверей ближайшей кузни показался черный как головешка голый до пояса мужик с мечом в руках. Он повертел оружие перед глазами, несколько раз взмахнул, вслушиваясь в пение стали. Широко замахнувшись, ударил мечом по толстой деревянной колоде, испещренной зарубками, пристально посмотрел на образовавшийся след и довольно крикнув скрылся в жаркое нутро кузни.

– А по колоде молотить зачем? – спрашиваю у нашего экскурсовода.

– Это не колода, – выдавил из себя вежливую улыбку Вадибур. – Это молодой червь.

До сих пор мы подобных тварей не видели, поэтому подходим ближе и с интересом изучаем тушу. Тело состоит из множества поперечных колец усеянных короткой, редкой щетиной, похожей на проволоку. По-видимому она выполняет роль ножек, или еще их вроде ресничками называют, для перемещения в толще земли. Передняя часть напомина-

ет головку крестовидной отвертки. Вот этот самый крест и есть состоящие из четырех сегментов челюсти, усыпанные острыми, загнутыми внутрь зубами. Я искренне рад, что эта тварь используется в роли стенда для проверки действительности оружия. Столкнуться с такой милашкой нос к носу и увидеть голливудскую улыбку о четырех челюстях... Тфу-тфу-тфу! Я не суеверный, но лучше перестраховаться. Это я от Железяки нахватался. А еще недавно был закоренелым атеистом. С такими темпами я уже через месяц буду ходить увешанный амулетами и камлать... Чем там обычно камлают?.. Или по чем? Слово такое чудное, жаль, смысла не знаю.

– Молодой? – задумчиво произнес Железяка. – Длинной шагов пять и в варежку которого даже я пролезу? А взрослый?

– До двадцати шагов.

Железяка присвистнул и озадаченно почесал затылок:

– Как же вы с ними боретесь? Их же под землей не видно.

– Вдоль стен стоят большие тазы наполненные водой, – пояснил Вадибур. – Когда червь движется под землей, по воде идут круги, и мы знаем, откуда ждать неприятеля. Но в Рошгор черви особо не суются. Причиной тому глубочайший фундамент крепостных стен. Черви, не в состоянии пробить этот камень. Поэтому в город изредка попадают лишь очень крупные особи-одиночки, способные уходить на большую глубину.

Вдоволь налюбовавшись червем, идем дальше.

Откровенно говоря, я был несказанно удивлен предложением Вадибура показать город. До сих пор его отношение к нам было не из лучших, не смотря на то, что он был обязан нам жизнью. Да и сейчас заметно, что он с трудом сдерживает раздражение и неприязнь, рвущиеся наружу. В те моменты, когда он считает, что никто из нас на него не смотрит, благородное лицо искажается высокомерной ненавистью. Но что удивительно, на мальчика он поглядывает как волк на ягненка, чуть ли не облизываясь. Что же задумал этот двуликий принц с внешностью топ-модели?

Последние два дня сидения в башне мы с Железякой потратили на попытки придумать способ добраться до очередной Занавеси и при этом остаться живыми. Перебрав все мыслимые и немыслимые варианты, мы выдохшиеся подняли руки. Все! Идей больше нет. Выходило так, что мы навсегда застряли в Рошгоре. Не могу сказать, что мне здесь не нравится, скорее даже наоборот, но я должен спасти Ди. Железяка тоже не в восторге от сложившейся перспективы.

Мальчик все эти дни пребывал в состоянии оцепенения. Он практически не ел и не обращал на нас никакого внимания. По ночам я часто слышал в темноте тихое всхлипывание, но на утро об этом свидетельствовали лишь красные глаза. Мальчик старался не выдавать своих слез. В общем-то на экскурсию я согласился по нескольким причинам. Во-первых – хотел хоть немного развеять мальчугана. Я думал, что

прогулка отвлечет его от каких-то своих мрачных дум и вернет прежнее, веселое расположение духа. Мальчик отчаянно сопротивлялся, но общими усилиями мы уговорили его принять участие в экскурсии. А во-вторых, у меня язык просто не повернулся отказать особе королевского рода. Я, было, решил, что это попытка со стороны Вадибура, загладить свою вину, но, похоже, что ошибся.

Вадибур, не смотря на мерзкий характер и редкий сволочизм благородного оттенка, оказался превосходным экскурсоводом. Он красочно описал давние битвы с горцами, показал нам действительно интересные уголки города. Железяке особенно понравилась маленькая извилистая улочка, сплошь утыканная уютными кабачками, над входом во многие из которых горел красный фонарь. Улица Утех. Мне потребовалось приложить немало сил, чтобы утащить Железяку жадно пялящегося на мелькающих за стеклом красоток из этого места. Кстати, должен заметить, что такого количества симпатичных девушек как в этом городе я не видел нигде. Практически каждая вторая из них притягивает взгляд юной красотой. Но естественно, ни одна не может сравниться с золотоволосой принцессой.

Город живет своей жизнью. Галдят торговки на рынке, выхваляя свой товар, неторопливо маршируют по улицам размякшие от полуденной жары патрули, вертятся под ногами

детишки, играющие в рыцарей и драконов. Обычная повседневная жизнь мирного средневекового городка. Как будто и нет вовсе шныряющих за стенами гоблинов и парящих в небе драконов.

Принц рассказал, что обычно население города намного меньше. Обилие народа и как следствие бурлящие толпы на улицах объясняется тем, что под защиту стен перебрались крестьяне из разоренных деревень.

Мы даже были допущены в святая святых государства – маленький подвальчик, освещенный тусклыми восковыми свечами и пламенем горна. Именно здесь рождаются на свет маленькие золотые кругляшки с портретом Данибура Золотоволосого.

Мальчик все время шагает рядом со мной, как приклеенный. Вжав голову в плечи, он с опаской поглядывает по сторонам, словно в ожидании бед, которые вот-вот свалятся на нашу голову. Попытки убедить «расслабиться» и «оттянуться по полной» ушли в пустую. Странно, что он боится именно людей. Поначалу я списал поведение мальчика на страх перед драконами, но похоже, дело не в этом. Источник страха – горожане. Когда проходящая мимо упитанная лоточница с улыбкой протянула ему леденец, он мне чуть ли на шею не запрыгнул. В его лице было столько ужаса, что женщина, чуть не выронив наполненный сладостями лоток, быстро поспешила прочь.

В прогулке раздражает лишь неискренность принца и де-

сяток бряцающих железом при каждом шаге солдат за спиной. В ответ на мой вопрос по поводу шумного эскорта Вадибур, скосив глаза, объяснил, что не положено членам королевской семьи гулять без охраны. Как на меня, дело совсем в другом. В народе старший сын короля не пользуется особой популярностью. Можно даже сказать, что его откровенно недолюбливают. Горожане при его появлении выражают свое почтение сдержанным поклоном, как того требуют правила, и не более, а многие откровенно плюются вслед. Вот, похоже, он и побаивается. В то же время, стоит лишь появиться на улице Акеноту, и он сразу же становится центром внимания. Народ любит его за доброту и простоту, которых так не хватает брату. Возможно, именно по этой причине король вчера провозгласил его, а не как положено по старшинству Вадибура, будущим наследником. Вадибур был настолько взбешен поступком отца, что, нарушив ход церемонии, выскочил из зала, грохнув дверью.

– А здесь у нас что? – проявил любопытство Железяка, как только мы зашли в тупичок, в конце которого стоит мрачное здание с зарешеченными окнами. – Тюрьма?

Сопровождающая нас стража перегородила выход из тупика железным забором. Хищно нацелились жала алебард.

– Угадал, – довольно рассмеялся Вадибур и махнул рукой.

Тот час же на наши головы упала тяжелая сеть, сплетенная из проволочных нитей. Вслед за ней с крыш домов, сто-

ящих вдоль тупичка начали прыгивать легковооруженные солдаты. Мы даже сообразить не успели, что произошло, как уже стоим спеленатые сетью в окружении двух десятков обнаженных мечей.

– Это тоже часть экскурсии? – хмуро поинтересовался я.

– Ну и? Шоу с гимнастами мы не заказывали, – проявил след за мной интерес по поводу происходящего Железяка, но вместо ответа заработал от принца кулаком под глаз.

– Это тебе за тот раз! – злобно хохотнул Вадибур, глядя на расплывающийся на лице кровоподтек.

Солдаты, не снимая крупноячеистой сети, быстро разоружили нас, стянули руки хитрыми наручниками, а ноги обули в банальные цепи. Только после этого с нас стянули сеть.

Никто из нас троих, даже не пытается сопротивляться. Захваченные врасплох мы все еще удивленно переглядываемся, не понимая, что произошло.

– Что происходит? – спрашиваю у щурящего подбитый глаз Железяки, когда солдаты начали подталкивать нас остриями мечей в сторону приветливо распахнувшихся ворот тюрьмы.

– Молчать! – просипел над ухом голос. – А то живо в морду получишь!..

Не желая лишний раз заработать в морду затихаю и мелко перебирая скованными ногами бреду к воротам.

Мысль о сопротивлении отбрасываю сразу. С такими украшениями на руках и ногах особо и не повоюешь и не

побегаешь.

Гупнула закрываясь тяжелая дверь-решетка, лязгнул снаружи засов.

– М-мда, – глубокомысленно изрек Железяка осмотрев камеру зрячим глазом. – Приплыли.

Смотреть, в общем-то, не на что. Комната четыре на четыре с каменными стенами и низким потолком. Сквозь крохотное зарешеченное окошко не намного большее почтового конверта с трудом протискивается пучок света, рассеивая могильный сумрак камеры. В одном углу параша – деревянная емкость с ручками по бокам, в другом некоторое количество дурно пахнущей соломы. Отсутствие туалетной бумаги полностью объясняет идущий от соломы запах.

Ни наручники, ни цепи с нас не сняли. Даже с мальчика. Видать сильно боятся, раз такие меры предосторожности. Хотелось бы знать, чем мы заслужили такое гостеприимство. Неужели Вадибур счета сводит?

– Злопамятная сволочь! – сердито пинаю ногой стену. Цепи мерзко звенят при каждом движении. – Блин, узники замка Иф!

– Кого это ты так? – Железяка с подозрением присмотрелся к соломе и сел на голый пол.

– Вадибура! Кого же еще?

– Месть?

– А то! Больше нечему. Ты видел, как он все время на нас

косился?

– Видел, – вздохнул Железяка.

– То-то же. И на свободу не вырвешься. Эх, дать бы как-нибудь весточку Акеноту, он бы точно за нас вписался.

– С этими браслетами точно не вырвешься, – бряцнул на ручниках Железяка. – Раньше надо было действовать.

– Надо было, – соглашаюсь. – Убить себя хочется за непродолимую тупость. Я же засек эту сетку вовремя. Было время крутануться и уйти из-под нее. А после того, как достал бы меч, мне вообще все были бы по барабану. Прорвались бы! Не впервой!

– Не прорвались, – рассудительно заметил Железяка. – Там еще на плоских крышах лучники были. Человек семь. Продырявили б моментом.

– Ну, хоть бы шум подняли... а то, как овцы... м-м-мать! Считаю добровольно в мышеловку зашли. Принц провел нас как детей. Заслушались басен. На девок засмотрелись и бдительность потеряли.

Добавляю еще несколько выразительных слов, совсем забыв о присутствии мальчика. Вовремя спохватившись, прикрываю рот рукой и бросаю в его сторону виноватый взгляд. Но, похоже, что погруженный в свои раздумья мальчик ничего не слышал. Забившись в угол, он сидит на корточках, опустив голову на колени.

– А что девки?! – разозлился Железяка. Он, похоже, принял мои слова на свой счет. – Ты, между прочим, тоже с них

глаз не сводил. Аж слюнки текли.

– Не сводил, – соглашаюсь я. – С таких сведешь. Как на конкурсе красоты.

– А как все хорошо начиналось...

– И как хреново может закончиться, – мрачно дополняю. – Не думаю, что нас оставят в живых. Сочинит брату и венценосному папаше сказку о том, что, мол, мы сами потерялись или черви пожрали. А нас тем временем вот в этой же параше утопят.

– Это было бы бесчеловечно, – широко улыбаясь, в двери показался Вадибур.

– Явление мудака народу, – буркнул Железяка.

– Я тут послушал ваш разговор...

– Точно мудака! – теперь уже во весь голос сказал Железяка. – Тебя в детстве не учили, что подслушивать не красиво? Неужели весь этот беспредел только из-за того, что солнцеликий экснаследник получил от меня промеж глаз?

– Если ты думаешь, что дерзкими словами облегчишь себе смерть, то зря стараешься, – презрительно глянул на него принц. – Ты себя переоцениваешь. Благородный человек знатного рода не упадет так низко, чтобы мстить простолюдину.

Вот скотина! Как будто не он каких-то минут тридцать назад Железяке синяк под глазом навесил, а потом еще и поведал за какие такие заслуги.

– Ты нам должен жизнь дважды, – напоминаю я. – Если

бы не мы...

– Знаю-знаю, – жеманно замахал руками Вадибур. – Если бы не вы нас убили бы гоблины, а потом еще и твое чудодейственное лекарство чужеземец. Все знаю. Я, несомненно, вам должен. – Из груди Железяки вырвался облегченный вздох. Похоже, он уже видит нас на свободе. Ох, рано он радуется, рано. – Приняв во внимание ваши неоценимые заслуги перед королевской семьей, – он вложил в эти слова весь возможный сарказм, – я отменяю вашу смерть от огня...

– Фу-у-уф, – не выдержав напряжения, издаю и я вздох облегчения.

А я уж было, подумал, что эта златовласка нас на тот свет решила спровадить. А он, похоже, всего лишь в отместку попугать решил. Сейчас мы все дружно посмеемся и разойдемся по домам.

– ... и заменяю ее на смерть от меча.

Принц оглядел нас довольный эффектом, который произвели его слова. У Железяки даже маска побледнела, а я запнулся на середине облегченного выдоха и огласил камеру звуком больше похожим на продолжительное пукание чем на выдох.

– За что? – вскочил на ноги Железяка. – Говоришь, что не мстишь, а сам собираешься нам кишки на меч намотать. За что?

– Фу-у-у! – Скорчил презрительную гримасу принц. – И это мужчины? Вы же солдаты! Ведите себя достойно.

– Да мы мужчины, – сделал Железяка шаг к Вадибуру и тот опасливо покосился на его могучие руки, словно сомневаясь в крепости металла наручников. – Да солдаты. В любой цивилизованной стране существуют такие понятия как суд и приговор. Мы хотя бы можем узнать, за что нас собираются казнить?

– Да конечно.

Принц на всякий случай отошел поближе к дверному проему, в котором замерло четверо лучников: двое в полный рост, двое встав на колени.

– Мне тоже интересно знать, за что ты собираешься казнить наших гостей, брат.

Растолкав лучников, в камеру ворвался злой как дьявол Акенот. Черные волосы выглядывают из-под покосившегося легкого шлема, доспехи одеты кое-как, кожаные завязки и ремешки торчат в разные стороны. По-видимому, он настолько спешил, что даже не успел привести себя в порядок.

– А-а-а, уже доложили, – разочарованно протянул Вадибур.

Он невероятно расстроен неожиданным появлением брата, но тщательно старается это скрыть.

– Так все же, в чем ты их обвиняешь? – Акенот с трудом сдерживает так и прущую из него злость. Мне кажется, что он готов перервать брата пополам.

– Акенот, может ты разберешься в этой чертовщине, – вмешиваюсь в битву взглядов, которую затеяли между со-

бой принцы. – Нас, ничего не объясняя, повязали и упекли в тюрьму. А в придачу еще и грозятся на тот свет отправить.

– Может мы по незнанию нарушили какой из ваших законов, – выдвинул предположение Железяка и в очередной раз приложил наручники к синяку под глазом.

– Ничего вы не нарушали, – отмахнулся Акенот.

– Нет, нарушили, – хитро прищурился Вадибур. – Твои друзья и спасители привели в Рошгор оборотня. Надеюсь, что мой брат помнит, какое за это полагается наказание.

– Смерть от огня, – побелевшими губами произнес Акенот.

Зашептались стоящие в коридоре солдаты. Как будто волна суеверного страха прокатилась по присутствующим. Изменились лица, взгляды. Даже в глазах Акенота появилось что-то чужое, полыхающее огнем средневековой инквизиции. Но откуда они узнали правду о мальчике? Никто кроме меня об этом не знал... Даже Железяка... Неужели мальчик выдал себя? Но он не настолько глуп, чтобы допустить такую оплошность.

– Именно так, – довольно произнес Вадибур. – Смерть от огня. Но, учитывая их заслуги, я милостиво сменил огонь на меч. Не пристало воинам, тем более таким отважным и опытным, – он хитро глянул на нас, – жариться на костре. Пусть лучше умрут, как подобает – сложив голову под мечом.

– Но как?... Кто?... Ты уверен?.. – невнятно бормочет

Акенот.

Он ощупывает нас глазами, словно пытаюсь определить, кто из нас двоих, я или Железяка, оборотень.

На него жалко смотреть. Младший принц как бы потерял почву под ногами. В одно мгновение окружающий мир для него изменился. Те, кто еще недавно были друзьями и спасителями превратились во врагов. Эти перемены добавили ему морщин на лбу, и превратили глаза в поблескивающие пустотой стеклянные бусинки.

– Ты не верно меня понял, брат. Я сказал, что они привели оборотня. – Вадибур сделал ударение на слове «привели».

– Привели? – как сомнамбула повторил Акенот.

Его взгляд переместился на забившегося в угол мальчика. Тот так и не сменил позы, с того момента как нас водворили в камеру. На корточках с головой на коленях. Глаза закрыты.

– Его родителей несколько лет назад сожгли на площади. Ты должен помнить, ведь именно на тебя бросилась их дочь, пытаюсь добраться до них. – Вадибур хитро улыбнулся и скосил глаза на мальчика. – И именно ты зарубил ее...

Я понял, что сейчас произойдет. Что и зачем.

– Нет! – Я делаю рывок через всю камеру, пытаюсь перехватить мальчика. Но куда мне тягаться по скорости с обо-зленным оборотнем.

Тусклое размазанное пятно метнулось из того угла, где еще мгновение назад сидел наш маленький проводник. Призрачный зверь как таран врубился в грудь Акенота. Взлете-

ли вверх обрывки доспехов, и камера наполнилась победным воем маленького оборотня, сжимающего в длинных когтях все еще бьющееся сердце принца. Солдаты, забыв об оружии, бледными тенями вжались в стены, пытаясь просочиться сквозь них. Железяка замер в нелепой позе, ошалело переводя взгляд то на угол где сидел мальчик, то на победно воющего призрака.

– Пей кровь! – во весь голос кричу лежа на полу. – Пей, малыш!

Для мальчика это единственный шанс остаться в живых. Один глоток крови и никто не сможет его остановить. Со звоном разлетятся оковы все еще висящие на проглядывающих сквозь туман руках и ногах... нет на лапах... страшных уродливых лапах с обнаженными мышцами и длинными когтями.

Оборотень повернулся в мою сторону. Пристально взглянули янтарные глаза. Дрожащие ноздри втягивают пропитанный кровью воздух.

– Пей и беги отсюда! – уже шепчу я, понимая бессмысленность своих слов. Мальчик уже все решил сам.

Отрицательный взмах продолговатой головы и лапы разжимаются, роняя на камень все еще пульсирующее сердце.

– Не-е-ет! – я кричу, не слыша своего голоса.

Малыш пошел по пути своих родителей. Он лишь отомстил убийце сестры, но не захотел прикоснуться к человеческой крови.

– Да! – Бронированный кулак Вадибура тяжелой кувалдой

опустился на голову призрака. Янтарные глаза потускнели, и на труп принца рухнул уже самый обычный мальчик перепачканный кровью. – Да.

На лице Вадибура триумф. Ну, естественно, он одним хитро продуманным ходом избавился от соперника за престол, изобличил оборотня и отомстил нам. Не сомневаюсь, что именно его человек сообщил брату о том, что нас упекли в тюрьму... И как удачно упомянул он о причастности Акенота к убийству сестры мальчика. Как по нотам... Сволочь расчетливая!

Повинуясь жесту Вадибура, все еще не отошедшие от перепуга солдаты спеленали мальчика в стальную сеть и куда-то потащили. Вслед за ним вынесли и труп принца. Напоминанием о разыгравшейся трагедии остались лишь лужа крови и обрывки доспехов на полу. Мальчик воспользовался тем, что на Акеноте не до конца был зашнурован панцирь и просто-напросто перерезал кожаные завязки, добираясь до сердца.

– Откуда? – с трудом выговариваю я, опустошенный и раздавленный. Как тяжело проигрывать, особенно если ты к этому не привык. Сезон везения резко сменился конкретной невезухой.

– Тебя наверняка интересует, откуда я узнал об оборотне, – сверху вниз глянул на меня Вадибур.

– Да, – еле слышно говорю, пытаюсь подняться с пола, но принц пинком ноги отправляет меня обратно. – Интересует.

– Я знал об этом уже в вечер нашего возвращения. Когда мы въезжали в город, мальчика узнала лавочница. Его родители были ее соседями. Она клялась, что, не смотря на прошедшее с той поры время, не ошибается.

– Одним выстрелом трех зайцев, – обессилено шепчу я. Осознание обрушившегося как гром с ясного неба финала непомерным грузом легло на плечи.

– Что-что? А да, понял, – улыбнулся принц. Приложив палец к губам, он наклонился к моему уху, и прошептал: – Только никому не говори. Это будет нашим маленьким секретом.

– Гнида, – зло зыркнул Железяка, расслышав его слова.

Выходя, Вадибур приказал страже:

– Снимите с этих цепи. Фазаны в клетке, повар точит ножи, а в котле закипает вода.

Решетка уже захлопнулась, а у меня в голове все еще звучит его счастливый смех.

– Почему ты не сказал мне, что мальчик?.. – неуверенно начал Железяка.

– Оборотень?

Железяка кивнул.

– Какая теперь разница, – отмахиваюсь как от надоедливой мухи. – Какая разница.

– Что значит, какая разница? – разозлился Железяка. – Ты мне лгал всю дорогу!

– Не лгал, а умалчивал некоторые подробности, – лениво

оправдываюсь я.

– Ни хрена себе подробности! Оборотень рядом с нами, это по-твоему подробности?

Он ухватил меня за кольчугу, поднял с грязного пола и хорошенько встряхнул:

– Отвечай!

– Я боялся, – отвечаю, даже не пытаюсь сопротивляться.

– Чего ты боялся? – дышит злостью и нетерпением в лицо

Железяка.

– Что ты... ты неправильно поймешь. Что может возникнуть конфликт и... Оборотни ведь пьют кровь... – неразборчиво мямлю в ответ.

– Ну и что, что пьют? – непонимающе глянул Железяка. – Мало ли кто, что пьет. На вкус и на цвет...

– Я подумал...

– Подожди, ты подумал, что я могу испугаться или попытаться убить мальчика за то, что он не человек и пьет кровь? Я тебя правильно понял?

– Да, – отвечаю неохотно.

Железяка разжал руки и отпустил меня. Только сейчас замечаю, что висел в воздухе, даже не касаясь земли.

– Ну и дурак же ты Димка! Я за свою длинную жизнь видел намного более страшных монстров. Все они были в человеческом обличье. Самые страшные твари во всех мирах это – люди. Перед нашей злобой, ненавистью и подлостью все эти оборотни жалкие козявки. Единственное, что может

меня испугать по настоящему – это человек. А ты говоришь оборотни!

"Приласкав" тяжелым взглядом он бережно поправил кольчугу у меня на груди.

– Эх! – грустно вздохнул я. – Это я во всем виноват. Рассказал бы тебе вовремя о мальчике, может быть все бы и обошлось.

– Не рви душу Димка. Прорвемся. Пока живы, мы еще можем влиять на ход событий. И мы повлияем. Попомни мои слова Димка, еще как повлияем.

– Мне бы твой оптимизм, – безутешно говорю, и опускаюсь на холодный пол камеры. – Хоть бы чуть-чуть. Самую малость.

Глава 24.

– Вон они! Держи! – раздался из темноты голос справа, и мы тот час же не сговариваясь, нырнули в подворотню.

Эх, говорил же я Железяке, что нельзя выходить на свет – сразу же засекут, не смотря на то, что вроде бы никого нет. Это только кажется, что нет... Каждое темное окошко, каждая тень ночного города следят за нами. Кажется, что стоит лишь повернуться к ним спиной, и тени оживут, станут страшной реальностью с гвардейким мечом или обычной кочергой в руке. Как легко в один миг превратиться из героя-спасителя в гонимого всеми врага... Стоит лишь при-

вести в город оборотня... А ведь еще два дня назад нас чуть ли не на руках носили. Эх! Да чего сейчас вспоминать!

Охота!

Да, именно охота, в которой мы выступаем в роли жертв, а город в роли свирепого охотника. Горожане объединились с солдатами, движимые жаждой крови тех, кто привел в Рошгор оборотня. Нас спасает лишь легкая паника, царящая после атаки дракона. Часть населения занята тушением пожара охватившего квартал, окружающий тюрьму. Даже сюда, не смотря на расстояние, долетают отблески ставших уже редкими сполохов.

Нападение дракона произошло как нельзя кстати. Бывают же чудеса в жизни! Если бы эта крылатая тварь не превратила тюрьму в груды дымящихся развалин, то рассвет мы бы уже встретили отдельно от голов. Конечно, существует вероятность, что именно так и будет, ведь до рассвета еще около часа, и его нужно прожить ... или пробежать.

Для меня до сих пор остается большой загадкой, как нам удалось проскользнуть сквозь огонь и удушливый дым развалин и вырваться на свободу за мгновение до того, как рухнули пылающие перекрытия тюрьмы. Обгоревшие, покрытые копотью мы мчались по пустым улицам так, как будто за нами стадо чертей гналось. Горожане и солдаты вывалили на улицы лишь после того, как дракон улетел. К тому моменту мы уже успели пересечь большую часть города. До крепостных стен оставалось каких-то пять минут... Но все хорошее

рано или поздно заканчивается. Закончился и наш марафон. Засвистевшие вокруг стрелы, заставили отбросить розовые мечты по поводу легкого побега. С той минуты мы стали парой волков рыскающих по каменному лесу, переполненному озлобленными охотниками. Я и Железяка для них воплощение всех бед, и жертвы на которых можно сорвать злость за все... За оборотня, за дракона, за смерть любимого всеми Акенота.

Мы спрятались за стоящую у двухэтажного домика телегу. Минуту назад мимо протопал патруль. Солдаты громко обсуждали подробности нашей будущей казни и сетовали на то, что маленький оборотень погиб в огне или под завалами камней.

– Идет охота на волков, идет охота, – неожиданно пропел Железяка хриплым голосом.

– Нашел когда петь! – сердито буркнул я на Железяку, и прислушался к раздающимся издали голосам. – Тебе медведь когда уши оттаптывал, еще и нечаянно на голову наступил. Три раза.

– Что с пацаном делать будем? – спросил он, ничуть не обидевшись на мои слова.

– Ты сам слышал. Мальчик погиб, унеся в могилу наш уход из этого мира. Понимаешь, Железяка, мы застряли тут навсегда. Если нас не поймают озверевшие горожане, и удастся вырваться за крепостную стену, то, что нас там будет

ждать?

– Черви и гоблины, – блеснула в темноте стальная маска, отразив одинокий язык пламени взвившийся над тем местом, где еще недавно была тюрьма. – Ну и конечно драконы.

От одного слова «дракон» у меня мороз по коже идет. До сих пор в ушах стоит трубный рев, сотрясающий стены. Такое и в страшном сне не приснится. Клубящееся пламя огненной рекой затекающее через окно. Мы даже глазом моргнуть не успели, как лежащая в углу камеры солома вспыхнула. Воздух наполнился клубами едучего дыма. И снова рев. Такой, что хочется упасть на землю, закрыть голову руками и превратиться в бездушный камень не чувствующий боли, и не способный судорожно мочиться от животного страха, пронизывающего оледеневшую не смотря на бушующее вокруг пламя душу. Но это была лишь разминка для дракона. Земля вздрогнула как при землетрясении. Зашевелились словно живые стены. По каменной поверхности пошли волны, как будто неведомая сила снаружи гладит гигантской рукой почему-то ставшие резиновыми стены. А потом на тюрьму, мощное, несокрушимое здание, словно опустилась огненная кувалда. Мигом оглохшие и ослепшие мы как два котенка царапались по раскаленным камням, оставляя на них куски одежды и клочья обожженной кожи. Огненный вихрь наподдал нам под зад и выпер из пламенного беснования как пробку из бутылки шампанского. Стоя у горы камней, над которыми завис, звучно хлопая крыльями огромный как жи-

вущий в душе ужас дракон, мы дрожащие как два осиновых листа все никак не хотели верить, что вырвались из этого крематория живыми.

– Ну и что дальше делать будем? – с трудом подавляю отчаяние.

Я в полной растерянности. Мальчик мертв. О спасении Ди можно смело забыть. Никогда мне больше не увидеть глаза полные осени. Эх, подвел я тебя девица-красавица, подвел как последняя сволочь. Ты дожидаясь меня, сидя в башне, а я... я... Дурак в общем. Мог бы вовремя сообразить, что мальчик не спроста себя так вел. Ведь всего лишь подумать немного надо было... Самую малость. Сложить два плюс два: странное поведение мальчика и рассказ Апокимуса о гибели его родителей. Ну, неужели мальчику было трудно просто объяснить мне что к чему? Ведь если бы мы знали, что Рошгор тот самый город – город его детства, то обошли бы его десятой дорогой и может быть были бы уже у очередной Занавеси. Нет, зря я рву душу. Все равно орды тварей преградили бы нам путь. А вот мальчика действительно жалко. За время нашего путешествия, я успел привязаться к нему. Он мне нравился. Маленький оборотень. Невольно улыбаюсь, вспомнив озорное, неугомонное существо, моего маленького Сусанина. Вспоминаю наши веселые игры и дурацкие розыгрыши... Его не по детски серьезное лицо бледным образом затмило мой взгляд и сделало его влажным как дождливый осенний день. Надеюсь, что он принял легкую

смерть...

– Выживать! – решительно сказал Железяка.

– Что? – Я настолько погрузился в мысли о мальчике, что не понял суть его реплики. – Что ты сказал?

– Мы будем выживать, – крепко ухватил меня за плечо Железяка. – Не раскисай Димка. Игра еще не проиграна. Хотя мы и не можем достигнуть намеченных ранее целей, но это не значит, что жизнь закончена. Мы должны приспособиться к этому миру и занять в нем достойное место.

– О чем ты?

С непониманием смотрю туда, где должен стоять Железяка. Его присутствие в кромешной тьме угадывается лишь по поблескиванию металла маски и тяжелому, взволнованному дыханию. Я настолько расстроен, что даже не хочу прислушиваться к его словам. Какое к черту может быть выживание? За стенами твари, внутри стен люди, которые не смотря на первоначальную доброжелательность могут оказаться хуже зверей. Удивительно, как быстро могут радушные лавочники превратиться в жаждущих крови варваров, которыми движет звериная ненависть. Неужели оборотни оставили настолько глубокий след в их памяти? Такая, напроочь стирающая все имеющиеся ранее теплые чувства, ненависть не возникает сама по себе. Сказки, легенды и прочий фольклор не могут зародить столь сильное чувство. Тут нужен личный опыт. Такой, какой получил я в таверне, глядя на расправу пары оборотней над посетителями.

А еще чертовски хочется умыться. Тело покрыто жирной копотью. Мерзко ноет обожженная кожа, местами вздущаясь волдырями. Эх, жаль, нет того шаманского свертка с мазями и травами... Ничего нет... Ничего, кроме обгоревшей, рваной одежды, свисающей бархатными от сажи клочьями. Нам не оставили даже доспехов. После ухода Вадибура из камеры, нас еще раз на всякий случай обыскали, содрали доспехи, а только потом избавили от железных погремушек на руках и ногах. В результате я остался в подкольчужнике а Железяка в черной майке.

– Мы поставим город на колени, – довольно произнес Железяка, явно беремененный гениальной идеей, которая так и прет из него. – В партер.

– Вдвоем? – проявляю легкую заинтересованность. – Весь город? А у нас здоровья хватит?

– Да! – горячо зашептал на ухо Железяка. – Мы сможем, Димка! Слушай меня внимательно...

Глава 25.

Высокая башня белой свечой тянется к рассветному небу, сменившему былую черноту на утреннюю серость. Появляются первые, пока еще неясные тени, призрачными образами лежащие на камни центральной площади. Шум погоны давно уже стих. Преследователям даже и в голову не могло придти, что гонимые почти всем городом беглецы будут

стремиться не к спасительным стенам, за которыми их ждет иллюзорная свобода, а к замку, точнее башне, Данибура Золотоволосого.

– И ты думаешь, что мы вот так запросто сможем ворваться в замок и добраться до короля? Безоружными? И где гарантия, что он поверит каким-то чужакам, утверждающим, что его сын – негодяй, погубивший собственного брата из-за жажды власти? – Я все никак не могу избавиться от здорового скептицизма.

– Не ссы в компот, Димка, – похлопал меня по спине Железяка. В утренней серости он выглядит как черт, отработавший двойную смену у котла с грешниками. Черные кожаные штаны и майка изобилуют дырами и пропалинами и неотличимы от покрытого копотью и ожогами тела больше подошедшего бы маньяку-сталевару прикуривающему от пылающей домны. Единственное светлое место это поблескивающая стальная маска.

– Оптимист неизлечимый, вот ты кто, – все еще несогласный с планом хмурюсь я. – Ну, хорошо, предположим, что мы все таки прорвались в башню, каким-то чудом добрались до короля и он с просону поверил в наш рассказ. Дальше что? Не знаешь? А я вот знаю. Он нашлепает сынка по заднице мозолистой отеческой рукой, а нами займется добрый дядя палач, или как их тут называют, заплечных дел мастер.

– У тебя идеи есть? – сердито глянул Железяка. – Нет? Ну и чего тогда тут выступаешь? Если не можешь предложить

ничего лучше, будем делать по-моему. И вообще, перестань приbedняться. Я ведь видел, как ты орудуешь мечом.

Мне остается лишь покорно кивнуть.

Из-за лавки гончара, расположенной на краю площади показалась пара солдат. Чего их сюда занесло – понятия не имею. Для патруля маловато, эти обычно пятерками шастают.

Прячась в утренней тени домов, неслышно подбираемся к солдатам. Они не торопясь шествуют, что-то обсуждая в пол голоса. В тишине оглушительно позвякивают ножны о металл доспехов. Глухо стучат о камень площади кожаные подошвы высоких сапог. Мне даже не пришлось пачкать руки, Железяка сделал все сам. Его появление превратило солдат в пару кроликов застывших перед удавом. Вид здорового облезлого негра с железной кровожадно ухмыляющейся мордой, возникшего как из-под земли даром для нервной системы не проходит.

– Спокойной ночи, – рыкнул Железяка и стукнул солдат головами.

Вопрос о наличии оружия решил сам собой, осталось лишь прорваться в башню.

Оглядываясь по сторонам, быстро бежим к башне. Острая сталь в руке придает уверенность и некоторую надежду на успех мероприятия.

С каждым шагом белоснежная громада башни приближается, закрывая большую часть неба. Вот и дверь. Рывок... и ничего. Заперто изнутри.

– А дальше? – скептически смотрю на автора гениального плана. – Может у тебя отмычка есть? Или выбивать будем?

Не смотря на мой тон, Железяка широко улыбнулся в ответ на предложение выбить двери. Для того, чтобы проломить их нам потребуются изрядных размеров таран, и то не уверен, что конструкция из толстенных деревянных брусьев сшитых стальными полосами быстро сдастся.

– А дальше мы просто постучимся и...

– Скажем сим-сим откройся? – предположил я.

– Не совсем. В двери нет окошка а, кроме того, еще не очень светло. Ты главное будь готов пустить в ход оружие.

– Всегда готов, – все так же скептически говорю я.

Железяка тихо постучал по двери. Ответ не замедлил себя ждать:

– Кто?

– Мы поймали беглецов, – уверенно говорит Железяка, подмигнув мне. – Тех, которые оборотня привели в наш город. Открывай быстрее. Принцу наверняка не терпится их увидеть.

Гроыхнули засовы и дверь распахнулась, нарисовав на темной площади светлую полосу.

– Очень не терпится, – появился в прямоугольнике света довольно ухмыляющийся Вадибур. – Я ждал вас раньше. Ча-

сом не заблудились?

За спиной принца застыли наизготовку несколько лучников. В глубине коридора ярко освещенного факелами толпятся воины с алебардами. Как по команде распахнулись двери домов, расположенных по периметру площади и из них как вода из крана полились десятки солдат. Они слаженно выстроились, образовав тройное кольцо вокруг башни. Железная стена, состоящая из щитов, застывших над ними шлемов с опущенными забралами и направленных на нас копий.

– Лучше бы мы заблудились, – опускаю занесенный для удара меч.

Стоит шевельнуться, и лучники мигом превратят меня в подушечку для иглок или ежа-акселерата. Но как принц смог догадаться, что мы пойдем именно к башне? Ведь по логике мы должны были пытаться выбраться из города...

– Неужели вы не рады меня видеть? – притворно удивился Вадибур.

– Рады-рады, – зло прищурился Железяка. – Так рады, что убить тебя хочется.

– Вряд ли я смогу оказать вам такое одолжение, – развел руками принц. – Но вот рассказать, почему ждал вас именно тут, могу. Но сперва бросьте на землю мечи. Они меня раздражают, не то, что ваш вид. Вы как два застрявших в дымоходе трубочиста, которых не заметила хозяйка и разожгла огонь в печи.

Переглядываемся с Железякой. В его глазах желание драться до последнего. Может он и прав. Лучше сейчас умереть в бою, быстро и безболезненно, чем потом быть зрелищем для зевак, так любящих публичные казни.

Железное кольцо неторопливо сжимается. Гремят, смыкаясь щиты. Настороженно поглядывают глаза через прорези шлемов. Восходящие солнца отражаются в металле отполированных до блеска доспехов. У них прямо как у нас: подворотнички подшиты, пуговицы отполированы, сапоги начищены. Дисциплина и выправка на высоте.

– Мечи на землю! – крикнул Вадибур.

Мы с неохотой подчиняемся. Мечи падают на землю. Принц еле заметно облегченно вздыхает и вытирает вспотевший лоб. Не смотря на внешнюю браваду, он нас боится. Боится до позорного мышинного писка, иначе не притащил бы такую уйму солдат против двух измученных людей.

– Ну и как же ты догадался? – невесело спрашиваю.

Железяка с сожалением смотрит на лежащее у ног оружие. Кажется, что он борется с желанием ухватить его и броситься на принца.

– Мечь! – самодовольно ответил Вадибур. – Такие как вы не уходят не отомстив за... – он запнулся, чуть не проговорившись о своей причастности к смерти брата.

Благородный принц с больничной уткой вместо головы, он думает, что мы стремились в башню ради того, чтобы отомстить ему за убийство Акенота, который за дни прове-

денные в Рошгоре стал нам почти другом, и за нанесенное оскорбление. Ему и в голову не пришло, что мы всего лишь хотим выжить в мире, который из-за него должен стать нам домом.

– И что дальше? Тут нас убьешь или устроишь показательные выступления на площади? – сквозь зубы спросил Железяка, и одарил принца уничтожающим взглядом.

Это единственное, что нам остается – бросать сердитые взгляды.

– Конечно публичная казнь. Я не могу лишить мой народ такого зрелища. Жаль что оборотень погиб. Его сожжение было бы намного интереснее, чем банальное обезглавливание двух спутников. Но вы не расстраивайтесь, я обязательно придумаю что-нибудь интересное. И если вы надеетесь на заступничество короля, то зря тешите себя надеждами. Отец полностью передал это дело в мои руки. Он нездоров и не хочет заниматься подобными мелочами.

Что-то в его взгляде есть такое мерзкое и скользкое... как кишки вывалившиеся из свежераспоротого живота. И то, что король, еще два дня назад пышущий здоровьем захворал, тоже не просто. Голову даю на отсечение, что через очень короткий срок на трон взойдет новый король, использовав качестве ступеньки труп собственного отца.

Железяка красноречиво скрипнул зубами и опасно покосился на лучников.

– Почему вы так ненавидите оборотней? – задаю давно

мучивший вопрос.

– Он спрашивает, почему мы ненавидим оборотней, – голосом бесталанного актера закричал Вадибур на всю площадь. По рядам солдат покатился нервный смешок. – Они как саранча, уничтожающая посевы. С одной только разницей, саранча жрет растения, а оборотни людей. Сильные и неуловимые они нанесли немало бед нашему городу. В памяти горожан до сих пор не стерлись воспоминания об их последнем нашествии. Колбасная улица была залита кровью чуть ли не по косточки, разорванные тела лежали на каждом шагу, а четыре десятка солдат были бессильны всего лишь перед троицей оборотней. И после этого ты спрашиваешь, почему мы ненавидим оборотней?

– Но ведь нельзя равнять всех под одну гребенку, – пытаюсь возразить, заранее зная о бессмысленности спора. Их, видевших собственными глазами кровавое пиршество, не убедить в том, что и среди оборотней могут быть нормальные, дружественные людям особи. – Разве можно?..

– Не можно, а нужно, – решительно перебил Вадибур. – Гибель оборотня для нас праздник. И вы станете его участниками... Потерпите немного.

– Может, как-нибудь без нас обойдетесь? – предложил Железяка.

– Уберите их отсюда, – приказал принц.

От железного кольца отделилась шестерка воинов. Холодно взглянули узкие прорезы шлемов. Больно ткнулось в бок

острие короткого копья. С трудом сдерживаюсь от оханья. Но я не собираюсь показывать свою слабость, и поэтому лишь прикусываю губу не издав ни звука.

– Руки убери! – рассерженно зарычал Железяка на воина, который толкнул его в плечо, указывая направление дальнейшего движения.

Воин, вместо того, чтобы внять пожеланиям пнул Железяку коленом пониже спины. Зря он так...

Глаза Железяки налились кровью и он практически без размаха зацедил кулаком обидчику в голову. Воин потерял равновесие и рухнул на землю. Шлем с погнутым забралом отлетел в сторону.

– Дама? – не веря своим глазам, прошептал я, глядя на знакомое лицо. – Ты?

Удивлению нет границ. Это действительно она. Дама. Лежит, растянувшись на камнях площади. На лбу растекается большой синяк. Душевно ее Железяка приложил. Но что она здесь делает?

Пауза длится всего секунду или две, хотя мне кажется, что прошло намного больше. Открылись бесцветные глаза, пронзив меня холодным железом. Рывок, и, не смотря на тяжелые латы, Дама уже на ногах.

– Женщина? – озадаченно нахмурился Вадибур. – Что здесь делает женщина?

Его удивление оправданно, в Рошгоре женщины никоим образом не связаны с военным делом. Это удел мужчин.

Принц открыл рот, собираясь что-то сказать, но Дама не дала ему такой возможности.

– Вперед сукины дети! – наполнил площадь знакомый голос.

Пятерка окруживших нас солдат одним слаженным движением метнула копья, пробивая окно в железной стене. Вжикнули, вырываясь из ножен мечи.

– Не стой как истукан, – толкнула меня Дама. – Если не будешь спать прорвемся!

Пять воинов во главе с Дамой рванулись в образовавшуюся в оцеплении брешь увлекая нас за собой. Рошгорцы все еще не понимают, что произошло, ведь колода Пик, а это без сомнения именно она, как всегда одета в такие же доспехи, как и все воины вокруг, и ничем не выделяется из общей железной массы. Мечи Пик обрушились на противника расчищая дорогу.

К тому моменту, как солдаты противника начали предпринимать ответные действия, а принц что-то истерично орать мы уже находимся вне кольца, и, что есть сил, бежим по широкой улице.

Без потерь мы выбрались из окружения благодаря привычному профессионализму карт и ошеломленности противника. Идя в кильватере за железным тараном, который образовали Пики, я успел подхватить с земли два меча. Один из них протянул ничего не понимающему Железяке. Он вертит головой по сторонам, и послушно, как собака бежит ря-

дом.

– Что, черт возьми, здесь творится? – закричал, не замедляя бег, Железяка. – Кто они?

– Пики, – тяжело дыша, отвечаю я.

– Какого черта тогда они творят? – округлились его глаза.

Похоже, что он, как и я, совершенно не ожидал подобного вмешательства.

– Заткнись, – не оборачиваясь, крикнула Дама. – Не время. Там, за углом лошади... Будем прорываться к главным воротам. В случае чего, вы отходите, мы прикрываем.

– Миссия? – на бегу заглядываю в серьезное лицо.

– Отвали! – зло зыркнула Дама. – Из-за твоего громилы чуть не пошло все прахом!

Вот и лошади. Шесть черных жеребцов покрытых кольчужными попонами. Привязанные к деревянной оградке они лениво ощипывают траву безразличные ко всему кроме завтрака.

Но почему шесть? А для нас?

Пики не сбавляя темпа, запрыгивают в седла. Такое впечатление, что они даже не замечают тяжести доспехов, движения легкие и уверенные.

– Дима, ты ко мне, твой железномордый к Восьмерке, – командует Дама и указывает на кругленького солдата, который, наклонившись из седла, отвязывает поводья.

– Кто? – решил обидеться Железяка. – Меня зовут Желе-

зьяка, а не...

– Давай ты потом поведаешь мне свою родословную. – Дама наградила его ледяным взглядом.

Пришпорив лошадей, вихрем срываемся с места. Частой дробью стучат подковы по камням мостовой.

Не уверен, что путь до главных ворот мы сделаем настолько же легко. Принц наверняка уже предпринимает соответствующие меры. Со слов Акенота я знаю, что в Рошгоре существует какая-то система оповещения. Принцип мне не известен, но это в данный момент роли не играет. Главное, что стража у ворот уже знает о нашем приближении и готова к достойной встрече.

– Мы цель вашей миссии? – спрашиваю, крепко держась за талию Дамы.

– Да. Мы должны вывести вас из города.

– Почему лошадей было только шесть?

– Планировались потери. Шестерка и Семерка должны были остаться для прикрытия. Хозяева без раздумий решили пожертвовать парой карт. Но здешние солдафоны настолько обалдели при виде бабы с мечом, что надобности в прикрытии не было.

– Знаешь, я рад тебя видеть, – плотнее прижимаюсь к ее спине.

– А я удивлена, что ты все еще жив.

Первое препятствие – толпа вооруженных горожан. Явно

до сих пор ищущие двух сбежавших из разрушенной тюрьмы чужаков. Вместо двух измученных беглецов они получают сильный отряд всадников. Не сбавляя хода, рассекаем толпу как острая сталь податливую плоть, оставляя за собой трупы и крики раненых. Горожане в панике бросаются в стороны. Их счастье, что мы спешим, иначе карты, с присущей им тщательностью не оставили бы на этой улочке ни одной живой души.

Мелькают дома и лавки. Поворот за поворотом, улица за улицей. Солнца заливают утренним светом так и не уснувший в эту ночь город. За нашими спинами раздаются крики горожан и редких стражников. Одни вопят, что беглецы пойманы солдатами, другие, что солдаты захвачены беглецами.

Вырулив из-за угла покосившейся таверны, оказываемся на широкой улице ведущей напрямиком к городским воротам. Нас ожидает неприятный сюрприз в виде нескольких десятков солдат с алебардами перегородивших улицу в пять рядов. На стенах застыли лучники. Стрелы замерли на тетивах натянутых луков. Нас ждут. У противника большое преимущество, не поможет даже мастерство карт. Мы даже не дойдем до ворот, не говоря уже о том, чтобы попасть за них.

Но Дама даже не собирается сбрасывать темп, наоборот, прищпорив коня, она поднялась на стременах, вскинув вверх зажатый в руке меч.

– Что ты творишь? – кричу, понимая бесполезность ата-

ки. – У нас нет шансов. Нажми кнопку на транспортном модуле, и отправляйтесь домой. Лучше остаться без снов, чем без жизни!

– Ты хоть веришь в то, что говоришь? – задорно рассмеялась Дама.

– Нет, – вздыхаю. – Не верю.

– Спрыгивай. Мы устроим заворушку, а вы, пользуясь суматохой, попытайтесь добраться до калитки. Она рядом с воротами. Все, проваливай Шестера! И удачи тебе!

Она толкнула меня на землю. Мягко приземлившись, моментом откатываюсь в сторону, чтобы не попасть под копыта скачущих лошадей. Рядом грохнулся как мешок с картошкой Железяка и громко заматерился.

– Меня зовут Дима, – тихо говорю вслед Даме.

Она выбрала свой путь... Нет, ее путь выбрали за нее Хозяева. Она не в состоянии нарушить приказ... Я точно знаю, сам был таким.

– Да знаю я как тебя зовут, знаю, – застонал, поднимаясь на ноги Железяка. – Мне не настолько мозги отшибло. Что они творят?

– Атакуют.

– Я ведь уже сказал, отшибло, но не до такой же степени. Сам вижу, что атакуют. Зачем? Им же проще сразу себе харакири сделать, а не привлекать для этого дела стражу.

– Пики нас спасают, – говорю, глядя вслед колоде.

– Совсем с ума посходили? – Железяка тоже глянул вслед

шестерке всадников галопом несущихся навстречу верной смерти, но в отличие от меня с удивлением. – Какими бы они не были крутыми...

– Они выполняют миссию, – говорю таким тоном, что он мигом затыкается и смотрит на карты уже совершенно другими глазами. В них светится понимание. Понимание и жалость к безвольным игрушкам Хозяев, выполняющих свою работу как всегда ставя на первое место задачу, а жизнь... жизнь находится где-то в конце списка приоритетов.

Глава 26.

Пики полегли достойно, как и подобает картам. Я не видел сражение целиком, мы были заняты тем, что пытались незаметно прокрасться к калитке у ворот. Спасали собственные шкуры, пока другие отдувались за нас.

Рошгорцы никогда до сих пор не сталкивались с подобной мощью и профессионализмом. Лавируя между жалящими роями стрел, работа лучников была затруднена толчеей, Пики щедрой рукой раздавали смерть, выкашивая ряды закованных в сталь солдат. Лязг железа, крики раненых, панические возгласы малодушных и победный крик Пик наполнили воздух. Глядя на хоровод со смертью, мы и сами не могли определить, где рошгорские воины, а где карты, а что уж тогда говорить о тех, кто вертелся в нем. Немало рошгорских солдат погибло от мечей и стрел своих собратьев, вовремя

не разобравшихся кто есть кто.

Железным клином колода пробивала противостоящую массу, неумолимо, шаг за шагом приближаясь к воротам. Так раскалывают на дрова неподатливые пни после корчевания. Находится крохотная трещинка, в нее вставляется толстый клин. Под ударами молотка он все глубже и глубже проникает в сопротивляющееся тело. Так длится до тех пор, пока пень не сдастся и с треском похожим на мольбу о пощаде не раскалывается на две части. Меня всегда удивляло, как такой небольшой клинышек побеждает разлапистого монстра, похожего на чудовищного спрута.

Противник сминаясь неудержимым натиском, выстилая телами дорогу победителям. На каком-то моменте я уже даже было начал верить, что Пикам удастся добраться до ворот и благополучно вырваться из города. Но к рошгорцам подоспело подкрепление. Десятка полтора всадников серебристой лентой выпорхнули из перпендикулярной улочки, практически у нас под носом, и неожиданно ударили Пикам в спину. Именно это событие повлияло на исход сражения. Длинные копья выбили две карты из седел, и бросили прямо на лес мечей. Через мгновение нашинкованный стрелами рухнул под копыта собственного коня еще один наш коллега. Мы нырнули в ворота маленького дворика, намереваясь сократить путь, а заодно и укрыться от любопытных глаз. То, что нас до сих пор не заметили чудо. На заполненной солдатами улице мы выделялись как две хорошо прокопченные

вороны, в стае белых голубей. Стоило хоть одному лучнику отвести взгляд от кипящего сражения, и мы умерли бы уже на втором шаге.

Перебравшись через забор и отбившись от двух свирепого вида собак принявших нас за два благоухающих копченостью окорочка, мы оказались практически у крепостной стены. Слева от нас кипел бой, а прямо, шагах в двадцати возделенная калитка – путь на свободу. Охранявшая ее стража, бросив свой пост, уже подбегала к бурлящему железному кому, из которого часто вываливались посеченные тела, залитые кровью.

Взявшись за тяжелую задвижку калитки, я бросил последний взгляд на поле боя. Оставшаяся в одиночестве Дама неистово вертелась конем, расшвыривая в стороны пехотинцев. Без шлема, в помятых доспехах и злая как сам дьявол. Ежик темных волос перепачкан кровью, на щеке глубокая царапина – след от стрелы. Солдаты шарахаются от нее в стороны как от чумной, но длинный двуручный меч достает их везде, вспарывая доспехи и раскалывая как орех шлемы.

Она увидела нас. Увидела и что-то радостно прокричала, поднявшись на стремянах, но вонзившаяся в открытый рот стрела заставила ее замолкнуть. Последнее, что я видел, осторожно прикрывая за собой калитку, это ее тело, поднятое на копьях.

Что есть сил, мы бежали от города, от его ненавистных

белокаменных стен. Не сдерживая слез, я рыдал как ребенок, часто вытирая лицо обгорелым рукавом подкольчужника. Железяка хмурился и делал каменное лицо, старясь быть таким же невозмутимым как его маска.

Дама, как живая стояла у меня перед глазами, нежная и страстная как в ту ночь в дремучем лесу. Но я плачу не потому, что жаль ее. Нет. Жалость в данном случае неуместна. Просто мне очень плохо оттого, что ее уже нет. Не смотря на то, что Дама пыталась меня убить, желая защитить свои сны, я не держу на нее зла. Я прощаю ей все, и оставляю в воспоминаниях лишь лучшее: совместную работу и ту незабываемую ночь. Дама профессиональный солдат и знала, на что идет. Ей дали волшебные сны, а взамен потребовали отдать собственную жизнь в любой момент. Когда я предлагал Даме всей колодой выйти из сна, то городил несусветную чушь. Еще не так давно, хотя кажется, что прошла целая вечность, я точно так же ринулся бы вперед, не думая ни о риске, ни о спасении. Лучше достойно погибнуть в бою, чем влечить жалкое существование в том, родном мире, который сейчас кажется страшным кошмаром, и в котором мы изгой не способные нормально адаптироваться в мирном обществе. Все мы дети войны. Она изменила нас и наш внутренний мир. Однажды, после выписки из госпиталя я неторопливо прогуливался в парке, недалеко от дома. Разрабатывал ногу. Первые несколько месяцев были самыми тяжелыми, иногда даже хотелось сдаться и сесть в инвалидное кресло лишь бы не

терпеть эту мучительную боль наполнявшую тело при каждом шаге. Прогуливаясь по тропинке, в окружении пышных кустов я услышал знакомый свист. Тело среагировало само. Не смотря на больную ногу, я рыбкой сиганул через кусты, и вжался в землю, ожидая падения минометной мины. За кустами что-то хлопнуло. Услышав за собой смех, я приподнялся и повернул голову. Два подростка тыкали в меня пальцами и аж сгибались от хохота. В руке одного из них была коробка петард. Мне потребовалось приложить все силы, чтобы удержать себя от опрометчивого поступка или слова.

Глава 27.

Мы укрылись в одной из разграбленных деревень недалеко от города. Уцелевшая изба стала нашим домом. Да, именно домом, потому, что нам больше некуда идти. Некогда это было поселение, чуть ли не на сотню добротных рубленых домов, окруженных садами. С одной стороны деревни небольшая рощица, за которой вдалеке темнеет дремучий лес, с другой, бескрайние ухоженные поля, кормившие и крестьян и столицу. Сейчас, от всей прежней красоты осталась лишь одна чудом уцелевшая избушка на окраине выжженной деревни. На месте рощи – частокол обугленных стволов. Все это визитная карточка дракона. Он довершил то, что не успели сделать гоблины.

Смерть мальчика поставила крест на спасении Ди. То, что

я ее больше никогда не увижу, не вызывает никаких сомнений. Нас разделяет два непреодолимых препятствия: орды тварей хозяйничающих в этом мире и мое неумение проходить через Занавесь.

Никогда не думал, что за столь короткий срок человек может мне стать настолько дорог. Наше знакомство было недолгим, но оставило в моей душе глубокий след. К сожалению, это все в прошлом. Сейчас для меня будет наиболее разумным забыть о ней и, последовав совету Железяки, отсечь прошлое, начав жизнь сначала в новом мире.

От отчаяния и бессилия начали появляться худые мысли. Жизнь потеряла смысл, и я не знаю, что делать дальше. Можно конечно пытаться выжить в этом мире, в общем-то он ничем не хуже дома. Посвятить себя борьбе с тварями, или еще чем заняться. Было бы желание, а работа всегда найдется. Но проблема в том, что все это не вызывает у меня ни малейшего интереса. Тяжело жить, не имея цели.

Единственное, почему я до сих пор жив, а не геройски погиб в бессмысленной схватке, например с гоблинами, или еще как, это любопытство. Я не понимаю, зачем Хозяева направили колоду спасти меня. Их поступки всегда были для меня загадкой, но на этот раз Хозяева переплюнули все предыдущие деяния. Зачем им понадобился обычный парень Дима – бывшая Шестера Пик? Что во мне такого особенного? Такое впечатление, что они хотят, чтобы я дошел до Форта Ночного Сияния и освободил Ди. Но зачем это су-

ществам, которые повелевают не одним миром? Ни логика, ни Железяка не помогли разрешить мне ни один из этих вопросов.

Глава 28.

Звонкой струной запела освободившаяся из плена пальцев тетива. Заяц подпрыгнул и пушистым комом покатился по земле, судорожно суча лапками. Вот и наш обед. Быстро подхожу к добыче и коротким движением ножа обрываю ее мучения. Большие глаза покрылись красной поволокой, и жизнь навсегда покинула крохотное тельце. Забавно, но я, профессиональный солдат, отправивший всякими разными способами на тот свет уйму народа не люблю убивать животных. Железяка, услышав о моем чудачестве, долго хохотал, прихлопывая ладонями по бедрам. Он счел мое откровение за шутку, и никаким способом мне не удалось объяснить, что испытываю жалость, убивая беззащитных зверюшек. Железяка обозвал меня лодырем, отлынивающим от работы, сунул в руки лук и отправил за обедом.

Закидываю добычу за плечи и привычно осматриваю опушку леса. Дни, прожитые в заброшенной деревушке, научили нас быть предельно осмотрительными. К счастью орды гоблинов не проявляют особого интереса к уже опустошенным деревьям. Пару раз видели драконов и тут же прятались, от греха подальше.

Шевельнулись ветви на опушке, выдавая присутствие человека или гоблина. Это точно не какой-то лесной зверь, так как ветви шелохнулись где-то на высоте человеческого роста.

Достаю из колчана стрелу с зубчатым наконечником и натягиваю лук. Если врагов не больше пяти – буду драться, иначе – ноги в руки и, петляя, как заяц по оврагам с непролазными зарослями кустарника, буду драпать.

Ленивой походкой из лесу показался Апокимус. Неизменный кожаный балахон с прорезями для рук, длинная седая борода и перетянутый черной лентой водопад волос. Напевая какой-то незатейливый мотивчик, он небрежно бросает в рот красные ягоды, и довольно кривится как ребенок, которому сунули в рот ломтик лимона. С одной стороны вроде бы и кислятина, а с другой довольно вкусно.

Облегченно вздохнув, опускаю лук. Забавно, при каждой нашей встрече маг обязательно что-нибудь ест. Как из голодного края вырвался.

– Охотой занимаешься? – поинтересовался маг, подойдя поближе.

– Ага. Кушать то хотца, – отвечаю, стараясь не показывать радость, вызванную его появлением. Он – ниточка, связывающая меня с прошлым, о котором надо забыть.

– Ну и что собираешься делать дальше? – поинтересовался Апокимус и отправил в рот еще одну ягоду.

– Не знаю, – честно признаюсь я. – Может, вы подскажете?

Наверное, я жду от него чуда. Настоящего чуда, которое поможет мне в один миг оказаться за Занавесью и увидеть черные стены Форта Ночного Сияния.

– Подсказать говоришь? – недовольно глянул на меня Апокимус. – А не жирно ли будет? Подсказок я тебе давал более чем достаточно. Даже оборотня в придачу дал. А ты? Мальчик погиб, колода тоже, а результатов пшик. Не слишком ли много жертв ради одного человека?

– А я что виноват? – не в силах сдерживаться кричу ему в лицо. Накопившиеся в душе боль утрат и тоска безысходности в один миг прорывают плотину внешней невозмутимости. – У меня не было выбора! Зачем Хозяева затеяли игру со мной? Что им от меня нужно? Вы думаете, я всего этого хотел?

Ох, как мне хочется ухватить этого старичка за седую гриву и бить, бить головой о землю, до тех пор, пока он, захлебываясь собственной кровью, все не расскажет. Наверняка он многое знает.

– А ты думаешь, что я хотел быть одним из Хозяев? – потеряло привычное спокойствие лицо Апокимуса. В нем, как в зеркале я увидел себя и свои чувства. На лице мага та же боль, тоска и горечь проваленной работы. – Думаешь, у меня кто-то спрашивал?

– В-в-вы?!

Я замер в полной растерянности, не зная как поступить.

Я так давно мечтал узнать ответ на этот вопрос, а когда получил, не знаю, что с ним делать.

– Удивлен? – взял себя в руки Апокимус. Бушевавшие чувства исчезли как рисунки на песке после набега морской волны.

–

Наверное. Я конечно предполагал, но... Все таки... Вы...

Его признание вызвало сумятицу в мыслях и до сих пор не отличавшихся упорядоченностью.

– Ладно-ладно, – понимающе глянул старик. – Присяжайся, у нас будет длинный разговор. Я не обещаю, что отвечу на все вопросы, но в курс дела тебя введу.

– Пойдемте лучше к нам. Железяке тоже будет интересно послушать.

– Нет, – отрицательно покачал головой старик. – Ему это ни к чему. У него своя дорога. Вам уже не по пути.

Мы садимся друг напротив друга на нагретый близнецами солнцами холм. Слева от нас непрерывной хмуро-зеленой полосой тянется лес, а справа где-то в зарослях пышных кустов журчит невидимый ручеек, подпевая слабеньким голосом нестройному хору лесных птиц. Райская идиллия. Мне даже не верится, что этот мир в скором времени обезлюдет. Каков бы не был крепок Рошгор, как бы не были храбры его защитники, рано или поздно падут белокаменные стены, и полчища гоблинов войдут в город при поддержке драконов

и червей.

– Я внимательно слушаю, – всем своим видом выражаю готовность получать ответы на давно мучащие вопросы.

– Однажды те, кто создал наш мир, – наткнувшись на мой удивленный взгляд, старик поясняет. – Да-да. Я не оговорился. Именно наш. Я, как и ты родился на Земле и до определенного момента был самым обычным человеком. Ну ладно, не будем отвлекаться. Все по порядку. Когда они вернулись, то были невероятно разочарованы тем, что произошло с их детищем. Войны, смерти, эпидемии, духовный упадок... В общем то, что нам кажется обычной жизнью. Создатели, условно назовем их так, явно ожидали от нас чего-то другого. Мы для них что-то вроде цветов. Они создают клумбу за клумбой, мир за миром. Я не знаю ни кто они, ни как выглядят, ни откуда пришли. Знаю лишь, что мы настолько отличаемся от них, насколько отличается цветок розы от мыслей ухаживающего за ней садовника. В отношении Создателей бессмысленно задавать какие-либо вопросы.

– Боги? – перебил я.

– Можешь называть их как угодно, все равно термин не отобразит истинной сущности. Они вне пределов нашего понимания. Вернувшись, они увидели, что стало с их клумбой, и решили ее вскопать...

– Что, значит, вскопать? – встрепенулся я. – Ведь если вскопать, как вы говорите, клумбу, то от цветов и следа не останется. Это же варварство! Вот так ни за что взять и уни-

чтожить человечество!

– Верно. И следа не останется. – Апокимус бережно разгладил бороду. – Но ты зря так кипятишься. Я же говорил, что Создатели вне нашего понимания, и то, что тебе кажется варварством для них не более чем удаление сорняков вытеснивших посаженные цветы. Ты ведь не чувствуешь себя палачом, беря в руки сапку. Они уже готовы были начать все заново, но что-то их остановило. Среди густых зарослей чертополоха несмело пробивались хиленькие, еле заметные на первый взгляд цветы, источающие божественный запах.

– Что-то я запутался в вашем рассказе. Может, хватит всех этих цветочков-бурьяночков? Говорите как есть.

– А именно так оно и есть, Дима, – улыбнулся в бороду Апокимус. Сейчас он уже не похож на могущественного мага, мечущего грома и молнии, способного превратить в пепел своего врага. Передо мной старик, утомленный годами и тяжелой ношей. Глубокие рытвины-морщины густой паутиной покрывают лицо, пожелтела от старости кожа на пронизанных вздувшимися венами руках. – Они нашли определенные человеческие чувства. Ты понимаешь, о чем я говорю. Это те самые чувства, которые заставляют нас благородные, а подчас и просто безрассудные поступки. Движимые этими невидимыми силами люди становятся героями или просто влюбленными. Порой мы не обращаем внимания на них, но очень часто именно они определяют наши поступки. находка удивила Создателей. До сих пор они не

сталкивались ни с чем подобным, ни в одном из созданных миров. Эти новые цветы оказались для них дороже золота. Конечно, ты понимаешь, что золото им совсем ни к чему. Это всего лишь сравнение. Создатели решили сотворить совершенно новую клумбу, и заполнить именно такими цветами. Они настолько спешили, что решили не тратить время на построение физического, в человеческом понимании, мира. Почвой стали жители Земли.

– Какой еще почвой?

У меня от рассказа Апокимуса кружится голова. Чертовщина какая-то. Боги – цветочки, люди – растения, чувства – аромат. Дурдом! А теперь оказывается, что мы еще и почва.

– Почва – это наше сознание. Общечеловеческое сознание. Миллиарды людей населяющих Землю образуют одну огромную площадку, состоящую из множества плиточек, каждая из которых это сознание отдельно взятого индивидуума. Именно в общечеловеческом сознании должен был быть создан новый мир. Построить его должны были сами люди силой чувств, мыслей и мечтаний. Естественно, что никто их ни о чем подобном не извещал. От людей требовалось лишь то, что они делают ежедневно: думать, мечтать, чувствовать. Почему в качестве строителей Создатели выбрали именно жителей нашего города, я не знаю. Может самое чистое в их понимании место, может еще что. Тогда тебя еще и на свете не было, но твой отец может в полной мере называться строителем нового мира. На каком-то мо-

менте процесс пошел не правильно. Чувства, желания, мысли людей города оказались настолько разными, что вместо одного мира в общечеловеческом сознании разместились десятки совершенно разных миров, разделенных между собою Занавесями. Миры действительно получились идеальными, полными теплых чувств и добра. Кстати, ты наверняка не раз спрашивал себя, почему во всех мирах разговаривают на русском.

– Спрашивал, конечно, – согласно киваю я. – Но теперь все ясно. Раз миры создавались людьми моего города, то это автоматически повело за собой внедрение русского языка. Можно сказать, что инструмент внес свою лепту, причем не малую в формирование миров.

– Очень даже не малую. Именно люди, сами того не ведая, определили, какими будут новорожденные миры. Они вложили в них свои мечты и самые светлые мысли, – чуть ли не торжественно сказал Апокимус.

– Я понимаю... Наверное.

– Создатели были довольны своим новым творением, не смотря на то, что оно отличалось от задуманного, – продолжает старик. Он похож на сказателя былин, повествующего о сотворении мира. – Они получили то, что хотели – заполненные благоухающими цветами клумбы. Не взирая на могущество, Создатели не учли один нюанс. Между мирами и людьми образовалась связь, причем односторонняя. Эмоциональный фон жителей Земли, а ты сам знаешь, что он да-

лек от нормального, начал оказывать неблагоприятное влияние на созданные миры. Прошло совсем немного времени, и цветочные клумбы покрылись сорняками, стали подобными Земле. Это повлекло за собой целую цепь проблем. Ты был во многих мирах и видел, что в каждом из них что-то не так. Войны, катастрофы, нашествия чудовищ – все это работа землян. Именно их черные мысли, и грязные чувства ввергли новые миры в хаос и обрекли на медленную, но неизбежную гибель. Создатели плюнули и на Землю, и на созданные в сознаниях людей миры и ушли, оставив после себя множество заполненных сорняками клумб. Уходя, они оставили строптивым цветам не совсем приятный подарок – установили обратную связь между новыми мирами и Землей.

– Это значит, что чем хуже будет становиться здесь, тем больше проблем будет возникать на Земле? – догадался я.

– Именно так дело и обстоит. А еще они взяли несколько жителей города, наделили рядом способностей и нарекли их Хозяевами. С того момента в обязанности Хозяев входило управление новыми мирами. У Создателей, наверняка, было извращенное чувство юмора, если конечно вообще было. Трудно придумать более глупый способ, чем использование четырех колод карт для управления мирами. Но у нас не было выбора. Именно от наших действий зависело благополучие Земли. Тогда-то и началась эпоха миссий. Мы просчитывали варианты, вероятностные ветви развития событий и вмешивались. Колоды в основном набирались из ин-

валидов-ветеранов, чаще всего жителей нашего города. Основная наша задача – обеспечение стабильности в новых мирах. Если тут все станет совсем плохо, – Апокимус вздохнул, – на Земле наступят тяжелые дни. К сожалению, наше управление неэффективно из-за ряда жестких правил установленных Создателями. Даже мы, Хозяева не в силах их нарушить. Не смотря на то, что для обычного человека мы можем показаться чуть ли не волшебниками, большинство наших шагов строго предопределено. Туда нельзя. Сюда нельзя. Тебе никогда не приходило в голову, почему не разбегаются колоды? Ведь по идее, оказавшись здоровыми в чужих мирах, карты должны были бы дезертировать. Все предельно просто, подобное им даже в голову не приходит. Именно поэтому и функционирует дурацкая схема с медальонами и транспортными модулями. Жесткая психологическая блокада, назовем это так, хотя не уверен, что термин правильный. Вспомни, ведь все вы действуете как роботы. Есть задача, ее необходимо выполнить, все остальное роли не играет. У нас, Хозяев, в принципе то же самое, только рамки шире. Возможно, мы кажемся тебе извергами, посылающими инвалидов на смерть, но это не так. У нас просто нет выбора. Мы даем вам сны, согласишься, это не мало, а взамен берем жизнь, и играем ней за благополучие нашего мира. Изредка среди карт появляются козыря – люди, сумевшие сознательно нарушить установленные правила, вырваться из оков ограничений. Я говорю о таких как ты. Со временем, те, кто про-

шел испытание, становятся новыми Хозяевами. Мы смертны и посему требуем смены, а кроме этого, чем больше Хозяев, тем легче прогнозировать вероятность тех или иных событий. Наша производительность напрямую связана с количеством. Слышал, наверное, такой термин – кластер. Это когда много компьютеров объединяются вместе для решения одной задачи. Вот и у нас то же самое. Чем больше Хозяев, тем быстрее и точнее решаются задачи. К сожалению, наши ряды пополняются крайне редко.

– Не по Сеньке шапка, – горько изрекаю, поняв к чему ведет Апокимус.

– Ты прав, – кивнул маг. – Ты провалил испытание. Не дошел до Форта Ночного Сияния. Тебе оставался всего лишь один трудный, но выполнимый шаг – дойти до Занавеси. Ты бы смог ее самостоятельно преодолеть. Вспомни, знания просыпаются именно тогда, когда необходимы... Но это не повод для огорчений. Ты проснешься и заживешь прежней жизнью. С твоей девушкой ничего не случится. Она тоже проснется, и вскоре вы будете вместе. Ди тебя любит, и ты будешь редкостным кретином, если упустишь свое счастье. Кстати, на Земле прошли всего лишь сутки. В качестве утешения могу сказать, что ты хорошо шел. Не очень быстро, но хорошо. Ты думал не только о себе, но и о других. Общение с тобой благотворно повлияло на многих.

– Жалко, – вздыхаю в ответ.

– Чего? – глянул на меня старик.

– Не чего, а кого. Мальчика жалко и Даму.

– Дама выполняла свою работу. Любимую работу. Она прошла немало миссий и получила от жизни намного больше, чем если бы прожила ее до старости, сидя в инвалидной коляске. – Апокимус словно читает мои мысли. Эти слова я твержу себе уже который день как молитву искупления. – А вот оборотень... Мальчика действительно жаль. Он был предан тебе. Кстати, это большой плюс в список твоих достижений, Дима. Обратни индивидуалисты, и редко с кем считаются. Можно сказать, что ты его приручил.

– Кем он был для вас? Слугой?

– Нет, не слугой. Обратни это единственный тип живых существ за исключением Хозяев, которые могут физически переходить из реального мира в миры сознаний и беспрепятственно преодолевать Занавеси. Я об этом уже как-то упоминал. Для меня мальчик был другом. А я для него старым знахарем-колдуном Апокимусом и хоть какой-то заменой погибшей семьи. Именно из-за гибели родителей он потерял дар речи. Жаль его. Хороший мальчик был. – Старик громко высморкался в носовой платок и как-то весь осунулся, словно принял на плечи непосильный груз.

– Как мы могли дойти до Занавеси? – спрашиваю у него. – Драконы, черви, гоблины. Как мы могли пройти сквозь них?

– Как говорил Ниро Вульф: "любая история должна иметь хотя бы одну неразгаданную тайну", – поучительно заметил Апокимус.

– В нашей их более чем. – Стаута я люблю, но предпочел бы услышать ответ на вопрос, а не цитату. – А как же Железяка? Что будет с ним?

– Твой друг останется здесь, и что неизбежно рано или поздно погибнет. Вернуть его из сна я не могу, так как он своего рода исключение. Когда Железяка вошел в сон, на своей последней миссии, его тело, находящееся на Земле, умерло от кровоизлияния в мозг. Благодаря удивительному стечению обстоятельств он еще в придачу лишился этого дурацкого медальона, ничего глупее этой побрякушки Создателя придумать не смогли. Ему некуда возвращаться. И еще, надеюсь ты на меня не в обиде, за то, что я использовал Ди в качестве приманки. Говорю я, потому, что это была именно моя идея. Остальные Хозяева лишь поддержали ее. Просто мне надо было заставить тебя двигаться, а это был наиболее верный способ.

– Нет, наверное, не в обиде, – задумчиво говорю я. – Цель оправдывает средства. В другой ситуации я бы с радостью врезал вам промеж глаз, но... На кону слишком большая ставка, чтобы обижаться по мелочам. Одна судьба ничто, по сравнению с благополучием миллионов.

– Это хорошо, что ты все понял, – облегченно улыбнулся старик. – Я думал, что наш разговор будет труднее. – И неожиданно продекламировал:

Смертельной игрой все мы увлечены,
Не знаем только мы всех правил той игры,

Прозрением умов, спасительным для нас
Дает Хозяин нам использовать свой шанс.

– Ваши стихи? – удивленно глянул я на Апокимуса.

– Нет. Писать стихи намного труднее, чем материализовать бутылку коньяку с лимончиком в придачу. Тут фантазия нужна, а не технология, которую любой дурак освоить может, – огорченно вздохнул он. – Эти строки написаны одним из Хозяев в его бытность картой.

– Удачно он подметил. Особенно про прозрение умов. – Мысленно несколько раз прокручиваю четверостишие в уме. Как просто, всего четыре нехитрые строки, а вмещают большую часть моей жизни. – А почему Апокимус?

– Что почему? – не понял меня старик.

– Вы говорили, что родом из моего города, но имя Апокимус это даже не экзотика, это что-то из области сказок.

– Ну не солидно, если Хозяина будут называть Васькой, – улыбнулся старик, поднимаясь на ноги. – Ну, все. Тебе пора возвращаться домой.

– Снов больше не будет? – с тенью надежды спрашиваю я.

–

Извини Дима, я не могу выходить за рамки правил, даже если очень этого хочу.

– Понял. И еще... У Земли нет никакой надежды? Только честно.

– Если не произойдут радикальные перемены – нет. Я не верю, что люди, не зависимо в каком из миров они живут,

способны вот так запросто стать добрее и чище. По крайней мере, до сих пор это у них не получалось. Боюсь, что естественным путем эта проблема не решится.

– А что за радикальные перемены? – встрепенулся я.

– Точно так же как среди карт изредка встречаются козыря, так же и среди Хозяев может появиться тот, кто способен преступить барьеры установленные Создателями. Его появление может многое изменить. Мы называем его Хирургом.

– Такое уже хоть раз случилось?

– Нет. Мы думали, что со временем это будешь именно ты. Но... – развел руками старик.

– Мне очень жаль, что я не оправдал ваших надежд.

– Мне тоже. Прощай Дима.

– Прощай Хозяин!

г. Очаков 04.05.03